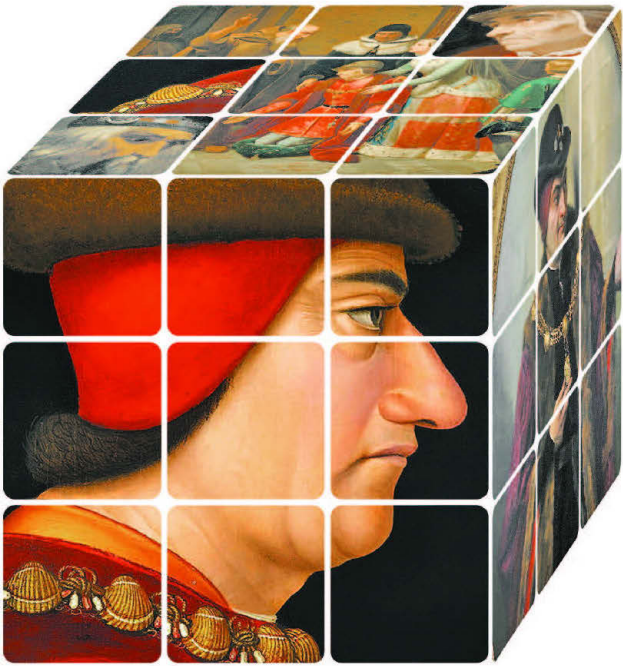
Шарль Пти-Дютайи

par vus libellus

ЦАРСТВОВАНИЕ ЛЮДОВИКА XI



ЕВРАЗИЯ

Charles Petit-Dutaillis

LE RÈGNE DE LOUIS XI

Шарль Пти-Дютайи

ЦАРСТВОВАНИЕ ЛЮДОВИКА XI

2-е издание, электронное

ЕВРАЗИЯ
Санкт-Петербург
2025

УДК 94(460).053
ББК 63.3(0)51
П87

Пти-Дютайи, Шарль.
П87 Царствование Людовика XI / Ш. Пти-Дютайи ; пер. с фр. М. Ю. Некрасова. — 2-е изд., эл. — 1 файл pdf : 222 с. — Санкт-Петербург : Евразия, 2025. — (Parvus libellus). — Систем. требования: Adobe Reader XI либо Adobe Digital Editions 4.5 ; экран 10". — Текст : электронный.

ISBN 978-5-8071-0760-2

К моменту смерти короля Карла VII, победителя в Столетней войне, положение Французского королевства было непростым. Дофин Людовик, ставший королем Людовиком XI, вынужденно вступил в конфликт с теми, кто его прежде поддерживал в борьбе с отцом — королем, — с крупными французскими феодалами. Особенно резким оказался перелом в отношениях с Бургундией. Если с герцогом Филиппом Добрым, который до коронации Людовика был для него не просто союзником, а прямо-таки покровителем, до открытого противостояния дело не дошло, то сын и преемник Филиппа, герцог Бургундский Карл Смелый, превратился во врага нового короля. Борьба с Бургундией стала одним из главных дел в царствование Людовика XI и завершилась для французского короля полным успехом. Шарль Пти-Дютайи, знаменитый французский историк конца XIX — первой половины XX в., анализирует как внешнюю (отношения с Англией, Испанией, Италией, римскими папами), так и внутреннюю политику Людовика XI. Немало места автор уделяет описанию личности короля — его сложному характеру и отношениям с разными классами французского общества.

УДК 94(460).053
ББК 63.3(0)51

Электронное издание на основе печатного издания: Царствование Людовика XI / Ш. Пти-Дютайи ; пер. с фр. М. Ю. Некрасова. — Санкт-Петербург : Евразия, 2022. — 222 с. — (Parvus libellus). — ISBN 978-5-8071-0551-6. — Текст : непосредственный.

В соответствии со ст. 1299 и 1301 ГК РФ при устранении ограничений, установленных техническими средствами защиты авторских прав, правообладатель вправе требовать от нарушителя возмещения убытков или выплаты компенсации.

ISBN 978-5-8071-0760-2
© Некрасов М. Ю., перевод, 2021
© Юрченко К. А., дизайн обложки, 2022
© Оформление, ООО «Издательство «Евразия», 2022

Глава I
Людовик XI. Первые годы царствования

I. Смерть Карла VII и вступление Людовика XI на престол. — II. Людовик XI и его окружение. — III. Первые акты Людовика XI (1461–1465)

I. Смерть Карла VII и вступление Людовика XI на престол[1]

Людовик в Женаппе

Кончина Карла VII была мучительной. Дофин, обосновавшись в Женаппе, по-прежнему занимал двусмысленную позицию наследника, которому не терпится получить наследство и который во всем противоречит отцовской воле. В Италии он объявил себя сторонником Фердинанда Арагонского в борьбе против Анжуйского дома и сторонником Сфорца в борьбе против

---

[1] Помимо рассказа Мишле (в его «Истории Франции», книги XIII–XVII, — изложения примечательного, но устаревшего и во многом неточного), хорошей истории Людовика XI у нас нет. Работы Пьера Матьё (*Matthieu P.* Histoire de Louis XI, roy de France. Paris: Méttayer & Guillemo, 1610), Дюкло (*Duclos Ch.* Histoire de Louis XI. La Haye: J. Neaulme, 1745–1746. 3 vol.), Ю. Леже (*Legeay U.* Histoire de Louis XI, son siècle… Paris: Didot, 1874. 2 vol.) мало заслуживают доверия. Первые три тома собрания рукописей о Людовике XI, выполненного бенедиктинцем Леграном (*Bibliothèque Nationale*. Fonds Français. N° 6960–6990), образуют посредственно составленную историю царствования, которая часто используется некритично.

Орлеанского дома; его радовало, что войска Карла VII во второй раз изгнаны из Генуи. В Испании дофин заключил союз с доном Карлосом, потому что Карл VII поддерживал Хуана II. В отношении Англии он высказывался в пользу дома Йорков, потому что Карл VII благоволил к партии Генриха Ланкастера и Маргариты Анжуйской. Людовик ликовал, узнав о падении Генриха VI и вступлении 4 марта 1461 г. на престол Эдуарда Йорка, и вместе с герцогом Бургундским добивался от нового короля вторжения во Францию. Он поддерживал тайные связи с «некоторыми сеньорами и князьями» империи и сумел добиться, чтобы те же агенты, которых отправлял в Германию Карл VII, посылали тайные отчеты ему. В то же время он в качестве наследника престола писал послания советникам Парижского парламента и Счетной палаты и бюргерам добрых городов[2] Франции, приводя жителей в полное изумление и растерянность; в качестве дофина он претендовал на право давать указания парламенту Гренобля. Был ли он причастен к нескончаемым придворным интригам и заговорам, омрачавшим последние годы царствования его отца? Доказательств этого нет. Во всяком случае, бесспорно, что ему удалось найти общий язык кое с кем из окружения Карла VII.

---

[2] Добрые города — в средневековой Франции города, имевшие особые отношения с королем: он жаловал им привилегии и покровительство, они были обязаны при надобности предоставлять ему военные контингенты. — *Прим. пер.*

Кончина Карла VII

Другие советники, хранившие верность королю, с тревогой думали о судьбе, которая их ждет, и некоторые втихомолку поговаривали, что в интересах короны следовало бы лишить Людовика наследства в пользу Карла — его младшего брата. Карл VII не прислушивался к этим намекам. Он надеялся преодолеть упорство дофина. Но тот желал вернуться во Францию лишь королем. Он знал, что отец не доживет до старости. В 1457 г. у последнего «обнаружили незаживающую язву на ноге, постоянно мокшую и непрестанно гноившуюся». Дофин, который, по словам Шателена, «изнывал в ожидании вожделенного часа», содержал шпионов, осведомлявших его о развитии болезни, а хорошо оплачиваемые астрологи заверяли его, что королю «не выжить». К июлю 1461 г. у Карла VII появились флегмона во рту и, вероятно, также размягчение мозга. Он умер 22 июля в убеждении, что его отравил сын. Лейб-медик Адам Фюме, арестованный и посаженный в тюрьму во время болезни короля, в царствование Людовика XI сделает блестящую карьеру; из этого следует лишь заключить, что он был одним из информаторов дофина. Подозрения, какие внушает поведение Адама Фюме, несомненно, лишены всякого основания: людям того времени отравления чудились повсюду. Это был не единственный раз, когда цинизм Людовика XI, его привычка шпионить за всеми, его нетерпеливое ожидание смерти тех, кто ему мешал, давали поводы для клеветы.

Людовик XI в Авене

17 июля советники, находившиеся при дворе, предупредили дофина, что король в отчаянном положении. Людовик немедленно покинул Женапп, остановился близ границы, в Авене, и приказал своим «верным» быть готовыми соединиться с ним в Шампани. Он не знал, как его встретят во Франции. Филипп Добрый, больше всего желавший покровительствовать ему, собрал для его сопровождения «грозное и на удивление огромное войско». Но как только Карл VII умер, Людовик XI обнаружил, что в Авен спешат герцог Бурбон, многочисленные сеньоры и прелаты, делегаты Парижского парламента и университета и множество капитанов и владельцев должностей — целое шествие, участники которого ехали верхом, в повозках, на носилках, чтобы изъявить ему покорность. Успокоившись, Людовик XI попросил Филиппа Доброго привести всего четыре тысячи всадников. Он выехал в Реймс в первые дни августа, «горя и пылая желанием поскорей умчаться».

Посвящение в королевский сан

Коронационные празднества были великолепны. Расточительный Филипп Добрый взял все расходы на себя — это был как бы апофеоз герцога Бургундского. 13 августа, когда Людовик XI находился в окрестностях Реймса, в аббатстве Сен-Тьерри, герцог вступил в город, где посвящали королей; по приказу Людовика, державшегося

крайне скромно по отношению к своему «доброму дядюшке», архиепископ и городские магистраты преподнесли Филиппу Доброму ключи от города. Он привез с собой сто сорок повозок, наполненных золотой монетой, драгоценной посудой и бургундскими винами, и привел стада быков и баранов, предназначенные для пиров, «ибо у короля для этого праздничного торжества не было ни наряда, ни посуды, ничего помимо того, что вручил и предоставил ему дядя, герцог Бургундский». На следующий день Филипп послал за королем; на бургундских сеньорах были костюмы из золотой и серебряной парчи, седла их были окованы золотом, а в качестве поводьев у них были золотые цепочки. 15 августа Людовика посвятили в королевский сан. Филипп Добрый как старейший из пэров Франции взял на себя руководство церемонией и возложил корону на голову нового короля.

Людовик XI и Филипп Добрый в Париже

В Париж, как и в Реймс, Людовик XI позволил герцогу приехать на несколько дней раньше, чем приехал сам. Филипп Добрый выехал оттуда, чтобы вернуться уже с королем, 31 августа. «Великий герцог Запада», который, говорили, носит костюм стоимостью в четыреста тысяч экю, и роскошные господа из его свиты поглощали все внимание публики. В квартале Крытого рынка корпорация мясников, некогда известная бургиньонским рвением, не могла сдержать восторгов:

«О подлинный и благородный герцог Бургундии, — воскликнул один из них, — добро пожаловать в город Париж; как давно вас здесь не было, а вас так ждали». Полтора месяца Филипп не жалел для парижан средств на праздники, турниры и подарки. Горожане шествовали по его особняку, разинув рты, восхищаясь «большим залом, целиком увешанным гобеленами с высокой основой, вышитыми золотыми нитями и посвященными мистерии о Гедеоне», или гигантским расшитым шатром черного бархата, который был привезен в багаже герцога и включал в себя покой, гардероб, молельню и капеллу.

Разочарование бургундцев

Герцогский историограф Жорж Шателен превознес эти дни в «Мистической аллегории» о пастухах, идущих в Вифлеем: Мария, — пишет он, — это Французский дом, Вифлеем — Париж, Иосиф — «герцог Бургундский, хранитель дитяти, как смиренный слуга его достоинства верно прислуживавший ему и поселивший его в глубинах своего сердца». Но «дитя» родилось неблагодарным: бургундцы скоро испытали разочарование. «Этот король Людовик, выскакивающий из ничтожества в полноту желаний, не заметив границы между этими состояниями», сразу же показал, что хочет быть хозяином в своем доме, и очень учтиво отказался назначать на должности кандидатов, которым покровительствовал добрый герцог. «Монсеньор, — спросили Филиппа, — как вам Париж? Как вам здесь нравится?» — «Не

знаю, — сказал герцог. — Мне здесь так нравится, что я предпочел бы его покинуть». И 30 сентября он уехал. Еще 24-го Людовик, которому не терпелось начать царствовать, выехал в Турень.

II. Людовик XI и его окружение

Людовик XI. Его внешний вид

К моменту вступления на престол Людовику XI было тридцать восемь лет. Сын тщедушного Карла VII, внук безумного Карла VI, правнук вялого и болезненного Карла V, новый король выглядел невзрачным и хилым. Его лицо со сверкающими глазами, пронизывавшими собеседника сверлящим взглядом, уродовал горбатый и слишком длинный нос. Его ноги были тонкими и искривленными, вел он себя скованно. Одевался король очень просто, а на голове носил дрянную паломническую шляпу, украшенную только свинцовым образком. Когда он вступал в Абвиль в обществе роскошного Филиппа Доброго, «все простые люди, никогда не видевшие короля, — рассказывает Шателен, — изумлялись его облику и говорили вслух: „Господи! И это король Франции, величайший король в мире? Его лошадь и вся одежда не стоят и двадцати франков“».

Его резиденции

В частной жизни Людовик XI искал только удобства: он не захотел жить в Лувре и велел оборудовать для себя в Париже особняк Турнель. Но жить предпочитал в Турени — в Амбуазе или

в укрепленном замке, впрочем, обширном и внешне привлекательном, который построил близ Тура, в Плесси. Он очень постарался сделать Плесси-ле-Тур резиденцией надежной, достойной и приятной.

Его поездки

Впрочем, Людовик XI нигде не задерживался надолго. Врач и астролог Шуане, сочинивший по его заказу трактат «Розарий войн», писал: «Государь должен печься о состоянии своего народа и столь же часто посещать его, как добрый садовник — свой сад». Это был один из жизненных принципов Людовика XI, желавшего «знать обо всем и обо всех». Его письма, его счета, хроники, депеши итальянских послов создают впечатление, что он постоянно находился в пути. Он выезжал на восходе солнца с пятью-шестью приближенными, причем «на нем и на его спутниках была одежда из толстого серого сукна, грубая, как у паломников»; лучники и багаж следовали поодаль. Людовик сидел на «добром муле, шедшем очень мягкой походкой», либо ехал на лодке. Он запрещал за собой следовать и часто велел запирать ворота города, который он покинул, или ломать за собой мост. Послы, получившие приказ увидеться с ним во что бы то ни стало, иногда были вынуждены несколько раз пересечь Францию, прежде чем добиться встречи, если только в разговоре не был заинтересован сам король. Бывало, что Людовик давал им аудиенцию «в крестьянской хибарке, очень убогой». В городах, через которые проезжал, он селился у бюргера или у чиновника. Чтобы избежать торжественных речей

и приемов, король появлялся неожиданно, пройдя каким-нибудь закоулком. Если ему надо было вытерпеть торжественный «въезд», он просил, чтобы хотя бы «ему не устраивали слишком шумного приема». Город Тур долго готовился, чтобы отпраздновать его первый визит, и художнику Фуке было поручено составить смету расходов; но когда бальи Турени осведомился у короля, «угодны ли тому будут» представления мистерий, Людовик XI ответил, что «нет и что никакого удовольствия ему это не доставит»[3].

Его развлечения

Никогда монарх не выражал такой антипатии к церемониям, балам, пирам и турнирам. При его дворе молодые люди и дамы смертельно скучали. Он заказывал празднества, только если хотел устроить пышный прием какому-то князю или посольству. Его развлечения были развлечениями мелкого дворянчика. Людовик XI охотно обедал не дома: посол Каньола с некоторым удивлением рассказывает, что видел, как король в Туре после мессы ел в таверне на Рыночной площади, под вывеской святого Мартина. Он

---

[3] О «въездах» Людовика XI в провинциальные города см.: *Marchegay P.* Dépenses faites pour l'entrée solennelle de Louis XI à Angers // *Bulletin de la Société industrielle d'Angers et du département de Maine et Loire*. 1858 (XXIX). P. 73–81; *Dorange A.* Entrée de Louis XI à Tours, en 1461 // *Bulletin de la Société archéologique de Touraine*. 1880–1882 (V). P. 191–192; *Bénet A.* Louis XI à Évreux // *Bulletin de la Société de l'histoire de Normandie*. 1893–1895 (VII). P. 168–170.

напрашивался, и очень часто, на обед к друзьям, почти всегда мелким дворянам или бюргерам, таким как его хлебодар Дени Эсселен, сборщик налогов Жан Арнульфен, советники Гильом де Корби и Этьен Шевалье или Жан Люилье, клирик из города Парижа. Там, в веселом обществе, сидя среди хорошеньких горожанок, он вволю пил и отпускал сальные шутки, потому что любил скабрезность, и по его письмам видно, насколько вольно он выражался. Монарх говорил с женщинами и говорил о них без стеснения, не щадя ни сестры, ни матери, ни королевы.

Охота, собаки и птицы

Людовик XI, которого очень неправомерно изображают скупцом, питал разорительную страсть к охоте и животным. Он тратил огромные деньги на то, чтобы в его лесах водилась дичь и чтобы его псарни и вольеры не пустели. Дарить французскому королю редкую собаку или ловчую птицу было дипломатическим ходом, и повсюду, где он останавливался, хозяевам приходилось «терпеть обилие собак, лежащих повсюду, и птиц, гадящих на постели и на приличное домашнее хозяйство добрых людей, и никто не смел молвить ни слова».

Политическая активность Людовика XI

«Я уверен в том, — пишет Коммин, — ...что если пересчитать все счастливые дни его жизни, когда он получал больше радостей и удовольствий, нежели забот и трудов, то их окажется очень

мало; думаю, что на двадцать дней, полных забот и трудов, придется только один день спокойный и счастливый»[4]. Людовик XI в самом деле был королем, страстно любившим свое ремесло, на удивление деятельным и методичным тружеником. Бóльшую часть жизни он тратил на то, чтобы приобретать сведения, собственными глазами видеть вещи и людей, а также чтобы изобретать политические комбинации, отдавать приказы и диктовать письма. У него была шпионская служба, были досье, где он хранил все секретные бумаги, найденные или украденные его шпионами; именно его желание быстро узнавать все породило знаменитый ордонанс 1464 г., создавший службу королевской почты. Он признавался, что любопытен, как женщина: «Брат мой, — писал он Оливье де Коэтиви, — у меня женская природа: когда мне о чем-либо говорят обиняками, я сразу же хочу узнать, о чем речь». Коммин, в свою очередь, пишет: «Никто, кроме него, не изъявлял желания знать стольких людей, и не прислушивался к людям столь внимательно, и не осведомлялся о столь многих вещах»[5]. Кстати, «память его была столь велика, что он помнил все»[6]. Осведомленный таким образом, он полагал, что может руководить в своем королевстве всем, вмешиваться во все, даже в «мелочи», и «подтачивать могущество» соседей.

Людовик XI обладал безмерным честолюбием, а его воображение, неустанно работавшее, порой

---

4 *Филипп де Коммин*. Мемуары… С. 260.
5 Там же. С. 35.
6 Там же. С. 259.

помрачало его «природный ум», который тоже не всегда был настолько «совершенным», как уверяет Коммин[7]. Его политика, изобиловавшая комбинациями, часто именно из-за этого оказывалась замысловатой и путаной. Само его хитроумие иногда побуждало его колебаться, «действовать осторожно»[8] или проявлять непостоянство. Зато никто лучше него не умел «выпутаться из беды в тяжелое время»[9]. Если он ошибался, он быстро это осознавал и обладал искусством «отступать, чтобы прыгнуть дальше». Король никогда не упорствовал из гордости: он говорил, что, «когда шествует гордыня, следом за ней идут бесчестье и убыток. Сам же он этим пороком запятнан не был»[10].

Дипломатия Людовика XI

Людовику XI нравились интриги и «сделки» [praticques]. Он великолепно умел запутывать противников, создавать им тысячу препятствий, а потом смягчать их озлобление, добиваться от них в нужный момент перемирия или продолжительного мира. Этот король, находивший возможности избегать всякой серьезной войны с англичанами, примирять Маргариту Анжуйскую с Уориком и швейцарцев с Сигизмундом Австрийским, был поистине ловкачом. Он обладал даром обаять собеседников, зная об этом, и старался по

7 Там же. С. 64.
8 Там же. С. 72.
9 Там же. С. 34.
10 Там же. С. 60.

возможности вести переговоры лично. Монарх внушал людям расположение приветливыми речами, чрезвычайно сердечными, непринужденными, буржуазными манерами. Это была сирена, как написал бургундский хронист Молине. Тома Базен обвинял короля в том, что тот брал за образцы Франческо Сфорца и неаполитанского короля Фердинанда; миланский посол Малета писал: «Кажется, что он всегда жил в Италии и там был воспитан». Он действительно обладал гибкостью итальянских дипломатов, их склонностью к плутовству и изощренным уловкам. Как и они, он очень умело давал взятки. Никогда не видывали монарха, столь упорно старавшегося «привлечь на свою сторону полезных или опасных для себя людей. Он не унывал, если с первого раза получал отказ от того или иного человека, и продолжал свои усилия, не жалея обещаний и даров в виде денег или тех должностей, которые, как он знал, того прельщали»[11]. Король полагал, что купить можно любого, будь то хоть герцог Бретонский или герцог Бургундский.

Людовик XI и война

Дипломатия была излюбленным оружием Людовика XI. Войну он не любил. Не то чтобы ему внушало ужас пролитие крови или он был трусом[12]. Но его неизменно страшила мысль, что,

[11] Там же. С. 34–35.

[12] К уже известным документам, говорящим о жестокости этого короля, о. Денифль добавил просьбу об отпущении грехов, которую Людовик, в то время

если ему не повезет, он утратит плоды долгих усилий. Во время кампаний против Карла Смелого король избрал стратегию, аналогичную той, какую ранее применял Карл V. Укреплять те крепости на границе, которые контролировали реки, тревожить захватчиков, при надобности заставлять их голодать, опустошая местность, — такими методами он довольствовался. Иногда монарх был вынужден посылать армию далеко; тогда он не позволял себе рекомендовать своим капитанам «отважно идти вперед». Как только появлялась возможность, он прерывал военные действия. Помимо того, что его пугали превратности сражений, война представлялась ему средством грубым, недостойным умелого государя и вредным для «общественного блага». В 1470 г.

дофин, направил папе в 1447 г. в связи с грабежами и убийствами, которые он допустил или приказал совершить в походах на Юг, в Нормандию и Германию (*Denifle H.* La désolation des églises, monastères et hôpitaux en France pendant la Guerre de cent ans et vers le milieu du XVe siècle. T. I. Paris: Picard, 1897. N° 1018). Об обвинениях в трусости, адресованных ему, см. *Basin T.* Histoire des règnes de Charles VII et de Louis XI. Apologie / publ. par J. Quicherat. T. III. Paris: J. Renouard, 1855–1859. P. 185 и далее; *Notices et extraits des manuscrits de la Bibliothèque nationale et autres bibliothèques*. 1895 (XXXIV, 2e part.). P. 101–103. Людовик XI писал Антуану де Шабанну в 1477 г., после взятия Арраса: «Что касается моей раны, нанесли ее мне по наущению герцога Бретонского, потому что он назвал меня *трусливым королем*, и вы тоже давно знакомы с моим обычаем, ведь вы когда-то меня видели» (*Lettres de Louis XI, roi de France*… T. VI. P. 163).

Людовик XI получил от папы Павла II буллу об основании «братства всеобщего мира», в состав которого должны были войти церковные сановники, суверены, вельможи и крупнейшие бюргеры городов; он написал Совету, что это дело «весьма хорошее и важное» и что он всем сердцем желает, «чтобы оное удалось и имело полный успех». Ни один король в большей мере не пренебрегал рыцарской славой.

Корыстное благочестие Людовика XI

Тем не менее Людовика XI удерживали в глубоком Средневековье представления, внушенные ему воспитанием, и особенно религиозные взгляды. Он был убежден, что Бог, Богоматерь и святые постоянно вмешиваются в его дела, и повсюду видел чудеса. Естественно, при столь прозаичном и практичном уме благочестие представлялось ему средством, и наиболее эффективным из всех, чтобы добиваться успеха в земных делах и в то же время предохранить себя от попадания в ад. То есть Людовик XI желал себе царствия небесного и рассчитывал снискать его таким же образом, каким приобретал союзников и слуг на земле. Он окружал вниманием и осыпал дарами Господа и влиятельных лиц рая. Паломничества и отправление культа занимали у него немало времени; часто видели, как он «падает на колени» на пол, чтобы помолиться. Новые церкви, раки святых, сделанные из драгоценных металлов, массивные серебряные решетки, приношения по обету в золоте и серебре, дары в виде монет, постоянные

мессы в знаменитых святилищах — все эти средства Людовик XI использовал, чтобы снискать милости Бога. Его щедрость к святому Мартину, святому Михаилу, святой Марфе и особенно Богоматери, «которая, — говорил он, — во всех делах предоставляет нам помощь и водительство», не раз вгоняла в пот его финансовых чиновников, когда им приходилось за несколько дней найти огромную сумму, чтобы вознаградить святого, только что выказавшего благоволение, или купить решающее вмешательство. Святой Мартин Турский после взятия Перпиньяна получил тысячу двести экю, а Богоматерь из Ле-Пюи после рождения дофина — двадцать тысяч золотых экю; чтобы помешать Карлу Смелому в 1472 г. взять Нуайон, Жан Бурре должен был срочно послать тысячу двести экю золотых и серебряных дел мастеру с поручением сделать «серебряный город» для Богоматери. Наконец, Людовик XI пытался переманивать небесных покровителей своих противников. Он часто совершал паломничества в святилища, почитаемые его крупными вассалами, позволявшие ему, кстати, попутно получать кое-какие ценные сведения. Его визиты к Богоматери из Беюара, к Богоматери из Нантийи, к Богоматери из Ле-Пюи давали ему одновременно повод выяснить, что происходит в Анжу, и возможность заинтересовать Святую Деву его планами, как распорядиться наследством короля Рене. Он преподнес великолепную раку святой Марфе Тарасконской, покровительствовавшей в Провансе Анжуйскому дому. Он взял на себя перестройку

церкви Богоматери в Клери, которую прежде опекал Орлеанский дом, и оказывал особое почтение одному блаженному из Франш-Конте — святому Клавдию, святому герцогов Бургундских[13].

---

[13] О почитании Людовиком XI Богоматери: *Jarry L.* Histoire de Cléry et de l'église collégiale et chapelle royale de Notre-Dame de Cléry. Orléans: H. Herluison, 1899; *Quicherat J.* Notre-Dame de Béhuard // *Revue de l'Anjou et de Maine et Loire*. 1853. T. II. P. 129–141; *Barraud P.-C.* Autel de Notre-Dame de la Paix, érigé dans la cathedrale de Beauvais conformement aux intentions de Louis XI // *Mémoires de la Société académique de l'Oise*. 1862 (5). P. 575–580; *Le Proux F.* Fondation de la Chapelle de la Salvation énlevée à la Vierge en 1468, par Louis XI, près la porte de Pierrefonds à Compiègne // *Bulletin de la Société historique de Compiègne*. 1869–1872 (1). P. 109–140; *Guillaume P.* Louis XI à Embrun // *Bulletin de la Société d'Etudes des Hautes-Alpes*. 1882 (1). P. 29–35; *Dupouy P.* Pèlerinage de Louis XI à Notre-Dame de Nantilly // *Revue poitevine et saumuroise*. 1898 (2). N° 8; О Людовике XI и святом Мартине: *Grandmaison Ch. de.* La grille d'argent de Saint-Martin de Tours, donnée par Louis XI, enlevée par François Ier, d'après des documents inédits // *Mémoires de la Société archéologique de Touraine*. 1861 (XIII). P. 297–332; О Людовике XI и святом Клавдии: *Documents relatifs au pèlerinage de Louis XI à Saint-Claude* / publ. par A. Rousset et D. Monnier // *Bulletin du Comité de la langue, de l'histoire et des arts de la France*. 1853–1855 (II). P. 368–374; *Canat de Chizy M.* Documents relatifs aux dons faits par Louis XI à l'abbaye de Saint-Claude // *Revue des sociétés savantes des départments*. 1860 (III). P. 795–802; О Людовике XI и святом Михаиле: *Luce S.* La France pendant la guerre de cent ans: épisodes historiques et vie privée aux XIVe et XVe siècles. 1re éd. Paris: Hachette, 1890; О Людовике XI и святой Марфе: *Chevalier C.* Châsse de sainte Marthe donnée à Tarascon, par Louis XI... // *Bulletin de la Société*

Беспокойный нрав короля

Людовик XI был вполне человеком своего времени еще и по интенсивности страстей. Не надо представлять его политиком, всегда владеющим собой, немногословным и неизменно хладнокровным. Он был нервным, нетерпеливым, и ему приходилось прилагать большие волевые усилия, чтобы скрывать желания и ненависть, терзавшие его. Привычка пить много вина, мучительная и раздражающая кожная болезнь, которую он подхватил в зрелом возрасте, приводили этого вспыльчивого и беспокойного человека в исступление. Король терпеть не мог отдыха. «Как только [он] чувствовал себя в полной безопасности или хотя бы получал передышку, он начинал во вред себе уязвлять людей по мелочам, ибо с трудом переносил спокойную жизнь»[14].

---

archéologique de Touraine. 1874–1876 (III). P. 13; О Людовике XI и святом Ариане: *Poullain H.* Orléans, 1461–1483. Règne de Louis le onzième. Faits historiques se rattachant à cette période. Orléans: Houzé, 1888; О Людовике XI и святом Арнульфе: *Guillaume P.* Documents inédits relatifs à la dévotion de Louis XI envers saint Arnoux de Gap et au premier pélerinage de Charles VIII à N.-D. d'Embrun // *Bulletin d'histoire ecclesiastique et d'archéologie religieuse des diocèses de Valence, Gap, Grenoble et Viviers*. 1880–1881 (I). P. 84–89; О Людовике XI и кресте святого Лауда: *Lettres de Louis XI et pièces diverses relatives à des serments sur la croix de Saint-Laud d'Angers, et à des dépôts de titres dans la même église* /communiquées par V. Godard-Faultrier // *Bulletin du Comité de la langue, de l'histoire et des arts de la France*. 1852–1853 (I). P. 362–387.

[14] *Филипп де Коммин*. Мемуары… С. 35.

...и его словоохотливость

Людовик XI не действовал, он говорил. Базен изображает его неисправимым болтуном, который разговаривает очень быстро, картавя. Миланские послы описывают в своих депешах двухчасовые аудиенции, во время которых они не могли вставить слова, потому что король не умолкал, говоря «много дурного» о папе и разных итальянских князьях. Коммин часто слышал от него такое признание: «Я знаю, что язык мой причиняет мне много вреда»[15].

Мнения современников

Современники по-разному оценивали Людовика XI в зависимости от того, питал ли он к ним дружбу, которая бывала очень щедрой, или ненависть, которая бывала опасной. Такой человек мог быть только предметом восхищения или ненависти. Он внушал всем страх. Через пятнадцать лет после его смерти, во время бракоразводного процесса между его дочерью Жанной и Людовиком XII, один свидетель сказал, что, по общему мнению, «это был самый страшный король, который когда-либо правил во Франции».

Семья Людовика XI. Королева Шарлотта

Этот страшный король не был ласков даже со своей семьей. Его вторая жена Шарлотта Савойская, имевшая нежный характер и наделенная

[15] Там же.

восхитительной душой, вела жизнь печальную и одинокую. Она не была хороша собой: «Королева была отнюдь не из тех женщин, с которыми вкушают большое наслаждение, хотя она была доброй дамой», — пишет Коммин и хвалит короля за соблюдение обета, какой тот дал после смерти своего сына Франциска в 1473 г.: «не прикасаться ни к одной женщине, кроме королевы, своей жены»[16].

Любовницы

До 1473 г. Людовик XI не был верным мужем, но он никогда не имел официальной фаворитки, и его любовницы влияли на него не больше, чем Шарлотта Савойская.

Дети Людовика XI. Как он устраивал их браки

У Людовика XI было шесть законных детей, из которых выжило только трое, и еще до вступления на престол у него родилось несколько внебрачных детей. Он всех их считал инструментами своей политики. Проявляя бесчисленные меры предосторожности, король заботился о слабом здоровье единственного сына и добивался для него руки многочисленных принцесс, которых выбирал в зависимости от нужд данного момента: невестами дофина Карла поочередно, а в некоторых случаях даже одновременно, были наследница Бургундии, дочери короля Неаполя, императора, королевы Кастилии, короля Англии

[16] Там же. С. 258.

и Максимилиана Австрийского. Браки были для Людовика XI средством управления. Его внебрачные дочери вышли за тех дворян, кого он желал приблизить, таких как храбрый бастард Бурбон, которого он сделал адмиралом.

Анна де Божё

Одна из двух законных дочерей Людовика, Анна, была обручена с Николаем Анжуйским; но король предлагал ее руку также Карлу Смелому, герцогу Бретонскому и даже своему родному брату Карлу Французскому: таким образом он надеялся отколоть этих принцев от клики мятежных феодалов. В конечном счете она вышла за брата герцога Бурбона — Пьера де Божё, одного из верных слуг Людовика XI.

Жанна Французская

Другая дочь Людовика, Жанна, была рахитичной и горбатой. Когда еще о ее болезни не было известно, он решил выдать ее за Людовика Орлеанского, единственного сына герцога Карла, — прием, рассчитанный на то, чтобы добиться скорого угасания видной феодальной династии. Брачный контракт был подписан 19 мая 1464 г., через месяц после рождения Жанны. Позже Мария Клевская, вдова Карла Орлеанского, попыталась не допустить этого брака. Вопреки ее желанию, вопреки желанию жениха брак в 1476 г. был заключен, после того как король пригрозил выслать Марию Клевскую на берега Рейна, заключить ее сына в монастырь и отрубить головы их

советникам. Людовик XI радостно писал Антуану де Шабанну во время свадьбы: «Мне кажется, прокорм детей, которые у них родятся, им обойдется не слишком дорого». Дальше началась гротескная и отвратительная комедия, потому что Людовик Орлеанский не желал ни принимать приданого в сто тысяч золотых экю, ни обходиться с несчастной маленькой горбуньей как с женой. Материалы бракоразводного процесса Людовика и Жанны содержат все подробности маневров, какие предпринимал Людовик XI именно затем, чтобы исключить всякий предлог для развода и вынудить зятя консумировать брак: ультимативные требования, приезд лекаря, чтобы тот дал советы герцогу, угроза прислать двух нотариев, чтобы они составили протокол перед супружеским ложем.

Иоланда, Мадлен, Карл Французский

Обе сестры Людовика XI, Иоланда и Мадлен, вышли замуж: первая — за сына герцога Савойского, вторая — за сына графа Фуа. Был у него и младший брат, Карл Французский, с которым у короля были постоянные нелады, и Людовик XI не без некоторого труда вынуждал Иоланду и Мадлен принимать участие в его комбинациях[17].

---

[17] Что касается его сестер — внебрачных дочерей его отца, дочерей Агнесы Сорель, то Людовик XI проявлял к ним мало симпатии. Об одной из них, Марии Валуа, см. выше. Другая, Шарлотта, вышла за Жака де Брезе; муж застал ее с поличным за прелюбодеянием и убил ударом меча, как и ее любовника Пьера де ла Верня. Король посадил Жака де Брезе в заключение

Самую надежную опору он находил за пределами семьи. Ему удалось набрать команду очень умелых советников и дипломатов[18].

на несколько лет и приговорил к разорительному штрафу, после того как под угрозой пытки вынудил признаться, что тот несправедливо заподозрил жену. Так Людовик XI отомстил за честь королевской семьи (*Douët d'Arcq L.* Procès criminel intenté contre Jacques de Brézé, grand sénéchal de Normandie, au sujet du meurtre de sa femme (1467–1486) // *Bibliothèque de l'École des Chartes*. 1848–1849 (10). P. 211–239).

[18] О слугах Людовика XI см. примечания к книгам Жана де Руа и Коммина, изданным Б. де Мандро, к «Письмам Людовика XI», изданным Ж. Везеном, и к изданию: *Catalogue des Actes du dauphin Louis II, devenu le roi de France Louis XI, relatifs à l'administration du Dauphiné* / recueillis, annotés et publiés par E. Pilot de Thorey. Grenoble: V. Truc, 1899. 2 vol.; О Жане де Бюэ: *Favre C.* Notice sur Jean de Bueil // *Jean de Bueil*. Le Jouvencel. T. I. Paris: H. Laurens, 1887. Introduction; Об Антуане де Шабанне: *Chabannes H. de*. Histoire de la maison de Chabannes. T. II. Dijon: E. Jobard, 1894; О братьях Бюро: *Ferry R.* Étude sur la vie et les fonctions des frères Jean et Gaspard Bureau // *Positions des mémoires présentés à la Faculté des lettres pour l'obtention du diplôme d'études supérieures*. 1898. P. 21–25; О Жане Бурре: *Bricard G.* Un serviteur et compère de Louis XI: Jean Bourré, seigneur du Plessis (1424–1506). Paris: Picard, 1893; О Коммине — многочисленные работы, перечисленные в издании: *Chevalier U.* Répertoire des sources historiques du Moyen-âge: bio-bibliographie. Paris: Librairie de la Société bibliographique, 1877; О Кузино см.: *Vallet de Viriville A.* Notice historique et critiquque // *Chronique de la Pucelle, ou Chronique de Cousinot*... Paris: A. Delahays, 1859. P. 1–72; *Picot G.* Le parlement de Paris sous Charles VIII: les débuts du règne, le procès criminel

Слуги Людовика XI. Опалы 1461 г.

В начале царствования Людовик XI взялся за дело неудачно, потому что «когда он обрел силу, став королем, он поначалу помышлял лишь

---

d'Olivier le Dain. Mémoires lus a l'Académie des sciences morales et politiques, 1876–1877. Paris: A. Picard, 1877; *Mandro B. de*. Ymbert de Batarnay, seigneur Du Bouchage, conseiller des rois Louis XI, Charles VIII, Louis XII et François Ier (1438–1523). Paris: A. Picard, 1886; *Jean de Reilhac, secrétaire, maître des comptes, général des finances et ambassadeur des rois Charles VII, Louis XI et Charles VIII*. Documents pour servir à l'histoire de ces règnes de 1455 à 1499 / publ. par. A. de Reilhac. Paris: Champion, 1886–1887. 2 vol.; *La Trémoille G. de*. Archives d'un serviteur de Louis XI, documents et lettres, 1451–1481, publiés d'après les originaux. Nantes: E. Grimaud, 1888; *Renet P.-C*. Les Bissipat du Beauvaisis, princes grecs exilés en France // *Mémoires de la Société académique de l'Oise*. 1889 (XIV). P. 31–98; *Perret P.-M*. Notice biographique sur Louis Malet de Graville, amiral de France (144?–1516). Paris: A. Picard, 1889; *Perret P.-M*. Boffille de Juge, comte de Castres, et la République de Venise // *Annales du Midi*. 1891 (3). P. 159–231; *Feugere des Forts Ph*. Notice biographique sur Pierre d'Oriole, chancelier de France (1407(?)–1485) // *École Nationale des Chartes. Positions des thèses soutenues par les élèves de de la promotion de 1891 pour obtenir le diplome d'archiviste-paléographe*. Chartres: Garnier, 1891. P. 15–21; *Anchier C*. Charles Ier de Melun, grand-maître de France et lieutenant général du roi Louis XI à Paris et dans l'Ile de France // *Moyen Âge*. 1892 (V). P. 80–87, 106–110; *Forgeot H*. Jean Balue, cardinal d'Angers, 1421?–1491. Paris: E. Bouillon, 1895; *Lanier A*. Recherches sur Tristan l'Hermite // *Positions des mémoires présentés à la faculté des lettres [de Paris] pour l'obtention du diplôme d'études superieures (histoire et géographie)*. 1897. P. 54–58.

о мести»[19]. После похорон Карла VII старый Дюнуа воскликнул, что «он и все остальные слуги потеряли своего господина и что пусть каждый подумает о себе». На пиру в честь посвящения в королевский сан герцог Бургундский попросил Людовика XI простить тех, кого тот считает врагами. Король притворился, будто согласился, но сделал исключение для семи человек, имен которых он не назвал. Едва расставшись с Филиппом Добрым, монарх пообещал полторы тысячи экю тому, кто приведет к нему Антуана де Шабанна, графа Даммартена и Пьера де Брезе, уже находившегося в бегах. Пьер де Брезе, скрывавшийся несколько месяцев в лесах Нормандии, после этого сдался в плен и был заключен в замок Лош. Антуан де Шабанн тоже сдался, хотя ему сказали, что, «если он попадет в руки королю, тот велит скормить его сердце собакам». 20 августа 1463 г. парламент объявил его виновным в оскорблении величества; Людовик XI посадил его в Бастилию и разделил его владения между его обвинителями, среди которых были сыновья Жака Кёра.

Массовые увольнения

Людовик XI нанес удары более чем по семи персонам: Жан де Бюэй, граф Танкарвиль, сир де Гокур, сир де Лоэак, Гильом Жувенель дез Юрсен, Жан Дове, Ив де Сепо, Гильом Гуфье потеряли соответственно должности адмирала, главного

---

19 *Филипп де Коммин*. Мемуары… С. 35.

смотрителя вод и лесов, главного распорядителя королевского двора, маршала, канцлера, генерального прокурора, первого президента парламента, первого камергера. Два из самых знаменитых советников Карла VII, Гильом Кузино и Этьен Шевалье, на некоторое время попали в заключение. Людовик XI мечтал даже о полном обновлении чиновничьего персонала, насчитывающего в королевстве «шестьдесят четыре тысячи [обладателей] оплачиваемых должностей». Прежде чем приступить к нему, он посоветовался с сеньорами и нотаблями, которых созвал на 2 сентября 1461 г. в отель де Турнель; так как они не одобрили его планов, он распустил их и все равно поступил по-своему. Король произвел столько увольнений, сколько ему требовалось, чтобы утолить свою злобу, а также получить возможность насытить должностями и синекурами соратников, последовавших за ним в Женапп, и их протеже, и всех, кто был под подозрением у Карла VII[20].

Милости Людовика XI в отношении бывших соратников

Так, Жан де Лекён, известный как бастард Арманьяк, стал графом Комменжа, маршалом Франции, первым камергером, генерал-лейтенантом Гиени, губернатором Дофине — потому что он

---

[20] *Fragment d'une chronique du règne de Louis XI* / éd. A. Coulon // *Mélanges d'archéologie et d'histoire de l'Ecole française de Rome*. 1895 (15). P. 138–139.

последовал за дофином в изгнание, по выражениям королевских грамот, «не колеблясь, ничего не страшась, ничего не щадя; делая это, он покинул своих родных и друзей, и все и каждое из своих владений»[21]. Бывшие конюшие из конюшни дофина стали бальи или сенешалями. Людовик XI сделал канцлером Пьера де Морвилье, которого Карл VII изгнал из парламента за коррумпированность.

Слуги Карла VII, сохранившие должности или восстановленные в них

Тем не менее реакция не была ни достаточно полной, ни достаточно долгой, чтобы сломить все традиции королевской власти, какие чиновничий персонал методически сохранял и развивал, несмотря на смены суверенов. Парижский парламент сохранился почти в полном составе. Оба брата Бюро оказались в большем фаворе, чем когда-либо. Тристан Лермит, которого легенда, сформировавшаяся в XVI в., сделала креатурой Людовика XI, уже в предыдущем царствовании был маршальским прево. В этом качестве он издавна ведал интендантской службой в войсках и военной юстицией, и Карл VII ему поручал, как позже делал и Людовик XI, проводить политические

---

[21] *Ordonnances des rois de France de la troisième race*... Quinzième volume, Contenant les ordonnances rendues depuis le commencement du règne de Louix XI, jusqu'au mois de juin 1463. Paris: Imprimerie impériale, 1811. P. 360; См. *Prudhomme A.* Histoire de Grenoble. Grenoble: A. Gratier, 1888. P. 276.

процессы. Короче говоря, он просто продолжил выполнять свои обязанности. Наконец король быстро признал ошибки, какие совершил по злопамятности, и незамедлительно освободил Пьера де Брезе, Гильома Кузино, Этьена Шевалье; после войны Лиги общественного блага он вернул печати Гильому Жувенелю, и Антуан де Шабанн отныне стал его главнокомандующим. Хитрый Жан Дайон, когда-то покинувший дофина, чтобы присоединиться к Карлу VII, вновь стал одним из фаворитов Людовика, называвшего его «мэтром Жаном Ловкачом». В общем, рано или поздно большинство слуг Карла VII, переживших его, оказалось в числе доверенных лиц Людовика XI.

Новые слуги

Что касается «новых людей», то часто это были люди заслуженные. Из всех государей, как пишет Коммин, этот король «больше всех почитал и уважал людей добропорядочных и доблестных. [...] Поистине он знал, как своих подданных, всех могущественных и значительных людей в Англии, Испании, Португалии, Италии и во владениях герцогов Бургундского и Бретонского»[22]. Людовик брал на службу итальянцев, таких как Луи де Вальперг и Боффиль де Жюж, провансальцев, как Паламед де Форбен, швейцарцев, как Дисбахи и Йост фон Зиленен, англичан, как Николас Калф, шотландцев, как Уильям Меннипенни, греков, как Георгий Палеолог Дисипат. Он переманивал

[22] *Филипп де Коммин*. Мемуары... С. 64, 35.

лучших слуг своих крупных вассалов. Самым выдающимся из этих перебежчиков был Филипп де Коммин, сын бальи Фландрии. Коммин был крестником Филиппа Доброго, камергером и одним из доверенных лиц Карла Смелого. В 1472 г. он поступил на службу к Людовику XI и очень скоро стал одним из его ближайших советников: в «Мемуарах» он мог сказать, что «имел ясное представление о наиболее важных и тайных делах, вершившихся как во французском королевстве, так и в соседних сеньориях»[23].

Людовик XI выбирает слуг из среднего класса

У Людовика XI не было предвзятости при выборе людей. Он использовал всех, кто выражал к этому готовность: давал ответственные посты и вельможам, таким как Жорж де Ла Тремуй, сир де Краон, сын фаворита Карла VII, как сир д'Альбре и герцог Бурбон. Но в целом король предпочитал брать на службу мелких дворян и простолюдинов, которых возвышал из ничтожества и мог низвергнуть обратно. Многих из самых ловких агентов дала ему корпорация королевских нотариев и секретарей.

Порочные люди на службе у короля

Многие из этих «ценных людей» не были «хорошими людьми», совсем напротив. Еще до восшествия на престол Людовик окружил себя

[23] Там же. С. 64.

людьми с погубленной репутацией, такими как Жан де Монтобан, замешанный в убийстве Жиля Бретонского, и Амбруаз де Камбре, который сфабриковал подложную папскую буллу, позволявшую графу Арманьяку жениться на родной сестре[24]. После своей коронации Людовик XI сделал Амбруаза де Камбре докладчиком прошений двора, а парижский факультет канонического права был вынужден волей-неволей принять его в качестве доктора-регента. Жан де Монтобан, назначенный адмиралом и главным смотрителем вод и лесов, отличился постыдными хищениями. Некоторые бальи и сенешали Людовика XI были людьми, мало достойными уважения: Жан де Дуайя, которого изобразили «плебеем, жаждущим правосудия», на самом деле был взяточником[25]. Цирюльник Оливье Злой, который в 1474 г. получил дворянство под именем Оливье ле Ден и стал графом Мёланским, оставил о себе зловещую память; этот исполнитель грязных дел по заказу властей, провокатор, шпион и при надобности

---

[24] Об этом человеке, который к тому же был и наглым плагиатором, см.: *Thuasne L.* Le *Curial* d'Alain Chartier et la traduction de Robert Gaguin. Note sur un manuscrit nouvellement acquis par la Bibliothèque nationale // *Revue des bibliothèques*. 1901 (11). P. 13–19.

[25] *Pièces relatives à Jean de Doyat // Mémoires de l'Académie des sciences, belles-lettres et arts de Clermont-Ferrand*. 1887 (XXIX). P. 313–332. См. *Bardoux A.* Les grands baillis au XVe siècle. Jean de Doyat // *Revue historique de droit français et étranger*. 1863 (IX). P. 5–44.

палач[26], разбогател, спекулируя своим влиянием, вымогая выкупы у городов, аббатств и частных лиц и похищая богатые наследства.

Чего Людовик требует от слуг...

Об этих преступлениях, вероятно, король по преимуществу не знал. Впрочем, он проявлял снисхождение к тем, кто выполнял его волю буквально и ловко. Беспощаден он был только к предателям и неумехам.

...и как он обходится с ними

Посылать на плаху или в жестокое заключение тех, кто плохо служил ему, осыпать почестями и деньгами тех, кто служил хорошо, какими бы негодяями они ни были, — такой была политика Людовика XI; ей дал определение на конкретном примере генеральный прокурор в 1504 г., когда ему было поручено произнести обвинительную речь против Пьера де Рогана, маршала де Жье:

> Оный покойный король Людовик сделал его маршалом Франции и капитаном ста копий, и одарил его весьма большими и словно неисчислимыми владениями, и говорил, что ему надо много дать и удовлетворить его, ибо он весьма

[26] Во всяком случае, так утверждает Гаген в эпиграмме: «Eras judex, lictor et exitium» [Ты был судьей, телохранителем и погибелью» (*лат.*)]. У нас, естественно, очень мало сведений о тайных поручениях, какие выполнял Оливье ле Ден.

скуповат и любит деньги; однако ему сказали, что оный король Людовик заметил какой-то подвох и обман, каковой в его отношении совершил или хотел совершить оный Пьер де Роган, из-за чего было решено схватить его и провести над ним суд, приговорив к смерти, то есть отрубить ему голову, [что и случилось бы,] если бы он [король] вскоре не отдал душу Богу.

Слуг, «ехавших прямой колеей», Людовик XI осыпал любезными письмами, должностями, дворянскими титулами; он держал их детей над крещальными купелями, наносил ущерб собственным финансам, выделяя им гигантские денежные суммы и пенсии и отчуждая для них земли из королевского домена. Нередко король также находил возможность их вознаградить, не тратя ни гроша: он незаконно отнял у Ла Тремуев наследие Людовика Амбуазского, чтобы дать Коммину княжество Тальмон. За того же Коммина он велел выйти замуж Элен де Шамб, принесшей жениху прекрасную сеньорию Аржантон. По всему королевству богатые наследницы вынуждены были соглашаться на брак с фаворитами короля, и в этом состоял один из самых горьких упреков, какие выдвигали деспотизму Людовика XI. Свидетели, которых позже вызвала в суд одна из его жертв — его зять Людовик XII во время своего бракоразводного процесса, позволяют нам получить полное представление о бесчисленных матримониальных скандалах, какие Людовик XI устроил или стерпел ради своих протеже.

«Вселенский паук»

Обеспечив себя таким образом как на земле, так и на небе надежной поддержкой и наличными деньгами, Людовик XI был неизменно убежден, что в конечном счете сумеет осуществить свои планы. Это и был секрет его несокрушимого оптимизма, твердости и спокойствия при неудачах. Никогда не позволяя привести себя в замешательство, «вселенский паук»[27] двадцать лет ткал паутину своих интриг. Едва он взялся за эту работу, всех, кто обладал привилегиями или независимостью, подлежащими защите, охватила тревога. Герцог Бургундский уже после посвящения Людовика предрек скорые потрясения. «Этот человек, — сказал он, — недолго процарствует мирно: он начнет удивительно огромную смуту».

[27] Слова, вложенные в уста Карла Смелого: «Я сразил вселенского паука», — содержатся в балладе, которую Кервин де Леттенхове приписывает Молине. Определение «паук» дается Людовику XI и в балладе «Восстающий лев» Шателена: *Chastellain G. de.* Le lyon rampant // *Chastellain G. de.* Oeuvres de Georges Chastellain / publ. par M. le baron Kervyn de Lettenhove. T. VII. Bruxelles: F. Heussner, 1866. P. 207, 209.

III. Первые акты Людовика XI (1461–1465)

Людовик XI и народные надежды

«Бедные подданные» возлагали большие надежды на нового короля. «Они чувствовали себя на седьмом небе». В самом деле, сообщалось, что при восшествии на престол Людовик пообещал жителям Реймса отменить талью и габель. Он заявил, что бедность королевства требует больших реформ, и поручил епископу Лизьё написать докладную записку на эту тему. Но тот же король позволил своему канцлеру Пьеру де Морвилье торговать правосудием, прокуроры продолжали обирать клиентов, а когда ремесленники Реймса и Анжера, слишком доверившись королевскому слову, попытались, применив силу, помешать его чиновникам отдать эд и габель на откуп, они заплатили за эту наивность головами («Трикотерия» в Анжере, 29–31 августа 1461 г.; «Микмак» в Реймсе, 2 октября).

Попытки провести налоговые реформы

Тем не менее в 1462–1463 гг. Людовик XI предпринял попытки радикально реформировать финансовую систему. В Лангедоке, в Нормандии

и, возможно, в других провинциях он отменил все налоги, заменив их ежегодным «соглашением о повинностях» (abonnement). В финансовом округе За-Сеной-и-Йонной [Outre-Seine-et-Yonne] он упразднил эд в сельской местности и талью в городах. Решения об этих резких переменах были приняты необдуманно, на основе ложных оценок; с 1464 г. король вынужден был вернуться к прежним формам налогообложения, не имея возможности уменьшить подати.

Недовольство чиновников

Людовик XI находил возможности повсюду наживать себе врагов. Мы видели, что он уволил многих верных слуг отца. Он ликвидировал многие должности, на некоторое время (1462–1464) упразднил даже Налоговую палату. Вероятно, именно в тот период какой-то судейский сочинил «Фарс о новых людях», которые желают управлять «Миром» и сулят ему златые горы; «Мир» вскоре начинает сожалеть о «временах старых [людей]», потому что «новые люди» отнимают у него все и выбрасывают его из дома на улицу.

Недовольство духовенства

С самого начала царствования, как уверяет епископ Лизьё Тома Базен, Людовик XI обратил духовных лиц в рабство. В самом деле, он заботился лишь о том, чтобы держать французскую церковь в повиновении, добиваясь у Святого

престола уступок, которые требовались ему для проведения политики за Альпами[28]. Чтобы предотвратить «посягательства, какие каждый день прелаты, общины и прочие люди мертвой руки нашего королевства совершают на наши сеньориальные права и владения и на оные наших светских вассалов и подданных», он 20 июля 1463 г. предписал служителям церкви составить не позже чем в течение года декларацию обо всех их владениях под страхом конфискации таковых. 16 октября 1464 г. он обязал обладателей недворянских владений в Лангедоке платить талью, как им и полагалось. Когда он искал деньги на выкуп городов на Сомме, он отменил право служителей церкви на беспошлинную продажу вина из их погребов.

Недовольство Парижского университета

Парижский университет выразил резкое раздражение в связи с этими мерами, а также с открытием нового университета в Бурже. Людовик XI обошелся с ним весьма бесцеремонно. Когда после отмены Прагматической санкции делегаты «альма матер» попросили короля ходатайствовать перед папой об обеспечении университариям пребенд, он ответил: «Клянусь Пасхой Господней! Я ничего этого не сделаю. Вы злые люди и ведете дурную жизнь, у вас есть толстые

---

[28] Об отмене Прагматической санкции см. далее: глава IV, раздел III.

жирные шлюхи, которых вы содержите. Убирайтесь, потому что вы не сто́ите, чтобы я вступался за вас».

Недовольство знати

Дворян выводили из себя мелкие уколы. Многих лишили пенсий, а те, кто являлся к королю, вынуждены были отказываться от роскошных костюмов и от рыцарских развлечений, чтобы не попасть под подозрение. Дворянам запрещалась даже охота без особого королевского разрешения: Людовик XI велел отрезать ухо нормандскому дворянину, нарушившему этот эдикт[29]. Злость, вызванную этой мелочной политикой, ярко выразил Марциал Овернский в поэме «Вигилии на

---

[29] Публикацию этого эдикта об охоте ставили под сомнение. Его текстом мы не располагаем, но это бесспорный факт, подтвержденный хронистами, независимыми друг от друга, и самими дворянами в наказе Генеральным штатам 1484 г. Жак Дю Клерк заявляет, что видел, как в Компьене по велению короля жгли местное охотничье снаряжение. Он добавляет, что, разумеется, Людовик XI не посягнул на право охоты самых могущественных баронов. См. аналогичные меры, принятые Людовиком в Дофине еще до воцарения: *Catalogue des Actes du dauphin Louis II, devenu le roi de France Louis XI, relatifs à l'administration du Dauphiné*… T. I. N° 312, 669, 1006, 1369. У нас есть позволения охотиться, предоставленные Людовиком XI сеньорам и прелатам в течение дальнейшего царствования. См. в частности: *Jean de Reilhac, secrétaire*… T. II. P. 101 и примечание Кишера к его изданию Т. Базена: *Basin T.* Histoire des règnes de Charles VII et de Louis XI… T. II. P. 73.

смерть короля Карла VII». Всякая радость умерла, и поэт восклицает:

> Прощайте, дамы, горожанки, барышни,
> Праздники, танцы, поединки и турниры,
> Прощайте, милые и прекрасные девы,
> Светские забавы, радости и утехи!

Сеньоры, попавшие в милость

Словно на пари, король освобождал или возвращал во Францию вероломных сеньоров, которых его отец посадил в тюрьму или изгнал из королевства. В 1461 г. из Каталонии вернулся Жан V д'Арманьяк, из донжона Лоша вышел герцог Алансонский, и оба вновь получили свои владения. То же случилось с гасконскими дворянами, укрывавшимися в Англии. Зато, если Карл VIII сумел добиться повиновения от большинства принцев крови, делая им осторожные уступки, и поддерживал их политику экспансии за Альпы или за Пиренеи, Людовик XI удалил доблестного и мудрого Дюнуа, который мог бы стать его лучшим советником. Король снял с поста губернатора Гиени своего зятя Жана II, герцога Бурбона, отобрал у Гастона IV, графа Фуа, крепость Молеон и землю Суль, в Италии заключил союз с врагами Анжуйского и Орлеанского домов.

Людовик XI и Бретонский дом

Людовик XI особенно искал ссоры с герцогом Бретонским: независимость этого князя раздражала короля, к тому же его фаворит Жан де

Монтобан, которому когда-то пришлось спасаться бегством от бретонского правосудия, хотел отомстить и насаждал «раздор, неприязнь и вражду» между Людовиком XI и Франциском II[30]. Герцог, со своей стороны, собрал у себя таких бывших слуг Карла VII, как сир де Лоэак, гасконец Оде д'Айди, сир де Лекён. «Все они [всего 500 человек], — пишет Коммин, — покинули королевскую службу и перешли к герцогу Бретонскому»[31]. Хитроумный Оде д'Айди, которого Людовик XI оплошно лишил должности бальи Котантена, сделает вялого Франциска II одним из вождей феодальной коалиции[32].

Конфликт между Людовиком XI и Франциском II

Посягательства королевских чиновников на судебную, финансовую и церковную независимость Бретани, интриги Людовика XI с целью поссорить Франциска II с англичанами были рассчитаны на то, чтобы при первой возможности спровоцировать конфликт. Король хотел поставить на должности епископа Нантского и аббата Редона двух своих протеже — соответственно

---

30 *Procédures politiques du règne de Louis XII*... P. 282.

31 *Филипп де Коммин*. Мемуары... С. 13.

32 Людовик XI писал о сире де Лекёне в одном акте за 1471 г.: «Он был первым зачинщиком и главным виновником смут, войн, бед и расколов, происходивших в нашем королевстве в последние семь лет» (*La Trémoille G. de*. Archives d'un serviteur de Louis XI... P. 45).

Амори д'Асинье и Артюра де Монтобана, убийцу Жиля Бретонского. Франциск II добился, чтобы Артюр де Монтобан был послан в Рим, изгнал Амори д'Асинье из Нанта и заявил папе, «что он лучше допустит в свою страну англичан, чем потерпит тех, кто был друзьями и слугами короля». Однако он согласился на создание арбитражной комиссии под председательством графа Мэна — Карла Анжуйского. Но Людовик XI воспользовался случаем, чтобы высказать все старые претензии французской королевской власти к Бретонской династии, представители которой носили закрытую корону[33], запрещали королевским чиновникам въезд в герцогство, собирали налоги по своему усмотрению. Он предписал Карлу Анжуйскому рассмотреть эти вопросы и, по своему обыкновению, много болтал, горячился, грозил «обратить в рабство» герцога Бретонского, пусть даже ради этого придется вступить в союз с англичанами. 15 октября 1464 г. комиссия в отсутствие подданных Франциска II, которые должны были входить в ее состав, признала за королем регальное право назначать бретонских епископов. 20 декабря в Туре перед собранием принцев крови и вельмож Людовик XI описал их ссору по-своему. Принцы пообещали помочь

[33] Закрытая корона — это корона с крытым верхом, то есть с соединяющимися сверху дугами. Обычно это императорская корона. Видимо, имеется в виду, что такая корона — принадлежность суверенных монархов. — *Прим. пер.*

ему призвать Франциска II к выполнению долга; но большинство их было заодно с герцогом Бретонским.

Выкуп городов на Сомме

Тем самым Людовик XI сосредоточил на себе ненависть тех, чьей привязанности как нельзя старательней добивался Карл VII, предвидя неизбежную борьбу с герцогом Бургундским[34]. Однако церемониться с Филиппом Добрым не входило в намерения нового короля. Возвращение городов на Сомме стало одной из его идей фикс. 23 октября 1463 г. он писал амьенцам: «С тех пор как мы вновь вступили на престол, мы всегда желали и хотели вернуть себе и изъять наши пикардийские земли и сеньории»[35]. Ему удалось добиться этих целей с помощью сеньоров Кроя, влияние которых оказалось полезным уже Карлу VII для заключения Аррасского договора. Антуану де Крою, его брату Жану и его племянникам, сирам де Кьеврен и де Ланнуа, благодаря бездумному благоволению Филиппа Доброго удалось наложить руку

---

[34] Тем не менее Людовик XI быстро помирился с графом Фуа: 11 февраля 1462 г. он отдал старшему сыну Гастона IV руку своей сестры Мадлен Французской.

[35] Можно отметить, что, судя по тексту Аррасского договора (1435 г.), выражение «пикардийские земли и сеньории», употребленное Людовиком XI, гораздо верней, чем вошедшее в обычай «города на Сомме».

на Люксембург, на графства Намюр и Булонь, и они также держали важнейшие крепости Фландрии и Эно. Они были врагами Карла Смелого, которого им удалось поссорить с отцом, и надеялись после смерти Филиппа завоевать независимость. Людовик XI осыпал этих сеньоров должностями и пенсиями и, чтобы их успокоить, официально отказался от всех прав на герцогство Люксембург[36]. Филипп Добрый был ослаблен болезнью, которая весной 1462 г. чуть не доконала его. Это был очень подходящий момент, чтобы возвратить города на Сомме, пока бургундское наследство не перешло в руки Карла Смелого, который «был молод и зелен и сломить которого было чрезвычайно трудно». В 1463 г. Крои добились, чтобы герцог согласился на выкуп. Из 400 тыс. экю, оговоренных в Аррасском договоре, у Людовика XI в казне было 200 тыс. Чтобы найти остальные деньги, секретарь Жан Бурре и Этьен Шевалье проехали по Франции, собирая подати с городов и аббатств, беря у богачей принудительные займы. Король придумал несколько новых налогов, повысил талью и наложил руку на суммы, которые участники судебных процессов сдали на хранение в парламент и в Шатле. Наконец, 12 сентября и 8 октября 1463 г. Филипп Добрый

[36] Актом от 25 ноября 1462 г. (*Würth-Paquet F.-X.* Table chronologique des Chartes et Diplômes relatifs à l'histoire de l'ancien pays de Luxembourg // *Publications de la Section historique de i'Institut royal grand-ducal de Luxembourg*. 1876. T. XXXI (IX). P. 126).

был вынужден подписать расписки, позволявшие вырвать этот важный стратегический рубеж «из бургундских когтей».

Людовик XI и дела Льежа

В то же время Людовик XI вернулся к политике вмешательства в льежские дела, какую проводил Карл VII. Льежское княжество[37], почти со всех сторон окруженное бургундскими владениями, было независимым и находилось под властью князя-епископа и под номинальным сюзеренитетом императора. Льеж, Динан и другие города этой страны были активными промышленными центрами, и развитие ремесла сформировало там очень свирепый демократический режим. Муниципальная власть перешла от бюргерской олигархии к шумным народным собраниям и демагогам, которые претендовали на руководство делами своего города и политикой всего княжества. Епископская власть, уничтоженная в период Великой схизмы, в XV в. восстанавливалась лишь время от времени и благодаря вооруженному вмешательству герцогов Бургундских — Иоанна Бесстрашного и Филиппа Доброго. Когда князем-епископом стал деспотичный и сластолюбивый Людовик Бурбон, племянник Филиппа Доброго, партия «истинных льежцев», демократическая

[37] Источники и исторические труды о делах Льежа: *Pirenne H.* Bibliographie de l'histoire de Belgique. 2e éd. Bruxelles: H. Lamertin; Gand: C. Vyt, 1902. N° 2040–2057; *Pirenne H.* Histoire de Belgique. Bruxelles: Lamertin, 1908–1948. 7 vol.

и национальная, в борьбе с бургундским протекторатом, терпеть которого она ни за что не хотела, добилась, как мы видели, поддержки Карла VII. В 1461 г. Людовик XI пообещал льежцам покровительство, осведомился, каких успехов они добились в восстании против Людовика Бурбона, и принялся раздувать огонь.

Людовик мешает герцогу отправиться в крестовый поход

Одной из причин бездеятельности Филиппа Доброго был план, от которого он не отказывался, несмотря на недуги, — возглавить крестовый поход на турок. Людовик желал и в то же время боялся этого отъезда. Если бы он добился, в отсутствие Филиппа, регентства над бургундскими владениями, он мог бы стать «укротителем и диктатором для всех магнатов своего королевства». Но герцог заявил, что не уйдет, не примирившись с сыном. Тогда Людовик XI, договорившись с семейством Кроев, нашел предлог, чтобы запретить ему уезжать, потому что он прежде всего опасался, что к власти придет граф Шароле.

Карл Смелый

Когда Людовик XI взошел на трон, Карлу Смелому было двадцать семь лет. Это был человек невысокого роста, крепкий и ловкий. Судя по картинам и миниатюрам XV в. и описанию Шателена, у него были голубые глаза, контрастировавшие со «здоровым, светло-смуглым цветом лица», каштановая борода и «густые черные

волосы», падавшие локонами на широкий лоб. Привычный к самым суровым физическим упражнениям, образованный, благочестивый и серьезный, неутомимый труженик, который хотел все видеть и все уладить, это был «принц, подававший большие надежды». Он был целомудренным, верным супругом, не позволял себе пить неразбавленное вино, и Людовик XI насмехался над его воздержанностью. Молчаливый, меланхоличный, терзаемый навязчивой идеей, что умрет молодым, он обычно держал глаза опущенными вниз, «понурый и задумчивый, погруженный в свои мысли». Карл обладал сосредоточенным характером матери, португалки Изабеллы, «которую было невозможно победить». Как и его правнук Филипп II, он был человеком, склонным к идеям фикс, трудолюбивым и бюрократичным, отличавшимся чопорной и угрюмой надменностью. Вся его воля была направлена на удовлетворение безмерного честолюбия. Он проведет всю жизнь, желая невозможного и бросаясь в самые безумные предприятия, совсем один, никогда ни с кем не советуясь, «резкий в своей воле, твердый в своем мнении». Не то чтобы он помешался на рыцарских романах — Карл Смелый не был эпическим героем, благородным и верным. Как и все тогдашние князья, он был коварным, жестоким, не чурался ни клятвопреступления, ни устройства ловушек. Но, пишет Коммин, «не доставало ему ума и хитрости»[38].

[38] *Филипп де Коммин*. Мемуары… С. 94.

Он был холериком, не умел внушить к себе любовь слугам, которых его грубость толкала к измене, и ему не хватало хладнокровия как в дипломатии, так и на поле боя. Он был посредственным государственным деятелем и посредственным полководцем, и неудачи, вместо того чтобы образумить его, лишь усугубляли его безмерную гордыню.

Взаимная ненависть Людовика XI и Карла Смелого

С приходом к власти Людовика XI и Карла Смелого борьба Франции и Бургундии приобрела яростный и ожесточенный характер, какого не имела во времена Карла VII и Филиппа Доброго, лично уважавших и щадивших друг друга. Карл, сын португалки, не желал даже считать себя французом. С первых месяцев правления он отверг предложения Людовика XI, направленные на примирение. Король оплел его сетью интриг. Карл считал, что его пытаются отравить и навести на него порчу, и во всеуслышанье обвинял Людовика XI в том, что тот нанял одного авантюриста, бастарда Рюбампре, чтобы похитить его[39].

---

[39] На самом деле король поручил бастарду Рюбампре похитить одного бретонского эмиссара (*Lettre de Louis XI et discours du chancelier de France aux Amienois, à l'occasion de la ligue du Bien public // Thierry A.* Recueil des monuments inédits de l'histoire du Tiers-État. 1re série. T. II. 1853. P. 275–278).

Гражданская война неизбежна

Король и «новые люди» навлекли на себя столько ненависти, что этот период царствования, период дерзких расширений территории и беспорядочных политических экспериментов, вылился в страшные потрясения и закончился гражданской войной [40]. Однако буржуазия и народ были признательны Людовику XI за добрые намерения: он ездил по королевству, вникал в дела, много трудился и, в частности, в Гиени, принял очень удачные меры, чтобы возвратить городам и деревням экономическое процветание, каким они пользовались до английской войны. Наконец, он поддерживал строгую дисциплину в своем войске, и в государстве царил порядок. Недовольным, особам, привилегии которых оказались под угрозой, не удастся поднять нацию против короля.

---

[40] В течение этих четырех лет Король проводил также очень амбициозную внешнюю политику. Он пытался возвратить Кале, воспользовавшись новым переворотом в Англии (см. далее). Людовик XI хотел вернуть себе власть над Генуей; установил протекторат над Савойей и господство над Руссильоном; зарился на Каталонию; поссорился с королем Кастилии, что было одним из обвинений, выдвинутых против него партией «Общественного блага» (см. далее, гл. III, раздел III). На востоке он претендовал на охрану городов Туля и Вердена и пытался захватить Мец (*Sée H.* Louis XI et les villes... P. 299 и далее). После войны Лиги общественного блага он значительно умерил притязания.

Глава II
Феодальные коалиции (1465–1472)

I. Война Лиги общественного блага. — II. Апанаж Карла Французского. Людовик XI в Перонне. — III. Карл Французский в Гиени. Перевороты в Англии. Войны между Людовиком XI и Карлом Смелым

I. Война Лиги общественного блага

Основные черты войны Лиги общественного блага

Война Лиги общественного блага была новой Прагерией, но намного тяжелей. Поскольку ею руководили самые могущественные сеньоры Франции, она создала угрозу единству королевства. Впрочем, Лига была лишь цепью плутней, трусливых отступлений и измен и не имела другой движущей силы, кроме корыстных интересов зачинщиков. Мэтр Анри Бод датировал стихи, написанные в 1465 г., «годом, когда каждый искал своей выгоды».

Предлоги, обнародованные лигерами

Манифесты лигеров содержат, разумеется, только предлоги для восстания, на какие они ссылались. Как и во времена Прагерии, феодалы утверждали, что хотят пресечь «беспорядочное и жалкое управление», которое губит королевство по вине советников короля, людей, «исполненных всяческой злонамеренности

и неправедности». Они возмущались действиями Людовика XI, направленными против «прав знати», и браками, какие он навязывал; церковников они изображали «угнетенными, притесняемыми», а «бедный люд», по их словам, обременяли налоги и обирали судейские. Герцог Немурский в декларации, сделанной им в 1466 г., был несколько искренней: он написал, что Людовику XI следовало бы «установить справедливость и облегчить положение народа», но также «поддерживать сеньоров и *давать им большие пенсии*».

Предложенные лигерами средства

Указания на средства, какие следовало бы использовать для «облегчения положения бедняков», в манифестах были очень расплывчатыми: лигеры официально уведомят короля, несомненно, не знающего о большинстве злодеяний, какие творит его окружение; они потребуют созыва Генеральных штатов, уменьшения налогов и прежде всего отмены эда. Когда коалиция только намечалась, никто, конечно, точно не знал, какую выгоду можно будет извлечь из ожидаемой победы. Впрочем, благоразумней было не прояснять этот вопрос до конца.

Тайные замыслы Лиги общественного блага

Позже, в ходе борьбы, замыслы конкретизировались и языки развязывались. Сеньор де Кревкёр, взятый французами в плен при Монлери в июле 1465 г., рассказал о том, что слышал в окружении

графа Шароле: там говорили о «назначении регента», которым будет герцог Беррийский, брат короля, и о том, что герцогам Беррийскому, Бретонскому и Бурбонскому и графу Шароле следует поручить командование королевским войском и осуществление реформ, необходимых для общественного блага. Наконец, 23 августа Дюнуа, мозг Лиги, изложил депутатам парижан программу, выполнения которой он хотел: принцы созовут Генеральные штаты, чтобы получить от них официальное удовлетворение всех своих претензий; «item, потребуют права собирать все финансы королевства, распоряжаться и управлять ими; item, потребуют передать под их власть и командование все войско королевства; item, потребуют ознакомления со всеми должностями королевства и права их распределять; item, потребуют контроля над особой короля и руководства оною»[1].

Оправданное восстание, по мнению Томы Базена…

Обуздать хотели самого короля! Один из мятежников, епископ Тома Базен, в своем рассказе о восстании заявляет, что матросы вполне могут

---

[1] *Maupoint J.* Journal parisien de Jean Maupoint, prieur de Sainte-Catherine-de-la-Couture, 1437–1469 / publ. par G. Fagniez // *Mémoires de la Société de l'histoire de Paris et de l'Ile-de-France*. T. IV. Paris: H. Champion, 1878. § 101. Этот дневник — самый ценный нарративный источник о войне Лиги общественного блага. Записи в нем делались по ходу событий; его полезность и точность примечательны.

предостеречь капитана, если он ведет корабль на рифы, а если он к ним не прислушается, они должны отобрать у него командование.

...и по мнению Шателена и Мешино

Бургундец Шателен и бретонец Мешино в балладах, сочиненных в соавторстве в начале 1465 г., описывают Людовика XI государем коварным, неблагодарным, лицемерным, завидующим благополучию других, человеком, который «притворяется невинным, но весь полон злобы», и которого «разрушенная Франция» имеет право изгнать[2].

Главные лигеры

Как и в 1440 г., члены коалиции сделали своим номинальным главой предполагаемого наследника — на сей раз это был брат короля. «Месье Карлу», герцогу Беррийскому, исполнилось восемнадцать лет; это был тщедушный молодой человек, уродливый и нескладный, как отец и брат[3], глуповатый, изнеженный, тщеславный. До самой смерти он будет игрушкой в руках вра-

---

[2] Эти баллады напечатаны (ошибочно) в издании: *Oeuvres de Georges Chastellain* / publ. par M. le Baron Kervyn de Lettenhove. T. VII. Bruxelles: F. Heussner, 1865. См.: *La Borderie A. de*. Jean Meschinot, sa vie et ses œuvres, ses satires contre Louis XI // *Bibliothèque de l'Ecole des chartes*. 1895 (56). P. 99–140.

[3] См. репродукцию гасконской миниатюры, вероятно, сделанной с натуры: *Stein H.* Recherches iconographiques sur Charles de France, duc de Berry, de Normandie et de Guyenne, frère de Louis XI // *Réunion des Sociétés des Beaux-Arts des départements en 1892*. Paris: Plon, Nourrit et Cie, 1892. P. 523–529 [planche XIX].

гов Людовика XI. «Монсеньор Карл, — пишет Коммин, — самостоятельно ничего или почти ничего не предпринимал, во всех делах им руководили или направляли его другие люди»[4].

Среди лигеров мы встречаем кое-кого из тех, кто двадцать пять лет назад подстрекал к мятежу дофина Людовика, — герцога Алансонского Жана II, Дюнуа, Антуана де Шабанна, 10 марта 1465 г. бежавшего из Бастилии. Бретонский дом, Бурбонский дом и дом Арманьяков приняли участие как в восстании 1440 г., так и в восстании 1465 г. К коалиции примкнули также Карл Смелый, граф Сен-Поль, Шарль д'Альбре и самый деятельный принц Анжуйского дома — Жан, герцог Лотарингии и Калабрии, доблестный воин, который «в любое время по тревоге был первым при полном вооружении и на боевом коне»[5]; наконец, все, кого Людовик XI изгнал со двора, как, например, сиры де Лоэак и де Бюэй, и даже некоторые из тех, на чью привязанность благодаря своим милостям он рассчитывал, — например, его «миньон» Жак д'Арманьяк, которому он дал герцогство Немур. Жан Мопуэн насчитал в армии Лиги двадцать одного могущественного сеньора и пятьдесят одну тысячу бойцов.

Вассалы, верные королю

Из всех крупных вассалов один только граф Фуа оказал королю верную и действенную поддержку: он удержал в повиновении Юг. Графы Э

4 *Филипп де Коммин*. Мемуары… С. 83.
5 Там же. С. 37.

и Вандом, оставшиеся верными, особо помочь не могли. Король Рене не пожелал вмешиваться. Его брат Карл, граф Мэна, уверял короля в сердечной дружбе, но дважды предал его. Ту же игру вел граф Неверский.

Позиция мелкого дворянства

Но, как и в 1440 г., мелкое и среднее дворянство было мало склонным ради выгоды крупного дворянства сражаться с грозным повелителем. «Все рыцари и оруженосцы земли Бурбоннуа, — писал 19 мая 1465 г. Жоашен Руо, — расходятся по домам и не хотят поднимать оружие против короля». Герцог Бретонский тоже столкнулся с сопротивлением, набирая войско. Вассалы Карла Смелого быстро устали от войны и оставались с ним «против воли». Дворяне Дофине привели Людовику XI несколько сотен копий. Впрочем, постоянная армия с прочной организацией была только у короля.

Позиция служителей церкви

Останутся ли служители церкви, владельцы должностей, бюргеры и народ равнодушными зрителями этой ссоры между королем и аристократией? Некоторые прелаты Нормандии и Центральной Франции, как епископ Байё Людовик де Аркур, епископ Лизьё Тома Базен, епископ Ле-Пюи — бастард Бурбонского дома, открыто объявили себя противниками короля. Тома Базен хотел, по его словам, сражаться «за свободу», то есть за полученные привилегии, которым

угрожал Людовик XI. Но большинство служителей церкви довольствовалось тем, что проводило крестные ходы, молясь, чтобы Бог «соблаговолил установить согласие между королем и сеньорами Франции»[6], и лавировало между обеими сторонами.

Позиция чиновников

Некоторые обладатели должностей, особенно в Парижском парламенте и в Счетной палате, заняли сомнительную позицию: то ли из-за злости на меры, принятые королем, то ли из страха, что победоносные лигеры лишат их постов, они провозглашали «это предприятие добрым и полезным для королевства».

Позиция бюргерства и народа

Все высшее бюргерство проявляло главным образом нежелание впутываться в это дело[7] и боялось, как бы гражданская война не затянулась.

---

[6] *Quantin M.* Épisodes de l'histoire du XVe siècle aux pays sénonais et gâtinais et au comté de Joigny // *Mémoires lus à la Sorbonne dans les séances extraordinaires du Comité impérial des travaux historiques et des sociétés savantes tenues les 21, 22 et 23 novembre 1861*. Paris: Imprimerie impériale, 1866. P. 691–710 [695].

[7] См. характерный пример города Эпали: *Etienne Medicis*. Chroniques de Estienne Medicis, bourgeois du Puy / publ. par A. Chassaing. T. I. Le Puy: Marchessou, 1869. P. 252–254. См. также: *Documents inédits sur Saint-Antonin pendant la guerre de Cent Ans* / éd. par C. Dumas de Rauly // *Bulletin archéologique et historique de la Société archaéologique de Tarn-et-Garonne*. 1881 (IX).

Но люди из народа, особенно в Париже, были откровенно враждебны к феодалам: эта внезапная любовь к «общественному благу» не внушала им доверия. В общем, было очевидным, что если Людовику XI удастся разоружить своих крупных вассалов, сразу же настанет мир.

Союзы с иностранцами

Обе стороны искали наемников и союзников за пределами страны. Бургундский дом с июня по сентябрь 1465 г. заключил союзные договоры с герцогом Баварским, курфюрстом Пфальцским, архиепископом Кёльнским. Договор, связывавший с 1462 г. архиепископа Трирского и герцога Бургундского, содержал оговорку, касавшуюся французского короля; актом от 15 мая 1465 г. она была отменена. Воинский контингент графу Шароле привел Адольф Клевский, а в состав армии, которой командовал Жан Калабрийский, вошли аркебузиры, предоставленные пфальцграфом, итальянские и швейцарские наемники. Король Англии, одно время подумывавший о высадке во Франции, и папа Павел II, которого лигеры просили освободить их от клятвы верности королю, сохранили нейтралитет, как бы они ни желали отомстить за скверные шутки, какие

P. 273–301 [300]. Только некоторые города выразили свое мнение открыто: Мортань, Корби, Сен-Кантен, Мондидье открыли ворота мятежникам; Амьен, Лион и Бордо, наоборот, выказали пламенную преданность власти.

с ними ранее сыграл Людовик XI[8]. Последний набрал наемников в Савойе, а Галеаццо Сфорца, сын его друга, герцога Миланского, пришел в Дофине в июле 1465 г. с армией из четырех тысяч всадников и тысячи пехотинцев, которая оставалась во Франции до марта 1466 г. и вела на Юго-Востоке и в Центре «очень упорную войну на стороне короля». Наконец, в мае 1465 г. Луи де Лаваль приехал в Льеж, чтобы от имени Людовика XI предложить льежцам союз против Бургундского и Бурбонского домов; договор подписали 17 июня: король обязывался платить жалованье двумстам копьям и не заключать мир без участия союзников. В августе льежцы объявили войну герцогу Бургундскому и принялись разорять его земли.

Такими были силы обеих сторон. Лига формировалась лишь постепенно, после долгих месяцев интриг; Людовик XI успел принять меры предосторожности[9].

---

[8] Об отношения Людовика XI с Эдуардом IV и Павлом II см. далее, с. 80 и 205–206.

[9] Некоторые историки войны Лиги общественного блага, опираясь на рассказ Оливье де ла Марша (*Olivier de La Marche*. Mémoires / publ. par H. Beaune et J. d'Arbaumont. T. III. Paris: Vve H. Loones, 1885. P. 7), утверждали, что Лига сформировалась к концу 1464 г., о чем Людовик XI не знал. Но ведь не было ни более подозрительного, ни лучше осведомленного человека, чем этот король. Кстати, нам известно, что в декабре 1464 г. один горожанин из Сен-Флура пожертвовал собой, чтобы передать ему вести о заговоре, который плетут в центре Франции (*Boudet M.*

Герцог Бурбон в Лилле

В октябре 1464 г. герцог Бурбон приехал в Лилль и попросил своего дядю Филиппа Доброго собрать армию, «дабы выразить королю протест против дурного порядка и отсутствия справедливости при его правлении»[10]. Но герцог Бургундский, «старый и болезненный», еще оставался под влиянием Кроев; только 13 апреля 1465 г. Филипп Добрый и граф Шароле помирились после нескольких бурных сцен, доведших старого герцога до полной прострации. Тогда-то по-настоящему и началось правление Карла Смелого. Как главный заместитель отца он набрал огромную армию «ради блага и восстановления королевства».

Побег Карла Французского

Между тем Оде д'Айди убедил Карла Французского, герцога Беррийского, 4 марта 1465 г. бежать в Бретань. Но герцог Франциск II лишь с большим трудом собирал обещанные деньги и людей.

Герцог Бурбон берется за оружие

Герцог Бурбон неосмотрительно открыл боевые действия в Центральной Франции, не дожидаясь, когда будут готовы его союзники. 13 марта он написал добрым городам и самому королю,

---

Villandrando et les Écorcheurs à Saint-Flour // *Revue d'Auvergne*. 1894 (XI). P. 337–375, 417–452).

[10] *Филипп де Коммин*. Мемуары… С. 9.

объявляя о своих намерениях; приказал арестовать в своих землях чиновников Людовика XI и реквизировать налоговые поступления в королевскую казну. Король немедленно разослал повсюду гонцов, которые повезли инструкции его капитанам, обещания и ободрения добрым городам и стали распространять манифесты.

Манифесты короля

«Итак, чего хотят лигеры?» — спрашивал Людовик XI. «Государство было столь мирным и пребывало в столь великом спокойствии, что торговля свободно велась повсюду; каждый мирно жил в своем доме»; и король прилагал большие усилия, чтобы повышать благосостояние подданных, — он проводил время в разъездах, чтобы узнавать их нужды. Его обвинили в том, что он хотел отравить брата, — обвинение абсурдное, ибо до сих пор нет другого наследника мужского пола, кроме Месье Карла. Что касается налогов, которые вменяют ему в преступление, то он тратил их ради блага и славы королевства. Как только сможет, он их уменьшит: «в этом он заинтересован больше, чем кто-либо, ибо он — вождь и отец общественных интересов своего королевства». Увы, ему пришлось раздать дворянам большие пенсии. А дворяне хотят, чтобы эти пенсии были еще больше. Они насмехаются над народом, и их обещания лживы. Гражданская война погубит королевство и, может быть, приведет к новому английскому вторжению.

Кампания в Бурбонне

План Людовика XI состоял в том, чтобы разгромить Жана II, герцога Бурбона, прежде чем тот получит какие-либо подкрепления, и после этого двинуться в Пикардию. Король располагал немалой армией, насчитывавшей тридцать тысяч человек. В апреле он занял большинство крепостей Берри, апанажа брата, после чего быстро подчинил Бурбонне. Граф Арманьяк и сир д'Альбре привели в Рьом армию, но не решились приступить к действиям. Однако благодаря поддержке коварного герцога Немурского герцог Бурбон сумел задержать короля, вступив с ним в переговоры, и ускользнуть от него. Тем временем бургундцы и бретонцы направились к Парижу. Людовик XI согласился на перемирие с Жаном II и пошел к столице; он хотел успеть туда раньше бургундцев и помешать их соединению с бретонцами, которые короткими переходами шли через Анжу и Вандомуа.

Сражение при Монлери (16 июля 1465 г.)

Карл Смелый, к своему великому удивлению, не смог войти в Париж: за сторонниками принцев следили маршал Жоашен Руо и наместник короля Шарль де Мелён. Один из чиновников графа Шароле писал: «[Монсеньор] обнаружил, что жители Парижа — совсем другие, чем он думал, так что он не очень доволен ими». 13 июля он решился перейти Сену и двинуться на Этамп для соединения с герцогами Беррийским и Бретонским.

15 июня его разведчики столкнулись близ Арпажона с разведчиками Людовика XI, а на следующий день, при Монлери, произошло сражение или, скорей, беспорядочный ряд мелких стычек. Людовик XI выказал храбрость и хладнокровие, но его предал граф Мэнский, бежавший со своими войсками, а гарнизон Парижа не совершил вылазку, как ему было предписано. Бургундцы проявили себя очень посредственно: «все помышляли только о бегстве»[11], — признает Коммин, который был тогда в их рядах. Каждая из сторон приписывала победу себе[12]. Оставив графу Шароле право гордиться, что тот заночевал на поле боя, Людовик XI ночью снял лагерь и вошел в Париж. Через несколько дней с Карлом Смелым в Этампе соединились Франциск II и Карл Французский, потом герцог Бурбон, наконец, пришедшая с востока армия под командованием герцога Лотарингского и маршала Бургундского.

Париж и король

Людовик XI не доверял высшему парижскому бюргерству и даже гарнизону. Он велел утопить или четвертовать нескольких предателей и сместил советников парламента и Счетной палаты,

---

[11] Там же. С. 19.

[12] См. любопытную грамоту о помиловании, опубликованную А. де Рейяком: *Jean de Reilhac, secrétaire*… T. III. P. 200, и *Journal de famille des Dupré, bourgeois de Mâcon et de Tournus (1407–1520)* / publ. par L. Lex et S. Bougenot // *Annales de l'Académie de Mâcon*. 3ème série. 1897 (II). P. 392–450.

отказавшихся ссудить ему денег. С другой стороны, он поспешил уменьшить налоги, обременявшие город, вернуть служителям церкви, университету, дворянам и чиновникам финансовые льготы, которые когда-то отнял у них, и заявить, что допустит в свой Совет шесть парижских бюргеров, шесть советников парламента и шесть клириков из университета. Потом, 10 августа, он выехал в Нормандию, чтобы набрать там войска и запастись провиантом. В его отсутствие под стены столицы подступила армия Лиги. Принцы начали переговоры с городом и духовенством, парламентом и университетом. Тринадцать депутатов, симпатизировавших делу «Общественного блага», во главе с епископом Парижским явились в замок Боте для бесед с Дюнуа. Но на двух собраниях нотаблей, состоявшихся по их возвращении в ратуше, они тщетно добивались, чтобы принцам открыли ворота. Купеческий прево Анри де Ливр спас короля, отложив всякое решение. Через четыре дня, 28 августа, Людовик XI вернулся, радостно встреченный бедняками, которые грозились убить предателей. Его сопровождало двенадцать тысяч бойцов, и он привел шестьсот телег с продовольствием. Он ограничился тем, что пятерых депутатов из числа самых скомпрометированных сослал в Орлеан. Коммин добавляет, что король не раз говорил о том, что «если бы Париж изменил ему и он не смог бы войти в город, то бежал бы к швейцарцам или к миланскому герцогу»[13].

[13] *Филипп де Коммин*. Мемуары… С. 30.

Причины заключения мира

Осаждающие не рискнули ни блокировать Париж, ни предпринять штурм, боясь оттолкнуть население. Им начало не хватать съестных припасов. Тем не менее Людовик XI решился на переговоры, потому что переходов на сторону врага становилось все больше. 18 сентября соглашение с лигерами заключил граф Мэнский. 21 сентября им сдал свою крепость капитан Понтуаза. 3 октября граф Неверский впустил бургундцев в Перонн. В ночь с 27 на 28 сентября герцогу Бурбону сдали Руанский замок, и большинство нормандских городов открыло мятежникам ворота. Принцы хотели заставить Людовика XI дать Нормандию в апанаж брату и сумели воскресить в этом герцогстве воспоминания об автономии и разжечь давнюю злость на королевских сборщиков налогов. После совещания со своим окружением и собрания «мудрейших людей всех сословий», состоявшегося 29 сентября, Людовик XI решил предоставить принцам все, чего они требовали. Под стенами Парижа состоялась его встреча с графом Шароле; об общественном благе они говорили очень мало: «Но сейчас о благе королевства речь уже не шла, — пишет Коммин, — его вытеснила забота о благах частных»[14].

Договоры в Конфлане и в Сен-Море

Договоры в Конфлане и в Сен-Море, заключенные в октябре 1465 г., удовлетворили притязания самых могущественных лигеров. Карл

[14] Там же. С. 39.

Французский получил взамен Берри герцогство Нормандию со всеми доходами, какие из нее извлекал король. Герцог Бретонский довольствовался признанием своих прав назначать бретонских епископов. Граф Шароле взял в собственное владение города на Сомме безо всякой компенсации суммы, выплаченной Людовиком XI герцогу Филиппу Доброму в 1463 г.; король сохранил право получить их обратно, заплатив 200 тыс. золотых экю, но этот второй выкуп мог состояться только после смерти Карла Смелого. Кроме того, графу доставались пикардийские превотства Вимё, Бовуази (близ Амьена) и Фуллуа, при условии выкупа, а без этого условия — графство Гин, Перонн, Мондидье и Руа. Впрочем, он добился всего, чего хотел: его друг граф Сен-Поль получил меч коннетабля с жалованьем в 24 тыс. турских ливров. Людовик XI заявил, что больше никогда в жизни не увидит Кроев, и, несмотря на статьи союзного договора с льежцами, позволил бургундцам навязать последним 22 декабря 1465 г. унизительный мир. Он даже предложил Карлу Смелому, который только что потерял жену, Изабеллу Бурбон, руку своей дочери Анны. «Король, — писал один из секретарей графа, — сказал, что любит упомянутого мною сеньора, моего господина, больше, чем кого-либо из живущих». Обещания дружбы со стороны Людовика XI были не более искренними, чем обещания, какие выслушивал он. Тем не менее он действовал и сумел окончательно помириться с некоторыми из вождей Лиги. Он сделался другом герцога Бурбона, назначив его

генеральным наместником всех провинций Центральной Франции — четверти королевства. Он привлек на свою сторону Жана Анжуйского, поддержав его притязания на Неаполь и Каталонию, снискал благосклонность Дюнуа и Антуана де Шабанна, вернув им все владения.

Забытые

«Не бывает пиршеств, где все были бы сыты, — пишет Коммин, — и одни получили все, чего желали, а другие ничего»[15]. Немур, Арманьяк и Альбре удалились почти что с пустыми руками. Людовик XI забыл созвать комиссию из тридцати шести членов, которую обещал собрать для обсуждения реформ, и никто этого не потребовал; она соберется только через год и послужит утолению королевской злобы. Война Лиги общественного блага принесла народу только новые страдания. Чтобы платить пенсии, каких потребовали принцы и их протеже, надо было повысить налоги. Иль-де-Франс и Пикардию разорили бургундские войска, а Шампань предали огню и мечу рутьеры графа Арманьяка и сира д'Альбре. Как только был заключен мир, бретонские солдаты взялись грабить Нормандию, а южные сеньоры, недовольные, что их принесли в жертву, не распустили своих тяжелых кавалеристов и позволили им несколько лет опустошать Юго-Западную Францию. По королевству опять рыскали вооруженные банды, и дороги перестали быть безопасными.

---

15 Там же. С. 43.

II. Апанаж Карла Французского. Людовик XI в Перонне

Проблема апанажа Нормандии

Один из лигеров, Тома Базен, объясняет, почему от короля требовали отдать брату Нормандию. «Если бы Карл приобрел Нормандию, которая с одной стороны прилегает к Бретани, а с другой, с небольшим промежутком, к землям герцога Бургундского, то трое принцев, став тем самым соседями, легко могли бы обороняться от короля, ведь они держали бы все побережье, от Фландрии до Пуату, и при надобности могли бы получить помощь от Англии». Именно по этим причинам Людовик XI через два месяца после того, как пожаловал брату этот апанаж, отнял его. Кстати, он считал, что Нормандия — «главная жемчужина короны, треть королевства Франции», и уступил ее не из «истинного согласия».

Ссора герцогов Нормандского и Бретонского

Между противниками Людовика XI «начались споры из-за добычи»[16]. Месье Карла сопровождал в Нормандию герцог Бретонский: он рассчиты-

[16] Там же. С. 44.

вал сам организовать управление этим апанажем и дать все посты своим ставленникам. Но приближенные Карла, как Жан Дайон и сиры Амбуаза, так же как Аркуры и другие нормандские вельможи, хотели разделить эти должности меж собой. Они обвинили Франциска II в ограничении свободы герцога Нормандского и 25 ноября 1465 г. похитили молодого принца, увезя его в Руан. 10 декабря в соборе произошла церемония инвеституры, и Тома Базен, надев на палец Карлу кольцо герцогов, «вступил с ним в брак» от имени Нормандии. Франциск II, раздраженный, удалился в Кан.

Людовик XI возвращает себе Нормандию

25 ноября Людовик XI, приехавший молиться в Клери, получил от Карла письмо, сообщавшее о распрях с герцогом Бретонским. Он протянул это письмо своему другу герцогу Бурбону, сказав: «Думаю, мне надо будет вернуть себе мое герцогство Нормандию. Я должен прийти на помощь брату». Этот лицемер имел удовольствие впоследствии принять послов Франциска II, просившего его дружбы. Герцог Бурбон, а потом король направились в Нормандию, и за два месяца (декабрь 1465 г. — январь 1466 г.) крепости этой провинции были взяты, несмотря на сопротивление части нормандского дворянства и духовенства. В качестве апанажа король предложил брату разве что Руссильон. Карл Французский возобновил отношения с герцогом Франциском, и оба вернулись в Бретань.

Месть Людовика XI

Людовик XI издал манифесты, оправдывая нарушение своих обязательств, «от [выполнения] которых корона и все Французское королевство могли бы понести и потерпеть слишком большой урон». Потом, проявив безжалостность, обычную для него, когда он одерживал победы, он отомстил тем, кто слишком хорошо служил его брату или кого он подозревал в измене делу короля во время войны Лиги общественного блага. «Несколько особ, чиновников и прочих, из Нормандии, — пишет Жан де Руа, — маршальский прево казнил и утопил»; в их число вошли Говен Мовьель, главный помощник бальи Руана, и Жан ле Бурсье, генерал финансов герцога Карла. Некоторые нормандские церковные сановники, в том числе Тома Базен, были высланы, а владельцы должностей этой провинции подверглись массовым увольнениям. Графа Мэнского лишили поста губернатора Лангедока.

Казнь Шарля де Мелёна

Поведение Шарля де Мелёна в конце войны Лиги общественного блага было очень двусмысленным; по наущению его врагов, Балю и Антуана де Шабанна[17], Людовик XI снял его со всех долж-

[17] *Anchier C.* Charles Ier de Melun, grand maître de France et lieutenant général du roi Louis XI à Paris et l'Île de France // *Moyen Âge.* 1892 (V). P. 80–87, 108–110. См. также: *Processus Balue* [Dit Rimé] / publ. par E. Déprez // *Mélanges d'archéologie et d'histoire: École française de Rome.* 1899 (XIX). Fasc. I–II. P. 267–287.

ностей (1466–1467), а потом, в 1468 г., передал его Тристану Лермиту, который быстро вынес ему приговор и приказал отрубить голову. «Такой была воля короля, не пощадившего человека, в отношении которого он прежде не питал никаких подозрений».

Действия во вред Бургундскому дому

В то же время королевские чиновники вновь принялись ежедневно посягать на права Бургундского дома[18], а тайные агенты подстрекали города на Сомме взбунтоваться. В июле 1466 г. собралась комиссия Тридцати шести под председательством Дюнуа, формально — для обсуждения «средств, пригодных для достижения общественного блага», на самом деле — чтобы рассмотреть трудности, какие создавало исполнение Конфланского договора, и взвалить вину за них на графа Шароле. Намечался новый разрыв.

Как обстоят дела в Динане и Льеже

Льежцы продолжали подыгрывать Людовику XI, хотя он их уже покинул. Демократическая партия не хотела признавать договор от 22 декабря 1465 г., который восстанавливал власть Людовика Бурбона под протекторатом Карла Смелого. «Истинные льежцы» особо упрекали

---

[18] Злоупотребления королевской властью и недопустимые действия королевских служащих с 1466 по 1468 гг. подробно описаны в Перонном договоре.

тех, кто подписал этот мир, за то, что они позволили графу Шароле исключить из него жителей Динана, которым граф угрожал страшной карой. В самом деле, в 1466 г. он жестоко отомстил за оскорбления, которые ему нанесли динанцы: их город был взят и полностью сожжен. До последнего дня несчастные не переставали говорить: «Благородный король Франции поможет нам и никогда нам не изменит, ведь он нам это обещал». Несмотря на этот жестокий урок, льежцы по-прежнему слушались демагогов и обольщались красивыми словами Людовика XI, заключившего с ними 15 июля 1467 г. новый союз. В сентябре Людовик Бурбон был вынужден укрыться при бургундском дворе. Чтобы «ободрить» льежцев, король прислал к ним бальи Лиона и отправил в Мезьер Антуана де Шабанна с четырьмястами копьями и шестью тысячами вольных лучников.

Волнения при вступлении Карла Смелого на престол

Тем временем 15 июня 1467 г. умер старый Филипп Добрый. Восшествие на престол Карла Смелого было встречено народными волнениями: гентцы, которые «любят сына государя, а самого государя — никогда»[19], вынудили нового герцога в честь такого события отменить один налог. В Брабанте, Брюсселе, Мехелене, Антверпене, Лире произошли выступления в поддержку гра-

[19] *Филипп де Коммин*. Мемуары… С. 59.

фа Неверского, требовавшего власти над этим герцогством; но брабантские дворяне объявили себя сторонниками Карла Смелого и помогли ему наказать «мужланов». Ведь это Людовик XI, забыв недавнюю измену графа Неверского, подбил его выдвинуть притязания на Брабант, чтобы тот послужил ему. Король приблизил к себе также одного из самых давних друзей Карла Смелого — коннетабля Сен-Поля, женив его на сестре Шарлотты Савойской.

Карл Смелый ищет союзников

Карл Смелый со своей стороны готовился к борьбе. В 1467 г. он, как и герцог Бретонский, подписал союзные договоры с королем Дании и герцогом Савойским и искал дружбы короля Англии.

Людовик XI и Англия с 1461 по 1465 гг.

«Господь оказывался милостив к французскому королевству в том смысле, что в Англии не прекращались... войны и раздоры, — пишет Коммин. — [...] Нет сомнения, что если бы положение дел у англичан было таким же, как и прежде, то у нашего королевства было бы немало забот»[20]. Действительно, война между домами Ланкастеров и Йорков не закончилась гибелью Ричарда Йорка, убитого в сражении при Уэйкфилде 30 декабря 1460 г. Его сын, юный граф

[20] Там же. С. 50.

Марч, и граф Уорик, *делатель королей*, вступили в Лондон, и 4 марта 1461 г. граф Марч был коронован под именем Эдуарда IV. Людовик XI, в бытность дофином сторонник дома Йорков, после вступления на престол отдалился от Эдуарда IV: в надежде вновь и без единого выстрела получить Кале он в 1462 г. заключил договор с домом Ланкастеров и предоставил Маргарите Анжуйской для экспедиции в Англию субсидии и небольшую армию, которой, впрочем, не могло хватить, чтобы обеспечить успех подобной попытки. Злополучная Маргарита еще раз вернулась из Англии побежденной, «умирая от голода и неустроенности». Король, не любивший неудачников, отказался поддержать права кузины, и она попыталась заключить мир с Эдуардом IV. Тот не пожелал этого и согласился лишь на продление перемирия, приостановившего военные столкновения между Францией и Англией после конца Столетней войны. В 1465 г. враги Людовика XI какое-то время надеялись на вторжение англичан во Францию: во время войны Лиги общественного блага такая высадка имела шансы на успех и принесла бы Эдуарду IV славу, выгодную для его династии. К счастью для Людовика XI, «король Эдуард был человеком невысокого полета, но зато этот государь был чрезвычайно красивым»[21], беспечным и сластолюбивым и согласился возобновить перемирие до 1 марта 1468 г.

---

[21] Там же. С. 97.

Уорик в Руане

В 1467 г. союза с Англией искали одновременно Людовик XI и Карл Смелый, добивавшийся руки Маргариты Йоркской, сестры Эдуарда. Желая, чтобы этот брак не состоялся, Людовик XI рассчитывал на влияние Уорика. В июне он встретился с *делателем королей* в Руане; Людовик осыпал его, а также его свиту льстивыми словами и подарками. «Оный граф, муж мудрый и изощренный в своих делах», пообещал поддержку. Но французский король переоценил могущество Уорика. В 1464 г. Эдуард IV женился на вдове из мелкого дворянства, Елизавете Вудвилл, и с тех пор отношения молодого монарха с бывшим фаворитом стали холодней — его милости и внимание теперь доставались только алчному семейству королевы. Если Уорик принял авансы Людовика XI, то потому, что готовился к измене и хотел обеспечить помощь самому себе. Вернувшись в Англию, он обнаружил там бургундское посольство, получившее от Эдуарда IV официальные обещания заключить союз. Предложения Людовика XI были в оскорбительной форме отвергнуты.

Феодальная коалиция во Франции (1467 г.)

Ситуация во Франции была для короля не лучше. Месье Карл, хоть он и вынужден был жить за счет своего друга Франциска II и выпрашивать подачки у знатных бретонских дам, отвергал предложения брата, правда, смехотворные. Получить он хотел Нормандию, и именно ее герцоги

Бретонский и Бургундский намеревались отобрать у короля. Приняв от Людовика XI в подарок 120 тыс. экю, Франциск II 16 августа 1467 г. подписал договор о вечной дружбе с Карлом Французским и потратил деньги короля на набор армии для боев с последним. Карл Смелый обещал скоро вступить в войну с тысячей шестьюстами копий и двадцатью тысячами лучников и заверял, что пфальцграф приведет для завоевания Нормандии десять тысяч бойцов. Наконец, 1 октября герцоги Нормандский, Бретонский и Бургундский заключили союз с Жаном II, герцогом Алансонским, вечным заговорщиком, который укрылся в Бретани, оставив Франциску II все крепости своих нормандских владений.

Бретонцы в Нормандии

15 октября Людовик XI узнал, что бретонская армия вторглась в Нормандию. Тогда же Карл Смелый с крупнейшей армией, какую когда-либо собирали герцоги Бургундские, выступил в поход, чтобы разбить льежцев. Людовик XI тщетно пытался остановить его угрозами, которые его собственные стесненные обстоятельства делали бессильными. Король Франции еще раз пожертвовал союзниками и заключил с герцогом Бургундским перемирие.

Поражение льежцев

Льежцы, оставшись без поддержки, были наголову разгромлены 28 октября при Брюстеме. Карл Смелый упразднил все их привилегии

и взял управление княжеством в свои руки. Но тем временем Людовик XI, воспользовавшись раздражением, какое в Нормандии вызывали бесчинства бретонцев, переманил на свою сторону герцога Алансонского, остановил захватчиков и 25 января 1468 г. подписал с Франциском II перемирие.

Генеральные штаты 1468 г.

Над королем и королевством по-прежнему нависала страшная опасность: весной уверенно ожидали новую гражданскую войну, главную роль в которой на сей раз сыграет герцог Бургундский, а дипломатам, посланным Людовиком XI в Лондон, не удавалось добиться, чтобы перемирие с Англией, истекавшее 1 марта, было бы возобновлено. Король обратился к подданным и созвал Генеральные штаты. 26 февраля 1468 г. он написал добрым городам, велев к 1 апреля прислать в Тур депутатов, чтобы преодолеть «смуты и расколы», грозившие усугубиться «в великом множестве, подвергая наш бедный народ тяготам и гнету». Собрание вышло очень торжественным. Его сессии продолжались с 6 по 14 апреля. Единогласно было принято решение, что Месье Карл имеет право только на графство или герцогство, приносящее 12 тыс. турских ливров ренты, и что король мог бы ему предложить, кроме того, пенсию в размере до 60 тыс. турских ливров, но что Нормандия ни в коем случае не подлежит отчуждению и «королю нельзя ее отдавать».

Брак Карла Смелого и Маргариты Йоркской

Эдуард IV начал свои приготовления — он решительно вступил в состав коалиции. 17 мая парламент предоставил ему субсидии, чтобы он мог отвоевать владения предков во Франции, а в июне он отправил во Фландрию свою сестру Маргариту — 3 июля она вышла за Карла Смелого. Людовик XI извлек выгоду из пышных празднеств, которые по этому поводу продолжались в городе Брюгге по 12 июля. Он легко добился от Карла Смелого продления перемирия до 1 августа, а тем временем его войска вновь взяли крепости в Нормандии, какие еще удерживал Франциск II.

Мир в Ансени

Один монах, получивший от короля большие деньги, сновал по сельской местности, убеждая «люд городов и приходов хранить верность государю и противостоять своими силами посягательствам тех, кто хотел бы его сменить». Наконец, королевская армия вторглась в Бретань. 10 сентября 1468 г. Франциску II пришлось подписать в Ансени мир. Людовик XI предоставил брату пенсию в 60 тыс. ливров и обещал дать ему апанаж.

Неизбежность войны между Людовиком XI и Карлом Смелым

Когда герольд Франциска II прибыл к Карлу Смелому, чтобы сообщить о заключении этого договора, герцог Бургундский испытал такой

приступ ярости, что хотел повесить гонца. Ведь он собрал армию, чтобы помочь союзникам, и только что перешел Сомму. Что будет дальше? В окружении Людовика XI мнения разделились. Антуан де Шабанн и военная партия хотели развязать полноценную войну. «Этот надменный мятежник Карл, как есть лживый, проклятый англичанин, будет повергнут за свои грехи, — восклицали они. — Врезать ему как следует! Тысяча чертей, врезать ему!» Но Людовик XI прислушался к советам мудрых, опасавшихся последствий, какие отчаянная борьба могла повлечь для королевства. Он отправил к Карлу Смелому несколько посольств, и в Хаме с 20 по 29 сентября происходила мирная конференция. Результата она не принесла. Людовик XI, убежденный, что там, где потерпели неудачу другие, он лично добьется успеха, преподнес герцогу Бургундскому в подарок 60 тыс. золотых экю и, не без большого труда, добился обещания увидеться и охранной грамоты[22].

Людовик XI в Перонне

Карл Смелый находился в Перонне. Людовик XI приехал туда 9 октября 1468 г. в сопровождении всего ста человек, в число которых входили герцог Бурбон, коннетабль Сен-Поль и кардинал

[22] Идея лично встретиться с Карлом Смелым принадлежала самому Людовику XI. С августа он планировал увидеться с герцогом Бургундским. Неправда, что мысль о поездке в Перонн внушил ему кардинал Балю. Это превосходно показал г-н Форжо.

Балю. Поскольку «в самом замке помещения были плохие»[23], король остановился в доме сборщика налогов. Едва он там поселился, как ему сообщили о прибытии нескольких особ, имевших веские основания его ненавидеть, — его шурина Филиппа де Бресса[24] и Антуана дю Ло, недавно бежавшего из королевской тюрьмы. Они вошли в город почти в то же время, что и он, в сопровождении маршала Бургундии Тибо де Нёфшателя, еще одного личного врага короля. Людовик XI внезапно понял, какую беспримерную неосторожность совершил. Он решил, что залогом его спасения будет лояльность Карла Смелого, и переселился в замок. На следующий день и послезавтра, 10 и 11 октября, кардинал Балю вел переговоры с уполномоченными герцога о заключении мира, но Карл упорно не желал отрекаться от своего союзника, герцога Нормандского. Людовику XI оставалось только готовиться к отъезду.

Вести из Льежа

Вдруг вечером 11 октября в Перонн примчалась толпа обезумевших беглецов, принесшая страшные вести: епископ Людовик Бурбон, папский легат и сир де Эмберкур, управлявший Льежским княжеством от имени герцога Бургундского, все перебиты льежцами по наущению посланцев Людовика XI; «они уверяли, что видели в толпе королевских посланцев, и называли их

---

[23] *Филипп де Коммин*. Мемуары… С. 62.

[24] О Филиппе де Брессе см. далее, с. 168.

по именам»[25]. Не все из этого было правдой. За месяц до того «истинные льежцы», изгнанные герцогом в 1467 г., воспользовались затруднениями Карла Смелого, чтобы вернуться в княжество, убежденные, что вскоре между королем Франции и герцогом Бургундским начнется война. 9 октября они похитили епископа из его резиденции в Тонгерене; во время потасовки несколько человек было убито; епископа увезли обратно в Льеж, а Эмберкура оставили на свободе. Но обвинение в адрес Людовика XI не было безосновательным. Коммин, очевидно, очень хорошо осведомленный, сообщает: «Король, направляясь в Перонн, не подумал о том, что отправил в Льеж двух посланцев, дабы они возмутили жителей против герцога. Эти посланцы так хорошо постарались, что собрали массу людей»[26].

Людовик XI в плену

Вести, принесенные в Перонн, разгневали Карла Смелого. Он «сразу же в это поверил и пришел в ярость, говоря, что король приехал, дабы обмануть его»[27]. Он немедленно приказал закрыть ворота города и замка. Людовик XI оказался в плену. Из своего окна он видел отряд бургундских лучников, охранявший его, и старинную башню, где в плену у графа Вермандуа умер король Карл Простоватый. Два дня и три ночи Карл Смелый держал его в заключении и совещался

25 *Филипп де Коммин*. Мемуары… С. 66.
26 Там же. С. 65.
27 Там же. С. 66.

о том, что с ним делать. Он непрестанно в бешенстве повторял, «что король… приехал с коварными замыслами»[28]. Вне всякого сомнения, его гнев распаляли Филипп де Бресс и другие враги Людовика XI. Некоторые предлагали «просто, без всяких церемоний» оставить короля под стражей. Другие держались мнения, что надо как можно скорей послать за Месье Карлом и «заключить новый мир к вящей выгоде всех принцев Франции»[29]. Но большинство советников герцога считало, что нельзя нарушать охранную грамоту, выданную королю. Людовик XI, который имел возможность свободно общаться с некоторыми из спутников, поручил кардиналу Балю раздать 15 тыс. золотых экю всем бургундцам, кто «мог ему помочь». Балю оставил половину этой суммы себе, но сделал несколько подарков, принесших пользу его господину: Антуан, великий бастард Бургундский, получил от него две тысячи экю; вероятно, Филипп де Коммин, который пользовался величайшим доверием Карла Смелого и спал в его опочивальне, получил тысячу или полторы тысячи экю. Великий бастард и Коммин убедили герцога сдержать слово и освободить короля. Кстати, из Франции поступали тревожные вести: Антуан де Шабанн, главнокомандующий Людовика XI, стал лагерем близ границы, а Гастон де Фуа, пришедший с армией с Юга, расположил свою штаб-квартиру в Мо.

---

28 Там же.

29 Там же. С. 70.

Встреча обоих государей

После беспокойной ночи, которую герцог провел, расхаживая по своей комнате вместе с Коммином и все еще изрыгая ужасные угрозы, он 14 октября, в девять часов утра, впервые пришел увидеться со своим пленником. Он принял решение: король будет свободен, если соблаговолит подписать договор, уже подготовленный герцогским советом, и принять участие в разрушении Льежа. Когда герцог вошел, «он был настолько взволнован, что у него дрожал голос и он готов был в любой момент взорваться. Внешне он был сдержан, но жесты и голос выдавали гнев»[30]. Он упрекнул короля, что тот его обманул, и изложил ему свои условия. Людовик XI елейным голосом заявил, что ни за что на свете не пожелал бы возбуждать льежцев против герцога, изъявил готовность идти их карать и подтвердить клятвой подписание договора, который ему предлагает Карл. И он действительно поклялся на частице истинного креста, которую привез с собой.

Перонnский договор (14 октября 1468 г.)

Перонnский договор имеет форму королевских грамот, содержащих «жалобы, упреки и просьбы» герцога вместе с «распоряжениями и ответами» Людовика XI. Все конфликты между бургундскими и королевскими чиновниками, возникшие при исполнении Аррасского

[30] Там же. С. 71.

и Конфланского договоров, были разрешены к выгоде Карла Смелого. «Четыре закона Фландрии», то есть суды Гента, Брюгге, Ипра и «Вольных земель» Брюгге (сельской окрестности города) [Brugse Vrije], выводились из подведомственности Парижскому парламенту: это важнейшая статья договора. Как ни странно, нет ни упоминания об апанаже Месье Карла. Согласно Коммину и Оливье де ла Маршу, Людовик XI тем не менее обязался дать ему Шампань и Бри, — вероятно, такого обещания потребовал герцог Бургундский; но незаметно, чтобы оно содержалось в каком-либо письменном документе.

Спокойствие Людовика XI

Людовик XI счел, что в этой скверной истории он еще легко отделался. В тот же день он написал своим добрым городам Франции: «Мы уверены, что вы будете этому очень рады». На следующий день ему пришлось отправиться в Льеж. Он еще не был свободен, и для любого другого эта поездка в Льеж была бы мучительным унижением; но Людовик XI, убежденный, что час его мести настанет, вновь обрел полное спокойствие. Теперь он насмехался над страхами своего окружения. Жан Бурре написал ему, что готов в столь великой опасности приехать к своему королю, но что бургундцы бы наверняка его умертвили. 16 октября Людовик XI велел передать ему такой ответ:

> Король был очень доволен Вами и сказал, что видит: если бы он послал за Вами, Вы бы поехали

хоть на край света; но если бы он послал за Вами, Вы бы умерли от страха по дороге; так что отправляйтесь ждать его в Париж или в Мо.

Людовик XI принимает участие в разрушении Льежа

30 октября, после отчаянного сопротивления жителей, бургундские войска захватили Льеж. Во время штурма Оливье де ла Марш услышал, как Людовик XI говорит герцогу: «Брат мой, вперед, ведь вы — счастливейший государь из живущих». Льежцы не могли поверить в измену союзника и кричали «Да здравствует король!». Людовик XI вошел в город с обнаженным мечом, с бургундским андреевским крестом на шляпе «и кричал „Да здравствует Бургундия!“». Город Льеж полностью разрушили, за исключением церквей. Пожар продолжался семь недель, и у Коммина, когда тот писал мемуары, еще звучал в ушах грохот обрушивающихся в пламени домов.

Возвращение Людовика XI во Францию

2 ноября Людовик XI был наконец свободен. Вернувшись во Францию, он велел зарегистрировать Перонnский договор и разослал на парижские переулки глашатаев, чтобы запретить «рисунки, рондо, баллады, виреле, клеветнические пасквили», направленные против герцога Бургундского. Он хотел, чтобы о только что случившихся событиях хранили молчание. Но король

хорошо знал, что его унижение известно всему Западу, что о нем судачат даже при маленьких итальянских дворах и что престиж Карла Смелого как внутри, так и за пределами бургундского государства благодаря этому удвоился; и он «смертельно ненавидел герцога Карла».

III. Карл Французский в Гиени. Перевороты в Англии. Войны между Людовиком XI и Карлом Смелым

Людовик XI предлагает брату Гиень

Добившись от своего пленника обещания, что он отдаст Месье Карлу Шампань и Бри, герцог Бургундский велел передать последнему, чтобы тот не принимал никакого другого апанажа, а ведь, как пишет Коммин, «король ни за что не соглашался отдать обещанные земли, не желая, чтобы его брат и оный герцог оказались столь близкими соседями»[31]. Людовик XI предложил Карлу Французскому герцогство Гиень. Он проявил немалую ловкость, стараясь изолировать брата и обвести его вокруг пальца; его уступки и подарки укрепили лоялизм герцога Бурбона и короля Рене и вынудили герцога Бретонского хранить нейтралитет. Наконец, Оде д'Айди, главный советник Месье, получил капитанство Блай и присягнул на верность королю; как гасконец он был всецело заинтересован в том, чтобы его господин стал герцогом Гиенским.

---

31 Там же. С. 83.

Интриги Аранкура и Балю

Месье не сразу согласился на это из-за происков двух прелатов-интриганов, пользовавшихся дурной славой, — Аранкура и Балю. Гильом де Аранкур, епископ Верденский, служивший поочередно королю Рене, Людовику XI, Карлу Французскому и герцогу Бретонскому, не сумел сделать карьеры, о какой мечтал. Потерпев неудачу в попытках вернуть себе королевскую милость, он решил заставить Людовика XI пожалеть, что служит больше не ему. Он тайно уведомил Карла Французского: если тот потребует Шампань и Бри, его поддержит вся знать. В интригу включился Жан Балю и вскоре уже вел ее сам, потому что был изощренным хитрецом. Этот сельский священник, сын мелкого пуатевинского чиновника, ставший великим викарием епископа Анжерского, понравился Людовику XI за энергию и хитрость. Король назначил его в 1464 г. раздатчиком милостыни, сделал «первым в Большом совете» и, несмотря на заведомо беспутное поведение протеже, добился для него кардинальского сана. В день, когда Балю получил кардинальскую шапку, 27 ноября 1468 г., он устроил пир с интермедиями; «среди игрецов, исполняющих фарсы, был персонаж, представлявший оного кардинала Балю, и он говорил такие слова: „Я вызываю пламя, я вызываю злобу, я вызываю шум, я вызываю все: только и говорят, что обо мне“». Вскоре только и говорили, что о его опале. Враги обвинили его в том, что это он подстроил перонński сюрприз; Людовик XI, очень

довольный, что последствия собственного безрассудства может приписать чужой измене, легко позволил себя убедить и исключил кардинала из членов совета. Тогда-то Балю и присоединился к Аранкуру в попытках помешать Карлу Французскому принять Гиень. Они оба надеялись вынудить короля раскаяться; в худшем случае они предполагали перейти на службу к Карлу Смелому. Но случайное задержание эмиссара, которого они отправили к герцогу Бургундскому, 22 апреля 1469 г. привело к тому, что их заговор был раскрыт.

Арест Балю и Аранкура

На следующий день Балю и Аранкур были посажены в заключение, к великой радости общества, ведь их презирали и ненавидели. До нас дошло семь песен, или баллад, сочиненных по этому поводу. Одна из них гласила:

> Государь, говорю я, пусть в науку
> Его тело оденут в мохнатую шкуру
> И пусть по нему лупят так,
> Чтоб звучала музыка… как на Балю!

Суду обоих обвиняемых так и не предали, но Балю оставался под стражей до 1480 г., а Аранкур — до 1482 г.[32]

---

[32] Долгое истязание Балю, заточенного в тесную железную клетку, — миф. Балю содержался в очень комфортных условиях. Железная клетка, в которую, опасаясь побега, в 1476 г. заключили Аранкура, имела размеры кельи.

Карл Французский принимает Гиень

Через неделю после их ареста, 29 апреля 1469 г., Людовик XI пожаловал брату герцогство Гиень с сенешальствами Ажене, Керси, Перигор, Сентонж, Ла-Рошель и с бальяжем Онис. Карл Французский принял этот апанаж лишь после того, как возобновил союз с герцогом Бретонским. Однако 7 сентября благодаря посредничеству доброй Шарлотты Савойской он увиделся с братом и помирился с ним. Карл еще был предполагаемым наследником престола, и Людовик XI проявлял к нему заботу, не исключавшую, впрочем, недоверия: 19 августа Карл должен был поклясться на кресте святого Лауда, что никогда не будет ни злоумышлять против жизни либо свободы короля, ни просить руки Марии, единственного ребенка и наследницы герцога Бургундского. Кроме того, ему следовало подписать акт, в силу которого он отрекался от прежних апанажей — от Берри и Нормандии, и отослать обратно «кольцо, приняв каковое, он, как говорили, женился на Нормандии»; 9 ноября на заседании Палаты шахматной доски в Руане это кольцо было раздроблено на наковальне. Попав в Гиени под надзор доверенных лиц короля, Карл отклонил предложения Карла Смелого — руку его дочери и орден Золотого руна.

Замыслы Людовика XI против Бургундского дома

Людовик XI был не из тех, кто удовольствовался бы таким половинным успехом. Решение погубить Бургундский дом он уже, конечно, принял

окончательно. Чтобы достичь этой цели, он будет поочередно использовать самые разные средства, в зависимости от того, какое подвернется под руку. Из этого делали вывод, что у него не было ни общего плана, ни стройной системы идей и что падение его противника стало результатом стечения обстоятельств, а не его искусности. Однако из дальнейшего рассказа будет видно, с какой восхитительной ловкостью он парализовал действия Карла Смелого: ход событий требовал как раз терпения и гибкости ума, и если герцог Бургундский погиб, то потому, что не умел так отступать и выжидать, как Людовик XI.

Союз с Англией

Когда Карл Смелый осознал бесполезность Пероннского договора, который королевские чиновники запросто нарушали, он внушил своему шурину, королю Англии, мысль вторгнуться во Францию, и флот Эдуарда IV несколько раз угрожал побережью Нормандии. Союз с Англией стал с 1469 по 1471 гг. главной задачей королевской дипломатии, равно как и бургундской. Людовик XI рассчитывал на скорую смену династии за Ла-Маншем. Англия считалась страной переворотов; молодой король был малопопулярен, и Уорик вполне мог убрать короля, которого сделал сам. Тот взялся за это: с июля 1469 г. по апрель 1470 г. Англию непрерывно сотрясали военные мятежи. Наконец, Уорик, преследуемый Эдуардом IV, бежал во Францию; попутно его флотилия захватила несколько бургундских кораблей:

он хотел вынудить Людовика XI открыто обозначить свою позицию и порвать с Эдуардом IV и Карлом Смелым.

Людовик XI мирит Уорика с Маргаритой Анжуйской

Людовик XI изобразил удивление и попытался начать переговоры. Но герцог Бургундский в отместку за захват судов Уориком послал флот разорять нормандское побережье, а когда королевские послы прибыли за разъяснениями, он крикнул им, побагровев от гнева: «У нас, португальцев[33], обычай такой, — когда те, кого мы считали друзьями, становятся друзьями наших врагов, мы посылаем их ко всей сотне тысяч чертей преисподней». В ответ на этот выпад Людовик XI вызвал королеву Маргариту из убежища, где она жила с принцем Уэльским, и предложил ей свою поддержку и поддержку *делателя королей* для новой экспедиции в Англию; после трех недель терпеливых дипломатических усилий ему удалось помирить ее с тем самым Уориком, ее смертельным врагом, который когда-то «велел во всеуслышанье говорить в Лондоне, что она обесчещенная женщина и что ребенок, которого она выдает за сына короля Генриха, — дитя блуда». Уорик смиренно попросил прощения у Маргариты и добился, чтобы его вторая дочь вышла за принца Уэльского. 25 июля 1470 г.

---

[33] Герцог называл себя португальцем от рождения — по матери.

Людовик XI иронично написал Жану Бурре, что только что сочетал браком королеву Англии и Уорика.

Реставрация Ланкастеров

Делатель королей высадился в Англии 13 сентября 1470 г. и пошел на Лондон. В то время как Эдуард IV бежал в Голландию, Генрих VI, которого уже пять лет держали под стражей в лондонском Тауэре, был освобожден, коронован и посажен на трон «словно мешок с шерстью, который тащат за углы», — пишет Шателен и добавляет: «Когда король Людовик услышал эту благую весть, ему казалось, что он утопает в розах». Людовик XI действительно считал, что поддержка англичан ему обеспечена, и его послы предлагали Генриху VI расчленить Бургундское государство.

Собрание в Туре

В ноябре 1470 г. Людовик XI созвал в Туре собрание сеньоров, прелатов и коронных чиновников. Его жалобы на противника были изложены с многочисленными подробностями, более или менее правдивыми: встреча в Перонне была ловушкой, которую расставили Балю и герцог Бургундский; договоры 1465 г. и 1468 г., выбитые силой, не соблюдает даже Карл Смелый. Собрание ответило, что «согласно требованиям Бога и совести и всем понятиям о чести и справедливости король избавлен и освобожден от оных договоров».

Людовик XI переходит в наступление…

В январе королевские войска внезапно вторглись в Пикардию. Коннетабль Сен-Поль занял Сен-Кантен, а жители Амьена, Руа и Мондидье, добровольно или под принуждением, открыли ворота своих городов Антуану де Шабанну. Дворяне и вольные лучники из Дофине проникли в сердце области Маконне и дошли до Бургундии. Захваченный этой неожиданной агрессией врасплох, Карл Смелый кричал об измене, обвиняя Людовика XI в попытках его отравить. В его окружении начались отступничества. Бургундцы «пали духом. Они говорили, что в этом году Бог — француз, как в прошлые времена он был бургундцем», а «верные» Людовика XI радовались, что «этих бургундских предателей, врагов короля и Франции, не верящих во Францию, обескуражили и сбили с них спесь»[34]. 7 марта 1471 г. Людовик XI писал: «Надеюсь, это будет концом бургундцев».

…но Карл Французский готов ему изменить

Это упование было неоправданным. Карл Французский, хоть и сопровождал короля в Пикардию, был готов ему изменить: Гиень, опустошенная страшными войнами 1451 и 1453 гг. и доведенная до отчаяния феодальной анархией,

---

[34] Письмо Жана де Ванта, жителя Дофине, парламенту Гренобля от 16 марта 1471 г.

отнюдь не была хорошим апанажем, к тому же рождение дофина 30 июня 1470 г. отняло у Карла надежду на корону. Этого посредственного честолюбца, принявшего титул «весьма великого герцога Аквитании и сына Франции»[35], подталкивали к мятежу обе клики, которые соперничали за возможность управлять им. Его любовница Колетта де Шамб, вдова Людовика Амбуазского, хотела отомстить Людовику XI, который отнял у нее наследство мужа. Оде д'Айди, забывший свою присягу на верность Людовику XI, был главой другой группировки. Он пытался отделаться от Колетты и женить господина на дочери Гастона IV, графа Фуа, уже поссорившегося с Людовиком XI. Но Карл Французский помнил, что ему предлагали руку наследницы Бургундии. Карл Смелый позволял ему тешить себя этой иллюзией. Тем не менее он не собирался отдавать руку Марии герцогу Гиенскому, как и шести другим принцам, матримониальные предложения которых он поочередно выслушивал или провоцировал сам. Он со смехом говорил приближенным, что выдал бы дочь замуж, будь он францисканцем и следуй строгому уставу. «Он хорошо понимал, — пишет Жан Ле Клерк, — что это лучшая дубинка из всех, какие у него есть», а Коммин добавляет: «Уверен, что он вовсе не желал иметь сына и не хотел, пока он жив, выдавать дочь замуж»[36]. Но этой

---

[35] Людовик XI позаботился перенести парламент, который основал в 1462 г. в Бордо, в Пуатье.

[36] *Филипп де Коммин*. Мемуары… С. 93.

обманчивой надежды было достаточно, чтобы обеспечить готовность Карла Французского к скорой измене.

Эдуард IV возвращает себе корону

Английская угроза скоро возродилась, став еще опасней: Карл Смелый тайно дал беглецу Эдуарду IV средства на то, чтобы собрать флот и армию, и 14 марта 1471 г. йоркисты высадились в устье Хамбера. Эдуард IV, стряхнув обычную вялость, обнаружил качества выдающегося полководца: осторожность, верность суждений, решительность. Он сумел, имея под началом двенадцать-пятнадцать сотен авантюристов, менее чем за месяц пересечь половину королевства. Его не слишком любили в Англии, но народ, равнодушный и усталый, не создавал ему препятствий. 11 апреля Эдуард вступил в Лондон; 14 апреля Уорик был побежден и убит при Барнете, а 4 мая принц Уэльский, сын Генриха VI, погиб в ходе окончательной катастрофы — при Тьюксбери. Генрих VI, снова заточенный в лондонский Тауэр, 21 мая там умер[37].

Карл Смелый осаждает Амьен

Когда Эдуард IV отплыл отвоевывать свое королевство, Карл Смелый выступил с тридцатитысячной армией для возвращения себе городов

---

[37] Маргарита Анжуйская еще пять лет оставалась узницей в Англии; в конечном счете Людовик XI выкупил ее, и она уехала доживать во Францию.

на Сомме. 10 марта 1471 г. он начал осаду Амьена. Город, хорошо обороняемый Антуаном де Шабанном, выдержал пушечный обстрел. Герцог Бургундский надеялся, что его сдаст коннетабль Сен-Поль, вошедший туда под предлогом подвода подкреплений. Сен-Поль пытался сделаться нужным человеком, посредником между Людовиком XI и Карлом Смелым. Его цель, несомненно, состояла в том, чтобы выкроить себе княжество в Пикардии. Но пока что, договорившись с Франциском II Бретонским, он хотел заставить герцога Бургундского связать себя официальной гарантией с французской знатью и выдать дочь за Месье Карла.

Перемирие

Выведенный из терпения этими требованиями, встревоженный вестями, какие поступали из Маконне, Карл Смелый в начале апреля направил королю «письмо в шесть строчек, написанных его собственной рукой»[38]: он выражал сожаление, что тот его «преследует» к выгоде других людей. Король, со своей стороны, уже утратил невозмутимую уверенность и с радостью принял его предложения: он подписал с герцогом Бургундским перемирие, по условиям которого в Амьене и Сен-Кантене оставались королевские гарнизоны.

Новая феодальная коалиция

Разорвав Пероннский и Конфланский договоры, Людовик XI обрек себя на беспощадную борьбу с собственными крупными вассалами. Разлад

38 *Филипп де Коммин*. Мемуары… С. 92.

между его противниками продолжался недолго. В течение 1471 г. от Нидерландов до Бретани, от Альп до Пиренеев вновь сложилась феодальная коалиция. 26 июня Оде д'Айди связал Бретонский дом с домом Фуа, организовав брак Франциска II с дочерью Гастона IV. В июле герцог Гиенский, покинув Людовика XI, вернулся в Бордо и попросил папу аннулировать клятву, какую дал на кресте святого Лауда, — никогда не вступать в брак с Марией Бургундской. Тщетно Людовик XI посылал в Гиень одного из самых хитрых своих дипломатов, Эмбера де Батарне, чтобы договориться о браке Карла с Хуаной Кастильской: «...если вам это удастся, — писал он, — вы меня осчастливите». Карл отверг «дочь Испании». Людовик XI предложил ему одну из собственных дочерей. «Что касается брака дочери короля, — ответил тот, — да соблаговолит мой государь сделать лучший выбор во благо королевства, оных принцев крови и его подданных». Жана V д'Арманьяка, вернувшегося к тайным козням, в 1469 г. король лишил владений, и тому пришлось бежать в Испанию; в декабре 1471 г. герцог Гиенский призвал его и вернул ему имения. Жан немедленно набрал армию и «с большими силами подступил к Тулузе». Хуан II, король Арагона, и Иоланда, герцогиня Савойская, сестра Людовика XI, обещали членам коалиции поддержку, и было условлено, что Эдуарду IV позволят отвоевать во Франции бывшие владения Плантагенетов. Приближенные герцога Гиенского говорили, «что в погоню за королем пустят столько борзых, что он не

будет знать, куда бежать». Готовилось разделение Франции. Карл Смелый заявил, что желает королевству блага более, чем кто-то другой, «ибо, — сказал он, — вместо одного короля я желал бы там видеть шестерых»[39].

Болезнь и смерть герцога Гиенского

Пошли слухи, что король Франции обречен. Однако у него оставалась одна надежда. 1 марта 1472 г. он поручил епископу Валансскому поместить в сокровищницу церкви Сен-Ло в Анжере комплект документов, которые подтверждали, что Месье Карл нарушил клятву, принесенную на кресте святого Лауда. Такое клятвопреступление не могло остаться безнаказанным. Да и как было усомниться в небесном покровительстве? 14 декабря 1471 г. умерла Колетта де Шамб, и Карлу Французскому с начала зимы становилось все хуже. Людовик XI был полностью осведомлен о том, что происходит в Гиени: тот же монах, который читал с герцогом часослов, был платным агентом короля. Людовик принял меры предосторожности: на границе сосредоточились войска, слуг Месье переманивали или брали под контроль, добрые города вводили в заблуждение. 24 мая 1472 г. Карл Французский умер. За несколько дней вся Гиень была подчинена. Оде д'Айди бежал в Бретань, обвинив короля в отравлении брата[40].

---

[39] Там же. С. 110.

[40] На самом деле герцог Гиенский болел уже давно. Д-р Э. Бриссо выдвинул гипотезу, что сифилисом.

Поход Карла Смелого

Карл Смелый только что реорганизовал армию, ввел в строгие рамки службу дворян, создал постоянные войска[41]. 22 июня и 16 июля он издал грозные манифесты, где утверждал, что герцог Гиенский был умерщвлен по приказу брата «ядом, порчей, колдовством и дьявольскими заклинаниями». 4 июня, не дожидаясь истечения перемирия, он начал боевые действия; 10 июня — велел перебить всех жителей и защитников городка Нель и, вступив верхом, закованный в латы с головы до ног, в церковь Богоматери, где грудами лежали окровавленные трупы, воскликнул: «Святой Георгий! Дети, вы устроили прекрасную бойню!».

Осада Бове

27 июня Карл подошел к Бове, где не было гарнизона. Зная, какая участь им грозит, жители оказали отчаянное сопротивление, при котором снискали славу и женщины. Во время одного штурма девушка из народа Жанна Лене «схватила и дернула к себе штандарт или знамя бургундцев»[42]. Герцог Бургундский был настолько бездарен в военном отношении, что, несмотря на значительные

---

[41] Судя по эдиктам 1471 г., Карл Смелый сформировал армию численностью в 1250 копий. В состав каждого копья входил один тяжелый кавалерист, которого сопровождали кутилье и паж, три конных лучника, сражавшихся пешими, кулевринер, арбалетчик, копейщик.

[42] Грамоты Людовика XI для Жанны Лене. Этот эпизод породил легенду о Жанне Секире.

силы, какими располагал, каждый день пропускал королевские войска в Бове, который в итоге стал неприступным.

Опустошительная война

22 июля герцог Бургундский снял осаду и три месяца после этого разорял землю Ко, сжигая сотнями деревни и замки, уничтожая урожай. По приказу короля Антуан де Шабанн довольствовался тем, что следовал за ним на расстоянии и «пресекал подвоз припасов». Тем временем пограничные королевские гарнизоны устраивали вылазки в бургундские земли, а гасконский корсар Гильом де Казенов наводил страх на население нидерландского побережья. К концу октября войска Карла Смелого, изнуренные и изголодавшиеся, повернули обратно во Фландрию. 3 ноября герцог Бургундский заключил с королем перемирие на пять месяцев, которое по истечении было продлено на год.

Распавшаяся коалиция

Людовик XI, по своему обыкновению, приберег решительные удары для самых слабых противников. Он вторгся в Бретань, и 15 октября 1472 г. Франциск II был вынужден согласиться на перемирие. Оде д'Айди перешел на службу к королю.

Процесс герцога Алансонского

Герцог Алансонский, арестованный по обвинению в том, что хотел передать свои владения Карлу Смелому, был приведен в парламент и во

второй раз приговорен к смерти; тем не менее Людовик XI пощадил своего бывшего сообщника — старый заговорщик был снова помилован[43]. Жану V, графу Арманьяку, повезло меньше. Осажденный в крепости Лектур, он 11 июня 1472 г. сдался сиру де Божё и получил дозволение ехать к королю, чтобы оправдаться. Он остался на Юге и воспользовался свободой лишь для того, чтобы подготовить реванш. Когда королевские войска ушли, Жан V 19 октября 1472 г. захватил Лектур и взял сира де Божё в плен благодаря содействию жителей. Это удовлетворение самолюбия обошлось ему дорого: мобилизовали гиенских вольных лучников, созвали арьербан сенешальства Ажен, король прислал артиллерию, и 4 марта 1473 г. Лектур был вынужден капитулировать.

Смерть графа Арманьяка

Королевская армия разграбила город, и Жан V, которому обещали сохранить жизнь, случайно погиб в суматохе. Его владения, составлявшие одну из крупнейших сеньорий Юга, были разделены между сиром де Божё и двумя десятками других королевских слуг.

Период больших феодальных коалиций закончился: Карл Французский и граф Арманьяк умерли, графство Фуа досталось ребенку, герцог Алансонский исчез с политической сцены, герцог Бретонский притих, а Карл Смелый, поглощенный

---

[43] Он вышел из тюрьмы 28 декабря 1475 г. и в следующем году умер.

планами применительно к «немцам», во французских делах будет обречен на бессильное неодобрение. Ситуацию очень хорошо подытожила песня того времени:

Берри мертва лежит,
Бретань спит,
Бургундия ворчит,
Король над трудом корпит.

Глава III
Гибель Бургундского дома. Испанские и итальянские дела

I. Карл Смелый и Германия. Бургундские войны. — II. Бургундское наследство. — III. Испанские и итальянские дела

I. Карл Смелый и Германия. Бургундские войны

Карл Смелый хочет создать централизованное государство...

После восшествия на престол Карл Смелый продолжил политику, какую ранее проводил Филипп Добрый, желавший основать независимое государство, управляемое на основе принципов божественного права[1]. Он упростил управление финансами и юстицию, учредил в 1473 г. в Мехелене Счетную палату взамен счетных палат в Лилле, Брюсселе и Гааге, а также парламент, компетенция которого распространялась на все его северные государства, включая Артуа и Французскую Фландрию. Просто ускорить контроль над финансами и усовершенствовать правосудие — этого ему было недостаточно.

...независимое от Франции...

Создавая верховный суд под названием «парламент» и выбирая Мехелен, имперский город,

[1] Карл Смелый, развивая отцовские притязания, заявил депутатам штатов Фландрии, что его власть имеет сверхъестественное происхождение, и посоветовал им прочесть «Книгу Царств в Библии, где Бог понятными словами определил власть, какую государи имеют над подданными, и провозгласил ее».

в качестве резиденции для обоих верховных судов Нидерландов, Карл Смелый намеревался показать, что он полностью независим от французского короля. Кстати, с 1470 г. он запретил всем подданным подавать апелляции в Парижский парламент. В 1474 г. он организовал парламенты в Боне и Доле соответственно для герцогства Бургундии и для Франш-Конте. Людовик XI нарушил Перонннский договор, и Карл больше не считал себя его вассалом[2].

...и воссоздать королевство Лотарингию

Тем самым герцог обрек себя на смертельную схватку с королем Франции. Чтобы чувствовать себя в безопасности, ему нужно было не только отвоевать пикардийские города, которые служили бы границей, необходимой его владениям, но и вернуть Францию в состояние, в каком она находилась триста лет назад. Судя по союзам Карла со всеми феодалами, поднимавшими мятежи против Людовика XI, и с английским королем, именно этого он и добивался. Но это не было пределом его амбиций. Он хотел воссоздать бывшее королевство Лотаря, от Северного до Средиземного моря[3],

---

[2] В Перонннском договоре оговаривалось: если король не будет соблюдать его статьи, французские фьефы герцога Бургундского перейдут во владение последнего, которого оммаж уже не будет обязывать.

[3] О его попытке захватить Прованс см. далее, с. 136–137. Он грезил обо всем этом. Однажды он заявил, что имеет права на трон Англии.

и принять титул короля, рассчитывая на анархию в Священной Римской империи и на пассивность Фридриха III — человека «не из храбрых»[4]. Он мечтал даже об императорской короне. С 1473 г. он жертвовал чем угодно, лишь бы «столкнуться с немцами»[5].

Бургундские завоевания. Льеж. Герцогство Гельдерн

Завоевания в землях империи Карл начал с подчинения княжества Льежского, окончательно аннексировав его в 1468 г. Он нацелился и на герцогство Гельдерн, лежавшее к северу от Льежской области. Он вмешался в его дела в пользу герцога Арнольда, посаженного в тюрьму своим сыном Адольфом, который счел, что «его отец пробыл герцогом сорок четыре года — так пора уже и ему стать герцогом»[6]; после смерти старого Арнольда в 1473 г. его наследство получил герцог Бургундский[7].

Эльзасские дела

Чтобы соединить обе части Бургундского государства, Карлу были нужны Эльзас и Лотарингия. Ландграфом Верхнего Эльзаса[8] номинально

---

4 *Филипп де Коммин*. Мемуары… С. 125.

5 Там же.

6 Там же. С. 124.

7 Адольф, арестованный в 1471 г., вышел на свободу только после смерти Карла Смелого.

8 Границы этой сеньории почти совпадали с границами нашего бывшего департамента Верхний

считался Сигизмунд, герцог Австрийский. Этот князь, неспособный и расточительный, уже почти лишился рейнских владений своего дома, заложив их. Феодальная анархия обрекла страну на прозябание. В особой опасности находился Мюльхаузен, республика-вассал курфюрста Пфальцского. В 1466 г. дворяне соседних земель по наущению Сигизмунда попытались захватить этот город, и 17 июня он заключил на двадцать пять лет союз с Берном и Золотурном. Снова начались вторжения швейцарцев в австрийские владения. Чем позволить старым врагам захватить Вальдсхут, что позволило бы им приобрести границу на Рейне, Сигизмунд пообещал им выкуп в 10 тыс. флоринов, а чтобы получить эти деньги, решил заложить права, еще остававшиеся у него в этой области. Сначала он прибыл во Францию, чтобы предложить их королю. С тех пор как Людовик XI воевал со швейцарцами в 1444 г., он питал к ним уважение, смешанное с некоторым страхом[9]. Он отказался принимать Сигизмунда, и тот сразу же направился в Брюгге. Герцог Бургундский с готовностью принял его.

Рейн. [Бывшего — потому что книга вышла в 1911 г., а в 1871 г. эти земли захватила Германия, и они были возвращены Франции только в 1919 г. по Версальскому договору. — *Прим. пер.*]

[9] В 1471 г. он писал губернатору Руссильона, отправлявшемуся в Савойю с поручением: «Вы знаете, что швейцарцы храбрецы, и вы были тут, когда я с ними сражался. Если узнаете, что они идут, прошу вас, без стеснения уводите моих людей обратно».

Сент-Омерский договор (1469 г.)

За 50 тыс. флоринов Карл Смелый получил права, которые Сигизмунд еще сохранял в графстве Феррет, ландграфстве Верхний Эльзас, «лесных городах» Рейнфельдене, Зекингене, Лауфенбурге и Вальдсхуте и графстве Хауэнштейн, то есть мог выкупить там земли, заложенные герцогами Австрийскими. Он должен был от всего этого отказаться, когда Сигизмунд вернет ему 50 тыс. флоринов и одновременно возместит расходы, которые к тому времени Карл сделает для блага Эльзаса (Сент-Омерский договор от 9 мая 1469 г.). Отдельная статья этого договора обещала содействие Карла Смелого герцогу Австрийскому в случае, если на последнего нападут швейцарцы. Возможно, Сигизмунд надеялся когда-нибудь возвратить себе рейнские владения. Но как ему было вернуть эти 50 тыс. флоринов да еще и возместить 180 тыс. флоринов, которые собирался постепенно потратить Карл Смелый, чтобы выкупить заложенные земли? Казалось, Верхний Эльзас и земли по среднему течению Рейна навсегда перешли к Бургундскому дому.

Петер фон Хагенбах в Эльзасе. Нижний союз (1473 г.)

Карл Смелый вступил во владение этой землей без затруднений и дал пост великого бальи эльзасскому дворянину Петеру фон Хагенбаху, который давно преданно служил его дому. Хагенбах, человек грубого и властного характера, возродил прерогативы верховной власти, на

которых Австрийский дом давно не настаивал, и восстановил централизованное управление. За два года главные крепости заняли бургундские войска, феодалы-разбойники были вынуждены покориться, и в Эльзасе установился мир. Но все, кто до тех пор получал выгоду от беспорядка, стали врагами великого бальи. К тому же он взялся за возвращение домениальных земель, что не нравилось дворянам и городам, считавшим, что приобрели их навсегда. Якобы ради защиты интересов бесчисленных кредиторов Мюльхаузена, пользовавшегося покровительством швейцарцев, он предложил этому городу принять сюзеренитет Бургундии. Он даже открыто вознамерился наложить руку на республики Базель и Кольмар. Наконец, когда Карл Смелый оставил его без денег, он нарушил статью Сент-Омерского договора и обложил пошлиной торговлю вином. С 1473 г. ситуация стала очень тяжелой. Некоторые эльзасские города отказались платить «злую монету». 14 марта Базель и его епископ, Кольмар, Мюльхаузен, Страсбург и его епископ, Шлеттштадт и маркграф Баденский заключили союз на десять лет — был создан Нижний союз, чтобы помочь Мюльхаузену расплатиться с долгами и остановить продвижение Бургундского дома на Рейне.

Лотарингские дела. Договор в Нанси (1473 г.)

Карл Смелый не обратил на этот сигнал никакого внимания. Он хотел захватить еще и Лотарингию. Рене II, внук короля Рене, ставший

в 1473 г. герцогом Лотарингским, был блестящим и учтивым рыцарем двадцати двух лет, образованным, благочестивым и храбрым и проявлял склонность к союзу с Францией. Но Людовик XI опасался неприятностей, в случае если открыто поддержит его, и Рене был вынужден согласиться на союз, который силой навязал ему Карл Смелый: договор в Нанси от 15 октября 1473 г. давал войскам Карла Смелого право прохода через Лотарингию, и несколько крепостей герцогства вскоре заняли бургундские гарнизоны. Это был первый этап аннексии.

Встреча в Трире

Во время заключения договора в Нанси герцог Бургундский проводил в Трире конференцию с императором, которая продолжалась с 30 сентября по 25 ноября 1473 г. Эта встреча, очень взволновавшая весь Запад, стала завершением переговоров, проходивших с 1470 г. Герцог Бургундский просил у императора титул римского короля, предлагая взамен Максимилиану, сыну Фридриха III, руку своей наследницы Марии, — после смерти Фридриха императорская корона должна была перейти сначала к Карлу Смелому, а потом к его зятю. Тогда Австрийско-Бургундский дом станет первым в христианском мире. Он предпримет священную войну с турками; если понадобится, крестоносцы парализуют действия короля Франции, коварного Людовика XI, отравителя и братоубийцы, вечного нарушителя мира между верующими. Скоро Карл Смелый понял,

что Фридрих не готов участвовать в этой грандиозной комбинации. Тогда, сохраняя в силе предложение руки дочери, он попытался добиться создания королевства Бургундии, в состав которого вошли бы, кроме его владений, Утрехтское, Турнейское, Камбрейское, Тульское и Верденское епископства, Лотарингия и Савойя. Император, которого прельщало предложение бургундского наследства, не спешил с ответом. Карл был уверен в успехе и велел подготовить церемонию своей коронации в самом Трире.

Карлу Смелому не удается получить королевскую корону

Фридрих III, в отсутствие прочих политических достоинств, был очень недоверчив. Он знал историю многочисленных помолвок Марии Бургундской. Еще больше честолюбие и могущество Карла страшили курфюрстов, не желавших, чтобы он стал союзником Австрийского дома и приобрел прочное положение в Германии. Наконец, не терял бдительности Людовик XI[10]. Встревоженный этой встречей, он послал в Трир агентов, заговоривших о возможности брака между дофином и Кунигундой, дочерью Фридриха III, и император прислушался к этим предложениям — в конце октября он высказал герцогу Карлу идею заключения союза между империей, Бургундией

[10] Он с давних пор внимательно следил за событиями в Германии и, так же как отец, старался поддерживать дружбу с князьями долины Рейна.

и Францией. Карл Смелый в отчаянии едва не покинул Трир. Конференция продлилась еще месяц, но по мере того как император уступал, герцог выдвигал все новые требования. 23 ноября решили, что следующая встреча состоится в феврале. Это был разрыв. То ли чтобы особо подчеркнуть его, то ли просто чтобы не платить долгов, которых он набрал в Трире, 25 ноября скаредный и скрытный Фридрих III украдкой уехал прежде времени, назначенного для расставания.

Падение бургундского владычества в Эльзасе

Герцог Бургундский пришел в Трир с целой армией. Чтобы поддержать Хагенбаха, он предпринял военную прогулку по Эльзасу. Он отверг претензии жителей и уехал в убеждении, что страна подчинена. Через три месяца эльзасцы решительно восстали и потребовали возвращения под австрийскую власть. Хагенбах, оставленный герцогом Бургундским без поддержки, был отдан под чрезвычайный трибунал, в состав которого входили магистраты городов, поднявшихся против него, и даже несколько швейцарских делегатов. Его приговорили к смерти и 9 мая 1474 г. казнили. На этом бургундское владычество в Эльзасе закончилось.

Кёльнские дела

На сообщения об этом Карл Смелый отреагировал проклятиями и криками ярости, но месть он отложил. Он решил, что нашел возможность возместить в Германии трирскую неудачу, установив

протекторат над богатым Кёльнским церковным княжеством. Еще в 1463 г. после смерти архиепископа Кёльнского Дитриха фон Мёрса Филипп Добрый попытался добиться, чтобы избрали его племянника Людовика Бурбона, епископа Льежского. Он не добился своего, но капитул избрал Рупрехта Виттельсбаха, брата его союзника-пфальцграфа, и финансовое положение архиепископства стало давать Бургундии предлоги для вмешательства. Рупрехт, почти лишенный доходов из-за нерадивости предшественников, хотел силой вернуть некоторые владения, заложенные под ростовщические проценты, и собрать новые налоги. Он вступил в борьбу с собственным капитулом и собственными подданными; города, в частности, Нейс, не желали делать ему никаких уступок, а капитул решил его низложить. Рупрехт обратился за помощью к герцогу Бургундскому, и весной 1474 г. Карл Смелый, чтобы помочь ему, собрал ордонансные роты, арьербан и множество иностранных наемников.

Бургундские войны

Тем временем против Карла сложилась грозная коалиция. Дело шло к началу «Бургундских войн». По важности затронутых интересов, по количеству участников эти войны будут важнейшим событием европейской политической истории в период после изгнания англичан из Франции и вплоть до Итальянских походов. Смерть Карла Смелого не завершит их, а договор, подписанный в Аррасе в 1482 г., остановит их всего на несколько лет. Они были связаны с большим

политическими войнами следующих веков: ведь как только герцога Бургундского не станет, начнется борьба за его наследство между Французским и Австрийским домами.

Политика Людовика XI

Людовик XI мог бы с самого начала наносить мощные удары. У него была превосходная армия, солидные доходы. Он выбрал политику выжидания и почти исключительно косвенных воздействий, которые производил на удивление ловко. К тому же он не был достаточно уверен в верности народа, которым правил столь тиранически. «Он считал, — пишет Коммин, — что не все, кто ему служит, благонамеренны, особенно гранды. И он, если уж говорить откровенно, много раз мне замечал, что хорошо знает, чего стоят его подданные, и проверит это, коли дела пойдут плохо»[11]. То есть армию Людовик держал в резерве, но не жалел денег, таланта своих дипломатов, всех ресурсов своего мошеннического обаяния, расставляя ловушки на пути герцога Бургундского. «Король гораздо успешнее воевал с ним, когда предоставлял свободу действий и тайно подстрекал его врагов, нежели если бы объявил ему войну»[12].

Швейцарцы и Сигизмунд

Врагами, которых Людовик тайно подстрекал, были прежде всего швейцарцы, которых ему удалось помирить с герцогом Австрийским. Этот

[11] *Филипп де Коммин*. Мемуары… С. 127.
[12] Там же. С. 173.

союз, как пишет опять-таки Коммин, «оказался для него чрезвычайно выгодным. [...] По-моему, это было одно из самых мудрых дел, предпринятых им в свое время»[13]. Правда, согласие между швейцарцами и Австрией, которого тщетно добивался еще Карл VII, облегчили сами успехи Бургундского дома. Сигизмунд из ненависти к швейцарцам отдал Карлу Смелому Эльзас; он в этом раскаялся, потому что герцог потом несколько раз отверг его предложения объявить кантонам войну, и осознал, что союз с Бургундией не приносит ему никакой выгоды. Бернцы со своей стороны хотели бы расширить свою территорию к северу и к западу; продвижение «вельшей»[14] лишало их этой надежды. Притязания Хагенбаха на Мюльхаузен, союзный им, его набеги на их собственную территорию, наконец, провозглашенный Карлом Смелым план создать Бургундское королевство, включающее земли в Альпах, внушали им страх уже за саму их независимость. Те же чувства испытывали люцернцы, а также жители Фрибура, Золотурна, Базеля, не входивших в состав Кон-

---

[13] Там же. С. 164.

[14] Так швейцарцы называли подданных герцога Бургундского. Надо ли добавлять, что национальная ненависть тут ни при чем? Некоторые немецкие историки изображали Бургундские войны великим столкновением германцев и французов. Космополитический характер государства Карла Смелого, человека, который отрицал собственную принадлежность к французам, и крайняя разношерстность обеих коалиций позволяют отвергнуть подобную теорию с порога.

федерации. Но восточные кантоны (Цюрих, Цуг, Швиц, Унтервальден, Ури, Гларус) не имели ранее дел с герцогами Бургундскими: их страшил Австрийский дом — их сосед. С другой стороны, Сигизмунд не хотел окончательно отказываться от территорий, отнятых у него швейцарцами. Поэтому переговоры, начатые им с Конфедерацией в 1471–1472 гг., не принесли результатов. Потребовалось вмешательство Людовика XI.

Людовик XI мирит Сигизмунда и швейцарцев

В 1470 г. Людовик XI и швейцарцы по просьбе последних приняли взаимные обязательства не поддерживать герцога Бургундского, если он применит оружие против Франции или против кантонов. Людовик, по своему обыкновению, купил себе в Швейцарии тех, кто станет для него прочной опорой. Йост фон Зиленен, прево Мюнстера-им-Аргау, и Никлаус фон Дисбах, один из самых популярных государственных деятелей в Берне, служили ему с преданностью, за которую он хорошо платил[15]. Когда летом 1473 г.

---

[15] Людовик XI приблизил к себе семью Дисбахов с 1466 г. Людвиг фон Дисбах, кузен Никлауса и паж Людовика XI, оставил любопытные свидетельства привязанности его родни к французскому королю. Делегаты кантонов, собравшиеся в 1471 г. в Цюрихе, благодаря Людовика XI за благодеяния, простодушно заявили, что Дисбахов теперь надо считать принадлежащими прежде всего королю, а во вторую очередь — швейцарцам. В том году Людовик XI раздал

Сигизмунд попросил его помочь с возвращением Эльзаса, король настоял, чтобы тот признал его третейским судьей в завершении ссоры со швейцарцами: за пенсию в десять тысяч флоринов, выплачиваемую Францией, герцог Австрийский признал независимость и завоевания конфедератов; взамен швейцарцы обещали Сигизмунду помощь («Вечный договор» от 30 марта 1474 г.).

Констанцский союз (март-апрель 1474 г.)

Города рейнских земель со своей стороны оказались очень инициативными. 23 февраля 1474 г., договорившись с конфедератами восьми кантонов, они решили выкупить у герцога Бургундского земли, которые ему заложил Сигизмунд, предложив за все 80 тыс. флоринов — их обязывались выплатить Страсбург, Шлеттштадт, Кольмар и Базель. Поскольку вероятность, что Карл Смелый примет это предложение, была невелика, Нижний союз 31 марта заключил оборонительный союз с конфедератами, а 4 апреля — с Сигизмундом. Так возник Констанцский союз. Герцог Рене II, раздраженный бесчинствами, какие творили в Лотарингии бургундские солдаты, и вняв просьбам Людовика XI и Нижнего союза, расторг союз с Карлом Смелым, 15 августа 1474 г. подписал договор с королем Франции, а в следующем году вступил в Нижний союз. Наконец, отдельный

швейцарцам три тысячи ливров, «чтобы они питали больше склонности служить нам».

договор, правда, ничего не давший, 30 декабря 1474 г. с Людовиком XI заключил Фридрих III. Самую активную роль в этой коалиции сыграют не князья: у Сигизмунда по-прежнему не было ни денег, ни армии, герцогу Рене II лотарингская знать служила дурно, а Фридрих III был чрезвычайно медлителен и скуп, зато швейцарские конфедераты, жители Фрибура, Золотурна и рейнских городов выставят против герцога Бургундского сорок тысяч превосходных солдат.

Осада Нейса

6 апреля 1474 г. Сигизмунд сообщил герцогу Бургундскому о решениях, принятых насчет выкупа Эльзаса. Несмотря на эту непосредственную угрозу, 22 июня Карл Смелый со всеми наличными силами отправился улаживать ссоры между архиепископом Кёльнским и его подданными. Один из городов, восставших против архиепископа, Нейс, расположенный на острове посреди Рейна, был почти неприступен; его-то и осадил герцог Карл. Целый год он не желал отступать. Жители помнили, как он обошелся с Динаном и Льежем. Они энергично оборонялись при поддержке соседних городов, к которой после долгих месяцев ожидания подключилась и императорская армия.

Швейцарцы объявляют войну Карлу Смелому

В то время как Карл Смелый никак не желал отказаться от этого безумного предприятия, постепенно изнуряя армию, артиллеристов, растрачивая

деньги, теряя престиж, Людовик XI «корпел над трудами». При помощи красивых слов, подарков и пенсий и благодаря ловкости своего представителя Никлауса фон Дисбаха он убедил швейцарцев объявить герцогу Бургундскому войну. Он обещал помогать им и выплачивать 20 тыс. франков в год, которые следовало делить между восемью кантонами, Фрибуром и Золотурном; по договору от 26 октября 1474 г. бернцы обязались поставить ему по первому требованию шесть тысяч наемников. В тот же день конфедераты послали герцогу Бургундскому письменный вызов на бой. В ноябре отряды Констанцского союза заняли Верхнюю Бургундию. Потом швейцарцы вошли во Франш-Конте. Савойя, объект их вожделений, тоже подверглась вторжению, хотя герцогиня Иоланда, сестра Людовика XI, до тех пор сохраняла нейтралитет.

Походы в Бургундию и Пикардию

30 апреля 1475 г. истек срок перемирия, которое король Франции подписал в прошлом году с герцогом Бургундским. Армия, собранная Фридрихом III, как раз приготовилась выйти из Кёльна, чтобы предпринять наступление на Карла Смелого. Это был удобный случай для Людовика XI, любившего войну без риска. Его войска вступили в Пикардию, в Бургундию, во Франш-Конте, в Люксембург. В обеих Бургундиях они «убивали, жгли, грабили, захватывали мужчин и женщин», а в Пикардии города Ле-Троншуа, Мондидье, Руа, Корби, Дуллан были сожжены.

Союзники Карла Смелого

Тем не менее у Карла Смелого было много союзников. Большинство из них, правда, не смогло или не захотело оказать ему эффективную помощь: противники Фридриха III в Германии, такие как король Чехии и Венгрии Матиаш Корвин или пфальцграф, равно как и Венеция, не выказали склонности подыгрывать Бургундскому дому. Герцогиня Иоланда, раздраженная вторжением швейцарцев в Савойю, приняла сторону Карла Смелого против своего брата Людовика XI, а герцог Миланский Галеаццо Сфорца по договору в Монкальери, подписанному 30 января 1475 г., пообещал прислать наемников, которые должны были получить свободный проход через Савойю и поступить на службу к герцогу Карлу; но у Иоланды не было ни денег, ни солдат, а Сфорца явно намеревался примкнуть к той стороне, которая окажется сильнее. Людовик XI и Хуан II, король Арагона, давно находились в состоянии войны — союз между Хуаном II и Карлом Смелым не создал для французского короля новых затруднений.

Феодальные интриги

Часть высшей французской знати пришла в волнение. Граф Сен-Поль попытался воссоздать феодальную коалицию. Этот странный коннетабль изгнал из Сен-Кантена солдат, верность которых королю внушала ему опасения, и стал предлагать этот город то Людовику XI, то герцогу Бургундскому, чтобы «распоряжаться ими

обоими»[16] и с намерением сохранить его для себя. В 1475 г. он попытался организовать новую Лигу общественного блага. Сен-Поль пообещал герцогу Бургундскому «служить и помогать ему и всем его друзьям и союзникам, как королю Англии, так и прочим»[17]. Он начал переговоры с герцогами Бретонским, Бурбонским, Немурским, с королем Рене, с графом Мэнским. «Сеньоры, — оповещал он герцога Немурского, — намерены позволить королю ездить на охоту и предаваться всем развлечениям, к каким он привык, но управление королевством перейдет в их руки». Ему не возражали, но шелохнуться никто не посмел. Что касается предложений самого Сен-Поля, Карл Смелый не был склонен их принимать. Он ненавидел коварного коннетабля: в 1474 г. он уже вел переговоры с Людовиком XI о том, как бы избавиться от него.

План английского вторжения

Только союз с королем Англии, казалось, может стать полезным герцогу Бургундскому. 25 июля 1474 г. Эдуард IV обязался высадиться во Франции до 1 июня 1475 г., чтобы отвоевать «свое королевство». Герцог должен был послать ему в подкрепление шесть тысяч бойцов; закончив завоевание, Эдуард IV обещал отдать ему Пикардию и владения графа Сен-Поля, Шампань и разные сеньории, чтобы Карл стал над ними полным властителем, как и над всеми остальными своими

---

16 *Филипп де Коммин*. Мемуары… С. 93.
17 Там же. С. 138.

землями. В Англии еще оставались сторонники войны с Францией: Эдуард IV смог получить большие субсидии и собрать армию в тринадцать тысяч человек. Две тысячи лучников должны были направиться в Бретань, чтобы вовлечь в борьбу герцога Франциска II. Остальным предстояло двинуться в Шампань, чтобы соединиться там с бургундской армией и чтобы Эдуард IV получил в Реймсе помазание как король Франции.

Карл Смелый уходит из-под Нейса

Между тем бургундская армия все еще оставалась под Нейсом. Герцог Карл всю жизнь «стремился к тому, чтобы англичане высадились во Франции, — пишет Коммин, — а теперь, когда они были готовы и все складывалось благоприятно как в Бретани, так и в других местах, он упрямо продолжал добиваться невозможного»[18]. Наконец, после нескольких безрезультатных стычек между войсками Фридриха III и Карла Смелого оба монарха 19 июня 1475 г. заключили мир: герцог оставлял архиепископа Кёльнского на произвол судьбы, а император расторгал союз с Людовиком XI и конфедератами, заключенный в Констанце. 27 июня Карл Смелый ушел из-под Нейса. 6 июля Эдуард IV высадился в Кале; Людовик XI, который не был «искушен в морских делах так же, как и в сухопутных»[19], не сумел помешать ему переправиться.

---

18 Там же. С. 129.

19 Там же. С. 135–136.

Эдуард IV во Франции

Эдуард сразу же столкнулся с неприятными неожиданностями: герцог Бретонский не тронулся с места, а Карл Смелый теперь вбил себе в голову, что ему надо завоевать Лотарингию. Англичанам недоставало припасов, а у всех больших городов Восточной Франции были новые укрепления. В опасности оставался только Реймс. Людовик XI послал туда своего лучшего инженера Раулена Кошинара. Он решил, если надо, пожертвовать городом королевских помазаний: «...если вы не обеспечите своей безопасности, — писал он 4 августа жителям, — город необходимо будет разрушить, как это для нас ни прискорбно». С другой стороны, он передал королю Англии и его советникам: за исключением территориальных уступок, он склонен быть щедрым. «Учитывая бедность армии, приближение зимы и слабое содействие союзников», англичане прислушались к предложениям Людовика XI, несмотря на отчаянные предостережения герцога Бургундского. Они стали лагерем под Амьеном, и скоро на улицах этого города только и можно было видеть шатающихся и горланящих песни английских солдат, которые напились изысканных вин и наелись «вкусных и разнообразных яств, вызывающих жажду»[20], за счет Людовика XI.

Мир в Пикиньи (29 августа 1475 г.)

29 августа оба короля встретились в Пикиньи; Людовик XI построил мост через Сомму и принял самые тщательные меры ради своей

[20] Там же. С. 145.

безопасности: посреди моста возвели прочную деревянную решетку, и оба короля «пожали друг другу руки через отверстия»[21]. Эдуард получил 75 тыс. экю наличными, и ему была обещана ежегодная пенсия в 50 тыс. экю; было подписано перемирие на семь лет; оба короля заключили соглашение о «совершенной дружбе», обязались помогать друг другу против мятежных подданных и договорились, что дофин женится на дочери Эдуарда IV. Фактически король Англии продал отречение своей династии от французской короны. Пенсии получили также лорд-канцлер и влиятельные советники. В сентябре английская армия пересекла Ла-Манш в обратном направлении.

Перемирие в Сулёвре (13 сентября 1475 г.)

13 сентября Людовик XI заключил в Сулёвре, в Люксембурге, перемирие на девять лет с Карлом Смелым. Акт не упоминал ни герцога Австрийского, ни Нижнего союза. Герцог Лотарингский и швейцарцы получали возможность примкнуть к договору, но король обязывался не помогать им, если они поведут войну с герцогом Бургундским. То есть он бросал союзников, рискуя, что ему когда-нибудь придется просить прощения за отступничество и восстанавливать коалицию. Пока что король хотел покончить с мятежными феодалами.

---

[21] Там же. С. 149.

Сен-Поль выдан Людовику XI

В предыдущем месяце, чтобы отбить у Карла Смелого всякое желание спасать графа Сен-Поля, Людовик разыграл комедию, свидетелем которой был Коммин. Принимая двух эмиссаров коннетабля, Сенвиля и Рише, он спрятал за ширму одного бургундского пленника, сира де Конте. Сенвиль, войдя в комнату, принялся рассказывать королю, что он приехал от бургундского двора и что герцог весьма гневается на Эдуарда IV. «Рассказывая это, [он,] желая угодить королю, начал изображать герцога Бургундского — топать ногами и клясться святым Георгием. [...] Король хохотал, просил его говорить погромче, поскольку стал якобы туговат на ухо, и велел рассказать все еще раз. Тот не пожалел труда и от души повторил все снова. Монсеньор де Конте... был необычайно поражен [...]. Король смеялся и был очень доволен»[22]. Конте рассказал своему повелителю о том, что услышал. В Сулёвре Людовик XI и Карл Смелый договорились погубить Сен-Поля. Коннетабль только что покинул Сен-Кантен и укрылся у герцога Бургундского, потому что «теперь не знал, какому святому вручить свою судьбу»[23]. Герцог нарушил охранную грамоту, выданную им, и Сен-Поль был передан людям короля. 19 декабря в Париже ему отрубили голову.

---

[22] Там же. С. 143–144.

[23] Там же. С. 152.

Подчинение герцога Бретонского

Герцога Бретонского благодаря покровительству Эдуарда IV обязали только поклясться на кресте святого Лауда, что он будет помогать французскому королю против его врагов (Санлисский мир, 29 сентября 1475 г.).

Казнь Немура

Жак д'Арманьяк, герцог Немурский, не имевший могущественных союзников и владевший лишь мелкими разрозненными сеньориями, оказался в полной зависимости от воли короля. После войны Лиги общественного блага он только и делал, что интриговал. Очень обеспокоенный следствием, начатым против него, герцог заперся в своей крепости Карлà. Солдаты короля осадили ее, и 9 марта 1476 г. он сдался на милость победителя. «Бедного Жака» посадили в одну из клеток Бастилии, и Людовик XI приказал, «чтобы его оттуда не выпускали, кроме как для пытки». 4 августа 1477 г. в Париже ему отрубили голову. Владения герцога Немурского разделили меж собой фавориты короля, в том числе его зять Пьер де Божё.

Герцог Бурбон покидает Божоле

Сир де Божё воспользовался еще и тем, что король был зол на герцога Бурбона, который в том самом 1475 г. хранил двусмысленную сдержанность. В апреле 1476 г. «по строгому и настоятельному повелению» короля герцог был вынужден

уступить своему брату Пьеру баронство Божоле, соединявшее владения герцогов Бурбонского и Бургундского.

Подчинение Рене Анжуйского

Глава Анжуйского дома, живший далеко в сельской глуши, в Провансе, тоже беспокоил Людовика XI. В 1474 г. король Рене составил завещание, по которому разделил свое наследство между внуком Рене II Лотарингским и племянником Карлом II, графом Мэнским. Людовик XI, сын сестры короля Рене, сочтя, что при таком раскладе несправедливо обделен, захватил Анжу и даже герцогство Бар, хоть оно и не входило в состав королевства. Тогда король Рене вступил в сношения с врагами Людовика XI и дал понять, что завещает Прованс Карлу Смелому. 6 апреля 1476 г. Парижский парламент принял решение: короля Рене следует вызвать в суд и даже арестовать. Эта угроза произвела эффект, на который была рассчитана: старый король, испугавшись, через несколько дней поклялся на кресте святого Лауда никогда не заключать союз с герцогом Бургундским и сдержал слово.

Карл Смелый завоевывает Лотарингию

В то время как Людовик XI смирял вассалов, Карл Смелый продолжал борьбу с коалицией. Рене II 10 мая 1475 г. послал ему под Нейс вызов и отбил ключевые города, занятые бургундцами в его герцогстве. Карл заявил, что нашел в этом вызове «повод для радости». И в самом деле он,

преодолев сопротивление эльзасских отрядов и швейцарских добровольцев, 30 ноября вступил в Нанси. Ему оставалось только заключить мир со швейцарцами. Но конфедератов тревожил его союз с герцогом Миланским, и они хотели, чтобы он отказался от Эльзаса; примирения старались не допустить и французы. Но на унизительный мир со швейцарцами Карл Смелый пойти не мог. Переговоры не привели ни к чему, и теперь он думал лишь о том, как бы наглядно отомстить швейцарцам.

Карл Смелый хочет отомстить швейцарцам

11 января 1476 г. Карл вышел из Нанси с двадцатитысячной армией и многочисленной артиллерией. Он вызвался помочь герцогине Савойской отвоевать ее владения в земле Во, захваченные бернцами. Швейцарцы несколько раз обращались к Людовику XI с просьбами о помощи, но король довольствовался тем, что с армией в десять тысяч бойцов остановился в Лионе, чтобы наблюдать за событиями. 23 февраля герцог Бургундский отбил Грансон на южном берегу Невшательского озера; четыреста двенадцать швейцарцев, защищавших город, были повешены либо утоплены в озере.

Сражение при Грансоне (2 марта 1476 г.)

2 марта герцога атаковала армия, которая была равна по численности его армии и которую выставили Конфедерация, Фрибур, Золотурн,

«лесные города» и Нижний союз. Атака оказалась настолько яростной, что бургундцы бежали почти без боя; они рассеялись по земле Во, Юре, Италии. У горцев не было кавалерии, чтобы их преследовать — разграбив казну в бургундском лагере, победоносная армия разошлась.

Герцог готовится к немедленному реваншу

Карл Смелый воспользовался этим, чтобы остаться в Лозанне, и приготовился взять немедленный реванш, не теряя времени ни на еду, ни на сон.

Охлаждение чувств его подданных

Просьбы Карла Смелого о субсидиях и войсках подданные восприняли очень плохо. Они устали от его нескончаемых требований, тирании, грубости. Дворянство раздражала строгость воинских уставов, духовенству пришлось отказаться от финансовых иммунитетов, бюргерство было разорено этой мегаломанской политикой[24]. Генеральные штаты Нидерландов, собравшиеся в Генте после сражения при Грансоне, отвергли чрезмерные требования, изложенные канцлером. Герцогу пришлось принимать любых

[24] Некоторые жители Дижона подверглись судебному преследованию за оскорбление герцога и его чиновников. «На мосту Монтеро, — сказал один из них [дижонцев], — Танги дю Шатель поступил как добрый рыцарь».

авантюристов, являвшихся в Лозаннский лагерь. Таким образом он собрал двадцать пять тысяч человек, по преимуществу недисциплинированных. Карл попытался добиться союза с императором: 6 мая 1476 г. он дал клятвенное обещание, передав его через папского легата, выдать дочь за Максимилиана. Его, как всегда, провели: от Фридриха III Карл Смелый не получил ни солдата, ни монеты.

Сражение при Муртене (22 июня 1476 г.)

Изнуренный трудом, превышавшим человеческие возможности, в середине апреля герцог Бургундский слег. 8 мая он заявил, что выздоровел; но утратил выдержку — теперь это был просто неуравновешенный человек, одержимый идеей мести. В конце месяца герцог выступил в поход: он хотел разгромить бернцев прямо в Берне. Прежде всего он осадил городок Муртен. На помощь бернскому гарнизону, защищавшему эту крепость, подоспели конфедераты. Людовик XI, проводя свою неизменную политику, не послал войск, но не пожалел денег. Сражение завязалось 22 июня. Бургундская конница, неудачно поставленная перед лучниками, не выдержала натиска швейцарских копейщиков. Армия Карла Смелого была по большей части истреблена. Людовик XI покинул Лион и отправился в паломничество, чтобы возблагодарить Богоматерь «за то, что его труды были совершены не напрасно».

Восстание в Лотарингии

В апреле, узнав о разгроме при Грансоне, за оружие взялись сторонники Рене II в Лотарингии, негласно получавшие помощь от сира де Краона, занявшего именем Людовика XI герцогство Бар. После сражения при Муртене, где герцог Лотарингский храбро сражался в рядах швейцарцев, у бургундцев отбили Люневиль. Карл Смелый, остановившийся во Франш-Конте, чтобы собрать своих беглецов, поручил оборонять Лотарингию одному из помощников, неаполитанцу Кампобассо. А ведь этот Кампобассо был предателем, несколько раз предлагавшим Людовику XI свои услуги, чтобы убить герцога или взять его в плен. Он позволил Рене и страсбуржцам 7 октября 1756 г. захватить Нанси. Тогда Карл Смелый решил отвоевать герцогство с маленькой армией, которую только что с трудом набрал. Вследствие интриг Людовика XI ему еще раз пришлось иметь дело со швейцарцами. В самом деле, король Франции помирил бернцев с герцогиней Савойской, чтобы их боевой пыл не расточался без выгоды для него (Фрибурский договор от 14 августа 1476 г.); он дал конфедератам 24 тыс. флоринов и убедил их 7 октября заключить союз с Рене II. В то время как Карл Смелый осаждал Нанси, герцог Лотарингский, получив от Людовика XI 40 тыс. франков, объехал швейцарские кантоны и набрал семь-восемь тысяч наемников. Добавив к ним лотарингские войска и контингенты, присланные Нижним союзом, лотаринжец собрал под своим началом почти двадцать тысяч солдат.

Карл Смелый, у которого было едва десять тысяч, упорно решил его дожидаться. «Если мне придется сражаться одному, — заявлял он, — я сражусь с ними».

Поражение и смерть Карла Смелого при Нанси (5 января 1477 г.)

5 января 1477 г., в третий раз за десять месяцев, великий герцог Запада был вынужден галопом покинуть поле боя. Но на сей раз он был убит в засаде — его труп нашли через два дня.

Причин неудач Карла Смелого было много: военное доминирование швейцарцев, политическое превосходство французского короля, а может быть, и неосуществимость мечтаний Бургундского дома. Могла ли сохраниться эта держава, порожденная стечением удачных обстоятельств, главным из которых был временный упадок французской монархии? Честолюбие великих герцогов Запада фатально внушало им идею создания Бургундского королевства, воплотить которую было трудно, если вообще возможно. Формирование государства между Францией и Германией стало одной из самых злополучных комбинаций во времена каролингских разделов. Желаниям Филиппа Доброго и Карла Смелого препятствовали сама природа, потом — существование уже сложившихся маленьких государств, Лотарингии и Савойи, которые надо было поглотить, и, главное, неизбежное противодействие Французского королевства и «немцев», которые, несмотря на слабость императора, были, по словам Коммина,

«невероятно многочисленны и могущественны»[25]. Решить эту трудную задачу Карл был способен меньше, чем кто-либо. Его коварная и жестокая политика способствовала возникновению коалиций против него и не позволяла ему самому заключать прочные союзы; его гибельное тиранство внушало подданным ненависть к нему. Окруженный предателями, сомневаться в которых он не желал, пренебрежительно относящийся к любым советам и, кстати, посредственный полководец, он был обречен на поражение. Меньше чем за год он расточил ресурсы и уничтожил престиж своей династии; его смерть завершила ее падение.

[25] *Филипп де Коммин*. Мемуары… С. 125.

II. Бургундское наследство

Сложившаяся ситуация. Реакция в Нидерландах

Мария Бургундская со смертью Карла Смелого оказалась в окружении опасностей и желающих захватить власть, без денег, без армии, без поддержки. Все политическое здание, возведенное ее отцом и дедом, было уничтожено за несколько дней. Генеральные штаты Нидерландов, собравшиеся в Генте, обещали ей верность, но присвоили право назначать сессии по своему усмотрению и возражать против объявления войны; органы управления, которые в Нидерландах создали Филипп Добрый и Карл Смелый, были упразднены, прежние местные вольности — восстановлены. Пожалование этой «Великой привилегии» 11 февраля 1477 г. не успокоило брожения, которое в городах вызвала смерть великого герцога Запада. Серьезные волнения вспыхнули в Генте, в Монсе, в Брюгге, в Ипре.

Претенденты

Претендентов на наследство Карла Смелого появилось много. И прежде всего тех, кто хотел получить его целиком, женившись на его дочери.

Один из них, Максимилиан Австрийский, мог сослаться на волю покойного герцога: в прошлом году Мария признала его женихом, и они обменялись драгоценностями «в знак [будущего] брака». 13 февраля император написал Людовику XI, что бургундские владения должны принадлежать его будущей невестке и его сыну, законные же притязания могут быть предъявлены дипломатическим путем. Но ему лучше было бы набрать армию, чем посылать манифесты. Соседние государи со всех сторон готовились разделить наследство. Рене II сразу после своей победы при Нанси повел войска в Бургундию. Сигизмунд Австрийский и швейцарцы выдвинули притязания на Франш-Конте. Голландию, Зеландию, Фризию, Эно вскоре потребовали себе пфальцграф и герцог Баварский. Наконец, Людовик XI хотел «полностью уничтожить и сокрушить Бургундский дом, а его сеньории передать в разные руки»[26].

Планы Людовика XI

«Добрые и приятные вести» о катастрофе при Нанси вызвали у Людовика такой приступ радости, что он «не сразу сообразил, что ему делать»[27]. Мария Бургундская и ее свекровь Маргарита Йоркская направили ему умоляющее письмо, обещая при ведении дел следовать его советам. «Мы твердо верим, — писали они, — что вы будете настолько добры и милосердны

[26] Там же. С. 190.
[27] Там же. С. 186.

к нашим безутешным особам, чтобы оградить сей Бургундский дом от всякого притеснения. Мы не могли бы и помыслить, чтобы вы пожелали стать гонителем, тем более моим, Марии, которой вы оказали такую честь, восприяв меня из святой крещальной купели». Людовик XI оставил это письмо без ответа. Еще не зная о смерти своего врага, он решил, как пишет Коммин, когда это событие произойдет, организовать брак наследницы Бургундии с дофином Карлом или «женить на ней какого-нибудь молодого сеньора из нашего королевства, дабы поддерживать с ней и ее подданными дружбу и получить без всяких споров все то, что он считал своим. [...] Но он начал мало-помалу отказываться от этого мудрого плана... с того дня, как узнал о смерти герцога»[28]. Коммина, призывавшего его к благоразумию, он отослал в Пуату. Он решил аннексировать города на Сомме, Артуа, Фландрию, Эно и обе Бургундии (герцогство и Франш-Конте), а «другие большие территории, как Брабант, Голландия, он хотел передать некоторым германским сеньорам, чтобы они стали его друзьями и помогли ему в осуществлении его замыслов»[29].

Права Людовика XI

Людовик хотел доказать с помощью юристов, что Мария Бургундская не имеет никакого права на наследство отца. На самом деле фьефы Карла

---

[28] Там же. С. 189.
[29] Там же. С. 190.

Смелого, в том числе герцогство Бургундия, подлежали передаче женщинам. Единственным веским аргументом, какой мог привести Людовик XI, было вероломство вассала; кстати, он не упустил возможности возбудить в парламенте процесс осуждения памяти Карла Смелого. Тем не менее Франш-Конте и Эно ни в коем случае не могли быть конфискованы королем Франции, потому что это были земли империи. Но у Людовика XI был готов ответ на все: Франш-Конте, писал он Фридриху III, не находится в зависимости от императора, потому что герцог Бургундский никогда не приносил ему оммаж за этот фьеф, и «говорят», что Эно не относится к империи. Меньше прибегая к уверткам, «верные» из Лиона заявляли: «Король всегда хотел и хочет утверждать и настаивать, что королевство простирается в одну сторону до Альп, включая савойскую землю, и [в другую сторону] до Рейна, включая бургундскую землю».

Людовик XI оттесняет многих претендентов...

Большинство претендентов на бургундское наследство удалось без труда оттеснить. Рене II по первому требованию Людовика XI вернулся в Лотарингию. Сигизмунд Австрийский тоже не стал настаивать на своих притязаниях, чтобы и дальше получать пенсию. Швейцарцы отказались от планов в отношении Франш-Конте, получив сто тысяч флоринов. Правда, Максимилиан попытался перекупить союз с ними, но так и не смог заплатить сто

пятьдесят тысяч, какие обещал: в последние годы царствования Людовика XI, благодаря его щедротам и несмотря на то, что этот король постоянно проявлял двуличие по отношению к швейцарцам, они ему «подчинялись не менее, чем его собственные подданные»[30], и многие тысячи их поступали на службу в его войска.

...и подкупает слуг Карла Смелого

При помощи подкупа король Франции привлек к себе на службу главных слуг Карла Смелого и даже герцогского брата, великого бастарда Антуана. Подчинять бургундцев должны были не только сир де Краон и Шарль де Шомон-Амбуаз, но и бургундский сеньор Жан де Шалон, принц Оранский.

Аннексия обеих Бургундий...

Жан де Шалон получил это поручение 7 января 1477 г., когда даже труп Карла Смелого еще не нашли, а 9 января Людовик XI писал сиру де Краону: «Теперь пора использовать все ваши пять природных чувств, чтобы передать герцогство и графство Бургундские мне в руки». Чтобы преодолеть отторжение со стороны населения, опасавшегося налогов короля и тирании его чиновников, он не скупился ни на уступки городам, ни на пенсии и должности влиятельным дворянам и бюргерам, ни даже на лживые обещания: он уверял, что хочет «сохранить права своей крестницы» и выдать ее

[30] Там же. С. 250.

за дофина, как раз когда твердо решил не делать этого. Штаты Бургундии и Шароле и, после довольно сильного сопротивления, штаты Франш-Конте приняли королевское покровительство. Но призывы принцессы Марии к верности подданных и особенно грабежи сира де Краона, «которые и в самом деле были очень велики»[31], вскоре вызвали общее восстание[32]. Сопротивление возглавили Жан де Шалон, недовольный тем, как плохо с ним расплатились за измену, и храбрый Симон де Кенже, один из немногих, кто сохранил верность Бургундскому дому. В 1478 г. Симон де Кенже попал в руки короля и был заключен в Туре в железную клетку. К Жану де Шалону Людовик XI воспылал лютой ненавистью, сравнивая его с Иудой и называя «принцем тридцати сребреников». Он приказал схватить его и «сжечь» и, кроме того, велел приговорить его к «повешенью за ноги на вилах»; но ему пришлось удовлетвориться вывешиванием «картинок», где были «изображены и представлены фигура Жана Шалона, принца Оранского, повешенного вниз головой и вверх ногами, и эпитафия ему». Шомон-Амбуаз, назначенный наместником обеих Бургундий вместо сира де Краона, сумел

[31] Там же. С. 231.

[32] Штаты герцогства Бургундии приняли ультиматум Людовика XI в конце января 1477 г. штаты Франш-Конте заключили «договор» с королем 18 февраля. В конце февраля все Франш-Конте поднялось. Весной за оружие взялось дворянство Шароле, а 25 июня жители предместий Дижона убили Жана Жуара, бывшего председателя герцогского совета, перешедшего на службу к королю.

довольно быстро вернуть в герцогство мир. Во Франш-Конте, напротив, дворяне, бюргеры и крестьяне долго оказывали сопротивление — чтобы подчинить жителей Доля, пришлось разрушить их город; война окончилась лишь через четыре года из-за полного истощения страны.

...Пикардии, Булонне и Артуа

Людовик XI быстро подчинил крепости в Пикардии, сохраненные Бургундским домом, как и графство Булонское, заявив, что держит его во фьеф от Богоматери. Он даже на некоторое время занял Камбре, имперский город, и изгнал епископа, единокровного брата Филиппа Доброго. В Артуа он наткнулся на более существенные трудности. Сент-Омер и Эр остались неприступными. Жители Арраса, несмотря на обещания и подарки Людовика XI, захотели, прежде чем подчиниться, посоветоваться с Марией Бургундской. Двадцать два бюргера, отправленные к ней, по дороге были схвачены, и король велел отрубить им головы: «Среди прочих был некий, — писал он в письме от 20 апреля 1477 г., — мэтр Удар де Бюсси, которому я дал сеньорию в парламенте; и чтобы его голову было легко узнать, я приказал надеть на нее красивый шаперон, подбитый мехом, и выставить ее на рынке Эдена, там, где он был председателем». Ни насилие, ни ласки Людовика XI не смягчили озлобления аррасцев. Опасаясь, как бы они не сдали город врагу, король жалованными грамотами от 2 июня 1479 г. приговорил их к массовому изгнанию.

Изгнание жителей Арраса

Укрепления были отчасти разрушены, и Аррас потерял даже свое название. С целью населить город, отныне именовавшийся «Франшиз», заново, Людовик XI решил, чтобы теперь «там жили и проживали прочие добрые и верные его подданные из городов его королевства, верных и послушных ему». Все провинции Франции, кроме обеих Бургундий и Дофине, должны были предоставить контингент переселенцев либо помочь им обосноваться на месте. Так, жителям Труа предписали выделить сорок восемь ремесленников и трех «добрых купцов», тулузцам — шесть ремесленников и двух купцов. Добрые города поспешили послать отребье своего населения, и, несмотря на огромные расходы, несмотря на то, что французских купцов обязали покупать партии сукна из Франшиза «в полтора раза дороже, чем они стоили», поражение оказалось полным. В конце царствования Людовик XI разрешит бывшим жителям вернуться в город, но промышленность и торговля Арраса были подорваны надолго, и суконные фабрики, прославившие его, так никогда и не возродились.

Людовик XI и фламандцы

Людовик XI зарился прежде всего на богатое графство Фландрию. Он надеялся приобрести ее при помощи интриг, и его цирюльник, фламандец Оливье Ле Ден, поддерживал у него иллюзию, что это возможно. Предложения, какие ему, чтобы

выиграть время, делали Генеральные штаты Гента, вводили его в заблуждение относительно реальных чувств населения. Он осыпал любезностями послов штатов «и часто пил за них и за своих добрых подданных из Гента». Предлагая королю Англии и князьям рейнских земель разделить бургундское наследство, он в то же время заверял фламандских посланцев, что брак дофина с Марией — его самое заветное желание и «что он снимет корону со своей головы, дабы возложить ее на голову сына и означенной барышни и куда-нибудь удалиться, чтобы жить как частное лицо». Несмотря на эти «красивые слова», истинную цену которых фламандцы понимали, он попытался вызвать в графстве восстание в свою пользу: в марте 1477 г. он показал послам штатов тайное послание, недавно переданное ему двумя советниками Марии Бургундской, канцлером Югоне и сиром де Эмберкуром: Мария, надеясь снискать милость своего страшного крестного, в этом письме утверждала, что не будет считаться с мнением штатов в управлении государством. Коварная откровенность короля повлекла совсем не те последствия, каких он ожидал.

Брак Марии и Максимилиана

Фламандцы, не желая, чтобы их повелителем стал Людовик XI, простили юной Марии ее двуличие; но Югоне и Эмберкур, которые были сторонниками брака герцогини с дофином, были арестованы гентцами, над ними устроили скорый суд, и 3 апреля им отрубили головы, а 21 апреля

Мария Бургундская окончательно дала согласие на брак с Максимилианом Австрийским. 19 августа она вышла за него.

Война в Эно и во Фландрии

В июне Людовик XI, решив «приобрести страхом то, чего не смог приобрести честью», вступил со значительными силами в Эно и начал войну на опустошение. Чтобы уничтожать урожаи, он использовал поденщиков. 25 июня 1477 г. он писал Антуану де Шабанну, получившему задание усмирить Валансьен: «Посылаю вам три-четыре тысячи косарей, чтобы нанести ущерб, о каковом вы знаете. Пожалуйста, используйте их в деле и не пожалейте пяти-шести бочек вина, чтобы они выпили и опьянели». После взятия Авена этот город был сожжен и все жители перебиты. Жестокость «французских мясников» лишь делала сопротивление еще отчаянней. Через три месяца Людовику XI пришлось заключить перемирие. Зимой он предпринял огромные военные приготовления, разоряя свои добрые города податями и реквизициями. Но и Максимилиан со своей стороны собрал немалую армию. Походы 1478 и 1479 гг. принесли мало результатов. Кровопролитное сражение, состоявшееся 7 августа 1479 г. при Гинегате (ныне Ангинегатт), близ Сент-Омера, не стало решающим[33].

---

[33] Свой меч на весы мог бы бросить король Англии. К нему обращались обе стороны. Он хотел бы помешать Людовику XI наложить руку на Фландрию, но дорожил пенсией, которую получал каждый год после договора в Пикиньи. С помощью интриг

Аррасский договор (23 декабря 1482 г.)

Смерть Марии Бургундской 27 марта 1482 г. побудила Максимилиана пойти на соглашение. Теперь бургундское наследство принадлежало обоим детям, которых ему родила Мария, — Филиппу Красивому и Маргарите. Максимилиана, коварного и переменчивого, фламандцы недолюбливали: штаты Гента признали его опекуном собственного сына Филиппа Красивого, но было четко оговорено, что Фландрия «будет управляться от имени монсеньора Филиппа по разумению его кровных родственников и его совета». Однако фламандцы желали мира. Французы, со своей стороны, устали платить такое количество налогов, им надоело, что их грабят воины короля и нидерландские корсары. Людовик XI осознал ошибку, которую совершил, бросив Марию Бургундскую в объятия Максимилиана, к тому же он чувствовал, что болен и «уже очень плох» — он поспешил загладить свою вину. Под руководством бургундского перебежчика, ловкого сира д'Экерда, сменившего Антуана де Шабанна на посту главнокомандующего, начались переговоры. 23 декабря 1482 г. в Аррасе был подписан мирный договор. Дофин должен

Людовик XI вынудил его сохранить нейтралитет: летом 1482 г. оба короля подписали перемирие, которое должно было действовать в течение их жизней «и год после того, как скончается первый».

был жениться на Маргарите Австрийской, которая принесет ему в приданое Франш-Конте и Артуа. О герцогстве Бургундском, остававшемся в руках короля, как и приданое Маргариты, речь не заходила. Маленькую принцессу увезли в Париж, чтобы она до заключения брака воспитывалась там[34].

Разделение Бургундского государства

Разделение Бургундского государства произошло. Победители Карла Смелого, швейцарцы, благодаря своему триумфу получили много славы и денег; Рене II вернул себе Лотарингию, а Сигизмунд — ландграфство Эльзас. Но наибольшая часть территорий в конечном счете досталась Людовику XI: Пикардия, Булонне, Артуа, Бургундия, Франш-Конте. Правда, по его вине в Нидерландах теперь обосновался Австрийский дом — для французской монархии появилась новая угроза.

[34] Дофин был уже обручен с дочерью Эдуарда IV. Английский король рассердился и начал подготовку к войне, но 9 апреля 1483 г. его унесла смерть.

III. Испанские и итальянские дела

Людовик XI, Испания и Италия

Среди друзей Карла Смелого числились король Арагона, герцогиня Савойская, герцог Миланский, Венеция. Людовик XI действительно нажил себе заклятых врагов на обоих полуостровах. Он сумел, не применяя иных средств, кроме дипломатических, добиться признания своей гегемонии от итальянских князей, но в Испании жажда власти вовлекла его в рискованные военные и завоевательные авантюры, ради которых он пренебрег подлинными интересами Франции.

Гражданская война в Арагоне

В 1441 г. Хуан Арагонский незаконно присвоил корону Наварры, которая должна была перейти к его сыну дону Карлосу[35]. В 1458 г. он стал также королем Арагона. Его суровость по отношению к сыну и его честолюбие, дорого обходившееся

[35] Барселонский договор 1455 г. лишил дона Карлоса и его сестру Бланку прав наследования в пользу их младшей сестры Элеоноры, графини Фуа, которая вместе с мужем Гастоном IV должна была получить корону Наварры после смерти Хуана Арагонского.

подданным, привели к тому, что против него началось неистовое восстание. Смерть дона Карлоса, случившаяся через месяц после королевского помазания Людовика XI, подстегнула гражданскую войну: в Сарагосе вспыхнули волнения, в Наварре сильная группировка «сторонников Бомонов» [beaumonteses (*исп.*)] более чем когда-либо отказывалась признавать Хуана и того, кого он назначил наследником этого королевства, — графа Фуа Гастона IV. Наконец, каталонцы решили отколоться от Арагона и образовать самостоятельное государство.

Аннексионистские планы Людовика XI

Людовик XI, который еще до восшествия на престол приобрел себе в Каталонии «много добрых и верных слуг»[36], счел, что пора обобрать короля Хуана: «Я выброшу его изо всех его королевств, — сказал он, — так что у него не останется и клочка земли, чтобы его там похоронили». Он пообещал арагонским дворянам сохранить их привилегии, если они признают его государем. Граф Арманьяк поехал в Мадрид, чтобы потребовать возобновления старого франко-кастильского союза и предъявить королю Энрике IV права, которые Людовик XI, по его заявлению, получил от матери, внучки Хуана I Арагонского, — «на королевства Арагон, Валенсию и принципат Каталонию». Король писал каталонцам, что королевство

[36] Отчет агента дофина.

Наварра «вышло из французской короны». Он не посмел сказать того же о Каталонии, Сердани и Руссильоне: их по договору Людовик Святой оставил арагонской короне. Но в октябре и ноябре 1461 г. он направил два посольства к мятежному правительству в Барселоне, предлагая ему покровительство. Он знал, как богаты земледельцы и купцы этого княжества Каталонии и Руссильона, — еще много лет французский король будет пытаться его завоевать.

Союз Людовика с Хуаном II

Каталонцы, очень ревностно оберегавшие свою независимость, которая при арагонском режиме была почти полной, предпочли бы скорей подчиниться Хуану II, чем Людовику XI. Они отвергли предложения французского короля. Тогда он совершил крутой разворот и подписал ряд договоров с Хуаном II[37], пообещав прислать ему армию для усмирения мятежных подданных за двести тысяч золотых экю. В качестве залога до выплаты этой суммы Людовик должен был получить графства Руссильон и Сердань. Но в то же время Хуан II подтверждал права на наследование Наварры за домом Фуа в ущерб правам своей дочери Бланки, которую отправлял во Францию в качестве пленницы; а ведь именно тогда старший сын графа Фуа женился на Мадлен, сестре Людовика XI. Людовик XI надеялся при помощи этих соглашений

[37] Олитский договор от 12 апреля 1462 г. о Наварре, Байоннский от 9 мая о Руссильоне. Армия, обещанная Людовиком XI, перешла Пиренеи 21 июля.

заставить каталонцев раскаяться в их упрямстве, предполагал аннексировать Руссильон и в свое время наложить руку на Наварру. Он писал, очень довольный: «Мне кажется, я не прогадал». Он не принял в расчет отвагу каталонцев, энергию и хитрость Хуана II: этот полуслепой старичок был одним из самых грозных противников.

Каталонский поход

Возмущенные пактом, призывавшим против них иностранные войска, каталонцы приготовились к беспощадной войне. Прекрасная армия, командование которой Людовик XI доверил Гастону IV, не смогла захватить Барселону и вскоре оказалась изнурена климатом и лишениями.

Вмешательство Энрике IV

Ситуация неожиданно осложнилась: получив просьбы принцессы Бланки принять ее права на Наварру и каталонцев — стать их государем, в Арагон вторгся король Кастилии. 13 января 1463 г. Людовик XI сумел подписать с ним перемирие. Он полагал, что дело Хуана II проиграно и что теперь отнять у него Каталонию будет нетрудно: надо только оттеснить Энрике IV, не расторгая франко-кастильского союза.

Арбитраж Людовика XI (23 апреля 1463 г.)

Прибегнув к коварным приемам, какие Людовик так любил, он предложил обоим королям свой арбитраж. Хуан, средства которого были на

исходе, не мог возражать, а оба самых уважаемых в Мадриде советника, архиепископ Толедский и маркиз Вильена, которых убедили звонкие «аргументы», добились согласия Энрике IV. По приговору короля Франции король Арагона сохранял все свои владения, кроме наваррского кантона Эстелья, который он в качестве компенсации должен был передать Энрике IV.

Предложения Людовика каталонцам

Этот приговор не понравился ни Энрике IV, ни мятежникам, ни даже Хуану II и не принес Людовику XI выгоду, какую тот ожидал. Отделавшись от кастильских претензий, он перестал поддерживать Хуана II и раскрыл барселонскому правительству свои планы: «Если бы, — заявил он одному каталонскому посольству, — в Принципате говорили на другом языке, а не на каталанском, он [Людовик] им бы больше совсем не интересовался; но если бы каталонцы избавились и отделились от кастильцев и говорили только на каталонском, тогда он, будучи по происхождению, по бабке, истинным каталонцем, сделал бы все, что мог, ради блага Каталонии, и это было бы очень просто, ибо между каталонцами и им *не было бы гор*». Но каталонцы, как позже фламандцы, и ухом не повели, продолжая искать себе менее сильного государя. Они последовательно обратились к коннетаблю Португалии, который тщетно просил поддержки Франции, и к герцогу Лотарингии и Калабрии Жану Анжуйскому.

Людовик поддерживает претендента Жана Анжуйского

Людовик XI, надеясь, что Анжуйский дом уступит ему Каталонию, в 1466–1470 гг. поддерживал герцога Калабрийского дипломатическими и военными средствами. Зато Хуан Арагонский вступил в союз со всеми врагами Людовика, и его интриги способствовали после Перонннского договора формированию во Франции новой феодальной коалиции. Смерть герцога Калабрийского 16 декабря 1470 г., как раз когда Людовик XI готовился вторгнуться в бургундские владения, наконец вынудила французского короля пожертвовать планами насчет Каталонии. К тому же ему вполне хватало проблем, связанных с Руссильоном и с наследованием Кастилии и Наварры, чтобы не остаться без дела.

Завоевание Руссильона

У руссильонцев и серданцев в 1462 г. были общие интересы с каталонцами, и они отказались признавать французское владычество. Вынужденные рассчитывать на собственные силы, они продержались недолго: Перпиньян капитулировал 9 января 1463 г., Пюисерда [Пучсерда] — 16 июня. Перпиньянцы отправили к Людовику XI посольство, требуя сохранения своих привилегий и протестуя против завоевания. Им ответили, что король Франции, зная, что они — союзники каталонцев, что они «покинули короля Арагона, своего повелителя и государя, и что у них нет государя,

завоевал их, поступив таким образом разумно, особенно с учетом того, что они остались без государя. И посему им нет нужды спрашивать, король ли — их государь, ибо, коль скоро он их завоевал, вполне ясно, что он их повелитель и государь, а они его подданные, для чего не требуется других обоснований, если это не будет угодно ему». Ответ короля лишь мимоходом упоминает обязательство, принятое Хуаном II. Людовик XI предпочел сослаться на право завоевания, потому что решил никогда не возвращать Руссильон[38]. Ему было бы очень легко добиться своих целей мирным путем. Он мог бы снискать расположение новых подданных, не посягая на их независимый дух; но он ограничивал их свободы, разорял их реквизициями, лишил имущества огромное множество семей. Он мог бы воспользоваться затруднениями короля Арагона, чтобы добиться от него окончательной уступки обоих графств; но он пренебрег такой возможностью, а позже, обещая помощь герцогу Калабрийскому, заявил, что «вышел из союза и конфедерации с королем Жаном Арагонским». Таким образом, заблудившись в лабиринте своей извилистой политики, он сам денонсировал пакт, по которому король Арагона обязывался передать ему графства. Вот почему в 1472 г., когда Карл Смелый и его союзники намеревались разделить Францию, в Руссильоне

[38] Он объявил в 1463 г., что и Сердань присоединена к французской короне. Согласно г-ну Паскье, по отношению к серданцам он проводил умелую и милостивую политику. Г-н Кальметт оспаривает эти выводы.

и в Сердани вспыхнуло восстание, а 1 февраля 1473 г. в Перпиньян вступил Хуан II, отделавшись от Анжуйцев и подавив каталонский мятеж.

Новый поход

Два года Руссильон опустошала «суровая и жестокая война». Французская армия, снабжаемая из-за границы, жгла хлеба и методично разоряла страну. «Наносите ущерб, — писал король, — чтобы не осталось ни одного дерева, на ветке которого висел бы плод». Жители отчаянно защищались: Руссильон прозвали «кладбищем французов». Наконец взятие Перпиньяна 10 марта 1475 г. стало завершением борьбы. Осуществить свою месть Людовик XI поручил Эмберу де Батарне и Боффилю де Жюжу: он грезил о массовых высылках и о грабежах. Советникам хватило мудрости его ослушаться. Боффиль, получивший полномочия вице-короля, очень умело управлял Руссильоном и Серданью до 1491 г. и почти успокоил жителей. В 1478 г. Хуана Арагонского привлекли к участию в мирном договоре, который Людовик XI подписал 9 ноября с Фердинандом и Изабеллой Кастильской.

Кастильские дела

Еще одной ареной интриг и борьбы для Людовика XI и Хуана II была Кастилия. У Энрике IV, прославившегося супружескими неудачами, была всего одна дочь, Хуана; кастильцы называли ее «Бельтранеха», от имени Бельтрана де ла Куэвы, в котором они подозревали ее настоящего отца. В 1468 г. Энрике IV отрекся от Бельтранехи —

наследницей была провозглашена Изабелла, сестра короля. Вопрос брака Изабеллы приобрел дипломатическую важность, так же как вопрос брака дочери Карла Смелого. В Кастилии, как и в Бургундии, Людовик XI проиграл.

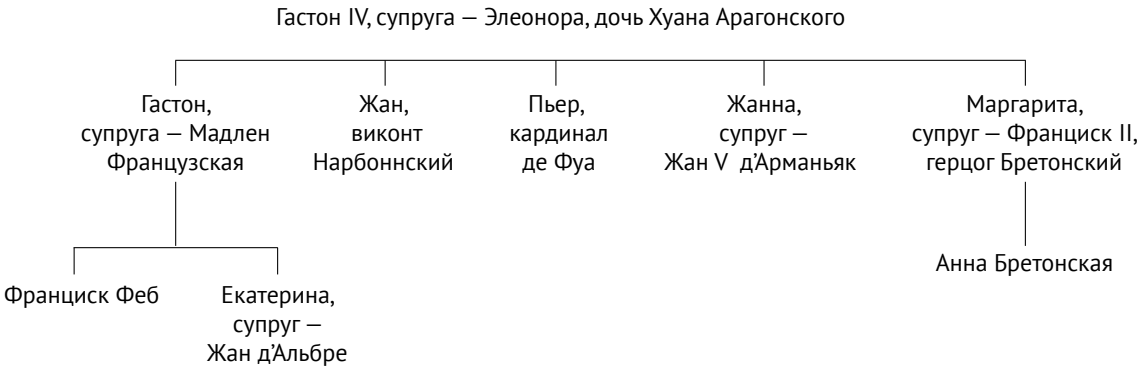
Брак Фердинанда и Изабеллы

Арбитражный приговор 1463 г. поссорил Людовика с Энрике IV. Хуан Арагонский обманул Изабеллу, нашел себе друзей среди кастильской знати, и когда Людовик XI прислал в Кордову кардинала Жана Жуффруа, одного из тогдашних краснобаев, чтобы воскресить память о франко-кастильском союзе и подвигах Дюгеклена, было поздно — Энрике IV позволил себя растрогать, обещав вернуть Франции свою дружбу, но Изабелла отказалась слушать кардинала и 17 октября 1469 г. вышла за Фердинанда, инфанта Арагона. Энрике IV, тщетно пытавшийся помешать заключению этого брака, последовал советам французского короля: он отменил свое решение, принятое в 1468 г., признал Бельтранеху своей законной наследницей, и Людовику XI была обещана рука этой принцессы для герцога Гиенского, с которым Людовик только что помирился. Однако этот план сорвался из-за мятежа герцога.

Уния Кастилии и Арагона

После смерти Энрике IV 12 декабря 1474 г. большинство кастильцев признало суверенами Фердинанда и Изабеллу. Французский король повел двойную игру: в январе 1475 г. он начал

Упрощенная генеалогическая таблица потомков Гастона IV
(имевшего четырех сыновей и пять дочерей)



переговоры с Фердинандом и Изабеллой о браке дофина Карла с их дочерью, не отвергая в то же время просьб португальского короля Афонсу V, который собирался жениться на Бельтранехе и вступить вместе с ней на кастильский трон. 23 сентября 1475 г. он решил пойти на союз с королем Португалии, и французская армия под командованием Алена д'Альбре вторглась в Гипускоа; но, видя, что дело Афонсу V проиграно, Людовик отозвал свои войска. Хотя, несмотря на мир 1478 г., он до конца своего царствования продолжал интриговать, но не смог помешать Фердинанду и Изабелле царствовать над Кастилией, а в 1479 г., после смерти Хуана II, Фердинанд без затруднений получил корону Арагона.

Наваррские дела

Попытки Людовика XI поставить Наварру под свой протекторат поначалу только поссорили его с графом Фуа Гастоном IV, наследником и наместником этого королевства. 10 июля 1472 г. Гастон умер, едва начав превращаться в опасного вассала для Людовика XI. Старший сын сошел в могилу раньше него, так что владения дома Фуа и надежда Наварры стали достоянием ребенка — Франциска Феба, опекуншей которого была его мать Мадлен Французская.

Уния Наварры и графства Фуа

После смерти Хуана Арагонского и Элеоноры (соответственно 19 января и 12 февраля 1479 г.) юный Франциск Феб получил корону Наварры,

Мадлен стала регентшей, а вместе с ней государством управлял кардинал Пьер де Фуа, получавший от Людовика XI пенсию. Это маленькое королевство, обезлюдевшее и разоренное феодальной анархией, было обречено на поглощение Францией либо Кастилией. Фердинанд и Изабелла оказывали мощное сопротивление козням французского короля. Коммин, говоря о влиянии, какое оказывал в Испании Людовик XI, очень справедливо пишет, что часть Наварры делала то, что он пожелает[39]. В самом деле, одна из наваррских клик подчинялась Людовику, а другая — Фердинанду. Что касается осторожной Мадлен, то она вела политику уступок и проволо́чек. В связи с браками Франциска Феба и особенно его сестры Екатерины, наследовавшей ему в январе 1483 г., происходила ожесточенная дипломатическая борьба. Людовику XI было важно не допустить, чтобы первенец Арагонской династии стал главой дома Фуа.

Род Альбре в Наварре

Наконец, вскоре после восшествия Карла VIII на престол, Екатерина вышла за Жана д'Альбре, предки которого «доблестно служили короне Франции». Эта посмертная победа Людовика XI и завоевание Руссильона заставили Коммина сказать, что имя его повелителя наводило страх на Испанию. Он не мог предвидеть, что эти выигрыши недолговечны и не уравновесят опасности,

---

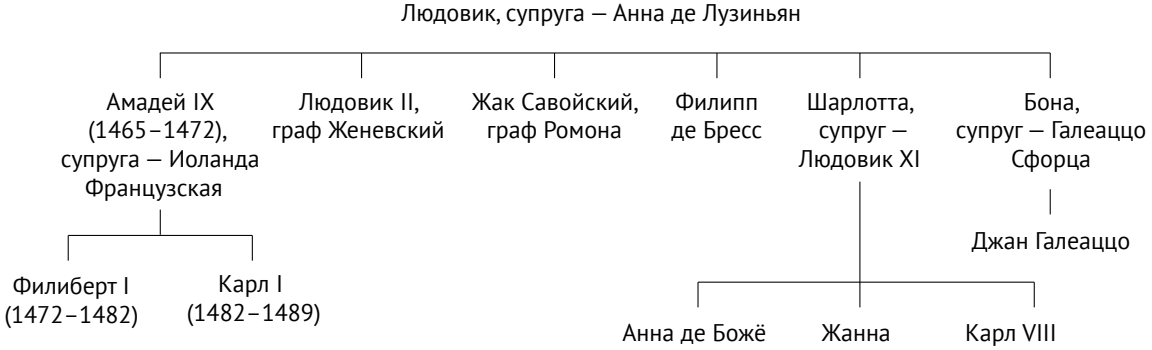
39 *Филипп де Коммин*. Мемуары… С. 250.

возникшей из-за объединения Испании, как не предвидел и того, что брак Фердинанда и Изабеллы, а в придачу еще и брак Максимилиана и Марии Бургундской на долгие века поставят под угрозу безопасность Франции и мир между христианами.

Людовик XI и Италия

Людовик XI всю жизнь интересовался итальянскими делами, разбирался в переплетении переговоров, союзов и локальных войн, то успокаивавших, то сотрясавших полуостров. Его обширная переписка с заальпийскими тиранами, на которых он так походил, дает понять, какое удовольствие он получал, распутывая клубок их хитроумных ухищрений и используя их раздоры. Но король избегал авантюр и довольствовался неустанной дипломатической активностью, обеспечившей ему в конечном счете в Италии роль покровителя и арбитра. Правда, в начале царствования казалось, что он предпочтет аннексионистскую политику: Людовик XI взялся возвращать себе Геную, но в 1463 г. отказался от своих прав в пользу любимого друга, Франческо Сфорца. Он даже попытался вытеснить из Асти Орлеанский дом ради того же герцога Миланского, и если нужды борьбы, какую он вел во Франции с мятежными феодалами и в Испании с Арагонским домом, заставляли его поощрять притязания Анжуйцев на Неаполь, тем не менее он ухитрялся не предоставлять им солдат.

Упрощенная генеалогическая таблица потомков герцога Людовика Савойского
(имевшего девять сыновей и семь дочерей)



Планы Людовика XI насчет Савойи

Возможно, одна только Савойя пробуждала в нем жажду завоеваний. Его брак с дочерью герцога Людовика, брак его сестры Иоланды Французской с наследником престола Амадеем, «очень ничтожное и дурное правление» его тестя и попытки его шуринов, особенно неугомонного Филиппа де Бресса, захватить власть постоянно давали ему поводы для вмешательства: он даже два года (1464–1466) продержал Филиппа в заключении в замке Лош. Потом началось беспокойное регентство Иоланды Французской, правившей во время болезни мужа, эпилептика Амадея IX, и в малолетство сына — Филиберта I. В 1643 г. Людовик заявил швейцарским посланцам: «Говорят, что я желаю господства и владычества над Савойским домом, о чем я никогда не помышлял, сколь бы легко ни было бы мне этого добиться, *поскольку все виднейшие бароны Савойи на моей стороне*, но я этого не хочу и не намерен туда идти, разве что [меня пригласят] по доброй воле». Какие у Людовика XI были понятия о доброй воле — известно. Независимость Савойи, несомненно, спасли опасности, каким он подвергался в борьбе с Карлом Смелым, а также мужественная твердость Иоланды Французской.

Италия и Карл Смелый

Успехи Карла Смелого в период с 1468 по 1475 гг. ослабили престиж Людовика XI в Италии. Венеция, которой французский король внушил неприязнь, уступив Геную семейству Сфорца, не допустила, чтобы он оказался среди членов

Лиги, заключенной 17 июня 1468 г. для сохранения мира на полуострове, и тем самым навлекла на себя морскую войну; платонический реванш за огромный ущерб, нанесенный ее торговому флоту французскими корсарами, она взяла, позволив герцогу Бургундскому формально войти в число ее союзников. Преемник Франческо Сфорца, лицемер Галеаццо, которого Людовик XI эффективно защитил от зависти Венеции, вступил, как мы видели, в сношения с Карлом Смелым, в то же время заверяя французского короля в «доброй и верной любви». Неаполитанский король Фердинанд, еще один коварный властитель, лавировал меж обоих противников: он искал, по его собственным словам, «возможность удовлетворить одну из сторон без того, чтобы этим мы вызвали неудовольствие другой». Иоланда Французская, обеспокоенная набегами швейцарцев и милостью, какую теперь ее брат выражал в отношении Филиппа де Бресса, обратилась к герцогу Бургундскому, и Карл Смелый как раз шел к ней на помощь, когда его разбили при Грансоне. Как только он потерпел поражение, итальянские князья уже только и искали повода, чтобы его покинуть.

Протекторат Людовика XI над Савойей…

Иоланда, которая была «очень мудрой женщиной, истинной сестрой короля»[40], первой стала добиваться дружбы Людовика XI. 27 июня 1476 г.

---

[40] *Филипп де Коммин*. Мемуары… С. 169.

Карл Смелый внезапно приказал ее похитить. Людовик XI, решив бросить все силы на завоевание бургундских владений, проявил великодушие, освободил сестру и довольствовался тем, что в шутку назвал ее «госпожой бургундкой». Не аннексируя Савойю, он отныне обращался с ней как властитель.

...над Миланом...

В Милане после убийства тирана Галеаццо и в малолетство его сына Джан Галеаццо Людовик XI тоже взял управление герцогством под свой контроль и в надежде (впрочем, напрасной) найти в лице брата Галеаццо, Лодовико Моро, покорное орудие французской политики поддержал переворот 1479 г., в результате которого Лодовико стал регентом.

...над Флоренцией

Из всех итальянских князей самыми верными союзу с Людовиком XI оказались Медичи. «Флорентийцы, — говорил король, — всегда выказывали себя истинными и верными французами и не скрывали этого». Страшный кризис, потрясавший их республику с 1478 по 1480 гг., окончательно превратил их в клиентов Франции. Папа Сикст IV, желая отомстить Джулиано и Лоренцо Медичи, поддержал заговор, сплетенный против них семейством Пацци. 26 апреля 1478 г. Джулиано был убит во Флорентийском соборе, но Лоренцо ускользнул от убийц, которые позже были перебиты, — одного из заговорщиков, епископа

Сальвиати, в тот же день повесили в его священническом облачении. Папа использовал это как предлог, чтобы бросить на Тоскану своих кондотьеров и кондотьеров своего союзника, короля Неаполя. Тщетно Людовик XI грозил ему созывом вселенского собора и созвал в Орлеане галликанский собор: Сикст IV ставил условием мира изгнание Лоренцо. Наконец, король преодолел его упорство, помирив Неаполь и Флоренцию, и спас дом Медичи, не послав в Италию ни одного солдата.

Людовик XI — арбитр в Италии

Его послы заявляли, что «монархия и христианская религия воистину заключены в его особе». Он в самом деле исполнял в Италии роль арбитра, какую когда-то там играл император, и, несмотря на протесты Фридриха III и Максимилиана, сохранил ее: до последних мгновений жизни его замок Плесси осаждали послы из-за гор. Он наметил рациональную программу французского действия [action française] за Альпами — это была политика здравого смысла, какую его преемникам следовало бы продолжить.

Глава IV
Управление Людовика XI

I. Органы и ресурсы управления. — II. Отношения с дворянством и городами. Экономическая политика. — III. Людовик XI и церковь. — IV. Смерть Людовика XI

I. Органы и ресурсы управления

Представления Людовика XI о королевской власти

Управление Людовика XI было единоличным. В представлениях этого короля о божественном происхождении своей власти не было ничего нового, но прежде, в средневековой Франции, они не могли произвести полного эффекта: «Короли Франции, — заявил посол, которого он отправил к папе, — с полным основанием заслужили и получили именование христианнейших королей и императоров в своем королевстве; время никогда не изгладит их славы. Только их помазывают священным миром, спустившимся с небес, посланным Отцом светов, и только они носят на гербе лилии — дар небес; только они с блеском творят очевидные для всех чудеса». Людовик XI вместе со своим верным Коммином считал, что этой властью, дарованной Богом, он должен располагать ради «общей выгоды», при этом исключительно он может судить об этой общей выгоде и распределять ее, и пред его волей должны склоняться все.

«По причине нашего верховенства и королевского величия, — провозглашал он, — только нам принадлежит и причитается верховное управление и руководство нашим королевством». Джон Фортескью, англичанин, живший в первые годы его царствования на французской границе вместе с изгнанниками-Ланкастерами, представлял его юному принцу Уэльскому в трактате «De laudibus legum Angliae» [О прославлении законов Англии] законченным образцом тирана и по контрасту с конституционной монархией своей страны изображал монархию Валуа воплощением деспотизма, *Jus regale* [регального права]. Этот деспотизм Людовик XI не создал на пустом месте, но он воскресил, усилив, традиции единоличной власти, ослабшие в два последних царствования. Его политические принципы сильно отличались от политических принципов его отца, позволявшего своим чиновникам управлять относительно свободно.

Людовик созывает собрания «сведущих людей»

Тем не менее Людовик был слишком «сообразителен», чтобы считать себя компетентным во всем и непогрешимым. Он хотел «всегда вершить важные дела королевства после широкого и здравого обсуждения». Подобно Карлу V, он любил советоваться, и одной из характерных черт его управления были частые созывы «сведущих и знающих людей», которых он приглашал для прояснения какого-либо вопроса. Так,

в 1479 г. каждый добрый город должен был послать в Париж двух горожан, «осведомленных и сведущих в монетном деле»: они должны были привезти образцы всех иностранных монет, имеющих хождение в их землях, и подумать вместе с минцмейстерами [généraux des monnaies], как пресечь это проникновение и помешать вывозу французских монет. В том же году в Лионе состоялось «собрание всех чиновников и купцов городов» Юго-Восточной и Центральной Франции. Возможно, это было собрание другого характера, чисто политическое, какие Людовик часто собирал в кризисные моменты: не столько чтобы что-то узнать, сколько чтобы создать впечатление общественного признания своих планов. Одним из важнейших собраний такого рода было собрание в Туре в 1470 г., освободившее короля от обязанности соблюдать Пероннский договор. Нам известны имена всех его участников — их было не более шестидесяти: помимо принцев, верность которых казалось гарантированной, как король Рене и герцог Бурбон, там были высокопоставленные сановники короны, светские и духовные члены Совета, члены парламентов и счетных палат, бальи и другие обладатели должностей. В таких условиях королю можно было не опасаться неблагоприятных мнений.

Генеральные штаты 1468 г.

В 1468 г. (мы видели, при каких обстоятельствах) Людовик XI созвал собрание трех сословий, единственное, которое в его царствование

можно причислить к Генеральным штатам[1]. Оно было примечательным во всех отношениях: и по цели, какую ставил перед собой король, и по средствам убеждения, какие он использовал, и по успеху, какого он достиг. Генерал финансов Пьер д'Ориоль обратил внимание депутатов, что от них не требуют денег — этот лицемер умолчал, что королевская власть к тому времени уже лет тридцать взимала подати, не советуясь с Генеральными штатами. Три сословия должны были решить, какой апанаж надо дать Месье Карлу. Депутаты пришли в немалое замешательство. Некоторые посмели заговорить о других вещах: о бедах народа, о разбазаривании финансов. Наконец, через шесть дней сам король явился объяснить им, «мягко и благосклонно», что им следует выразить протест против отчуждения Нормандии. Они сделали это единодушно и попросили, чтобы король предпринимал действия против мятежников, теперь «и всякий раз, когда возникнут оные ситуации, не ожидая ни другого собрания, ни конгрегации штатов, ибо собраться им нелегко». Впрочем, король обещал реформы; депутаты даже создали для этого комиссию, но тем дело и кончилось. В обстоятельствах, когда

[1] Согласно протоколу, там присутствовали: советники короля, двадцать восемь сеньоров и уполномоченные от огромного множества прочих дворян, наконец, представители шестидесяти четырех добрых городов, причем каждому городу теоретически полагалось избрать одного клирика и двух мирян. В реальности порядок выборов был разным в зависимости от города.

Генеральные штаты могли бы добиться серьезных уступок, они еще раз спасовали. Одни и те же причины вызывали одни и те же следствия: в этом королевстве, вновь ставшем добычей вооруженных банд, сеньоры, клирики и горожане боялись приглашений на собрания и поездок и переложили заботу о восстановлении порядка и спасении единства королевства на Людовика XI, как раньше перекладывали на Карла VII. Впрочем, Людовик XI казался им достаточно умелым, чтобы уберечь их от феодальной анархии; к тому же одновременно с восхищением этот король, несмотря на добродушные манеры, внушал им некоторый страх.

Провинциальные штаты

Похоже, такую же пассивность выказывали провинциальные и местные штаты. В землях, где они продолжали заседать, они были не более чем машинами для голосования за королевский налог, а зачастую король даже взимал субсидии, не советуясь с ними. Так несколько раз бывало в Лангедоке, в частности — в 1473 г. Судя по донесению, составленному в следующем году комиссарами короля при штатах этой провинции, депутаты считали, что обсуждать волю государя не нужно:

> Люди из означенных штатов с величайшим смирением, радостью и почтением восприняли означенные Ваши письма и выслушали все, что мы сказали им и потребовали от них от Вашего имени. И воистину, государь, некоторые из нас

видели многие собрания штатов в этой стране, но никогда не встречали, ни чтобы таковые выказывали столь великую покорность по отношению к их сеньору, какую они ныне выказывают по отношению к Вам, ни чтобы они с такой готовностью и искренностью поддерживали требования, предъявленные им, как они сделали это ныне, ибо за четыре часа с ними было сделано то, на что когда-то уходил месяц и более.

Чиновники

Чиновничий персонал, сформировавшийся в XIII и XIV вв., уже приобрел определенную стабильность, независимость, традиции. Он усвоил привычку при всем уважении к королю защищать, если понадобится, от его преходящей особы неизменную королевскую власть и различать то, что они называли «абсолютной властью» и «упорядоченной властью» [puissance réglée], — упорядоченной мудрыми ордонансами, которые подготовили их предшественники и они сами и на которые разумный государь не должен был посягать. Одна из их максим гласила, что государь независим от законов, но его обязанность — их придерживаться: *licet princeps sit solutus legibus, tamen secundum leges vivere debet* [хотя государь не связан законами, но он должен жить по законам], и они считали своим долгом напоминать королю о законах. Людовик XI не выносил этого контроля. Он не пытался, по крайней мере после войны Лиги общественного блага, упразднять органы управления, зародившиеся

в прежние царствования; он даже восстановил налоговую палату в Монпелье, которую основал, а потом распустил Карл VII, и учредил парламенты в трех недавно завоеванных провинциях (в Бордо в 1462 г., в Перпиньяне в 1463 г., в Дижоне в 1477 г.). Но он всю жизнь претендовал на право назначать и смещать чиновников по своей воле, создавать должности, даже бесполезные, для людей, которых хотел наградить или приблизить, не боясь вызвать возмущения[2]. Наконец, мы говорили, какой покорности он требовал от слуг. «Быть среди его людей значило находиться в весьма подневольном состоянии», — заявляет Шателен.

Совет

Насколько можно судить по упоминаниям в ордонансах, характер Совета не изменился. Как и прежде, некоторые крупные вассалы (особенно герцог Бурбон после войны Лиги общественного блага) и епископы всех церковных провинций нерегулярно посещали заседания, но трое-четверо прелатов, как Балю до опалы и как Людовик Амбуазский, были усидчивыми и влиятельными советниками; [там заседали] сеньоры, тесно связанные с королевской службой, как зять короля Пьер де Божё, сир де Краон

[2] С этим были связаны невероятные скандалы в Налоговой палате Парижа в 1468 г.: например, «Компен и Сабревуа избили мэтра Шарло Кадье, когда он вошел в Палату впервые после своего назначения, да так, что он закричал „караул“».

и высокопоставленные сановники короны, наконец, и прежде всего, мелкие дворяне-парвеню или новоиспеченные дворяне, как Антуан де Шатонёф — сеньор дю Ло и позже Луи де Бомон — сеньор де Ла Форе, Эмбер де Батарне — сеньор дю Бушаж, Жан Дайон — сеньор дю Люд, Филипп де Коммин — сеньор д'Аржантон и группа законников и финансистов: Гильом де Вари (бывший бухгалтер Жака Кёра), Этьен Шевалье, Кузино, Бурре, Пикар, Ла Вакери, Дуайя и т.д. Совет попрежнему сам разбирался с делами второстепенной значимости и высказывал королю свое мнение по всем важным политическим и административным вопросам. Но никакого права ограничивать королевскую волю Людовик XI за своим Советом не признавал.

Людовик XI и Парижский парламент

С парламентами, особенно с Парижским, у него были очень резкие конфликты. У короля, как заявляет Коммин, «возникло весьма серьезное желание… обуздать парламент… ему было многое в нем не по душе, за что он его и не любил»[3]. Людовик XI, по мнению мемуариста, хотел сократить сроки проведения судебных процедур, и это действительно заметно по многим его письмам. Но прежде всего он имел зуб на Парижский суд за возражения против своих актов, например, когда он давал фавориту земли из домена или же наследство, которое должно

[3] *Филипп де Коммин*. Мемуары… С. 238.

было бы достаться кому-то другому, и злился на парламент за то, что тот не предоставлял ему послушных судей в делах, в исходе которых он был заинтересован из-за дружеских чувств или ненависти к одной из сторон. В его царствование было много политических процессов[4]: как правило, чтобы произвести следствие или даже вынести приговор, он назначал чрезвычайные комиссии, но редко мог обойтись без того, чтобы включить в их состав советников парламента, и его раздражали требования последних соблюдать юридические нормы. Людовик отчитывал их за «трусость», при надобности сажал в тюрьму, назначал других судей или же, как в деле Шарля де Мелёна, поручал Тристану Лермиту свернуть процесс, спешно казнив подсудимого. Он с огромным трудом добился вынесения смертного приговора герцогу Немурскому, даром что позаботился заранее распределить его наследство между некоторыми членами комиссии. Три советника парламента отказались голосовать за казнь. Людовик XI отобрал у них должности. Через два года, когда парламент попросил восстановить их в должности, король ответил:

> Господа, я получил ваши письма, в которых вы выражаете желание, чтобы мэтры Гильом Ледюк, Этьен Дю Буа и Гильом Гуньон были возвращены на должности, какие они обычно занимали в парламенте. И я отвечаю вам, что они

[4] Парламент несколько раз судил коннетабля Сен-Поля и принца Оранского.

потеряли свои должности, потому что хотели оградить герцога Немурского от наказания за оскорбление величества, за то, что он хотел умертвить меня и уничтожить священную корону Франции, и хотели представить это гражданским делом, подлежащим гражданскому наказанию. И думаю, что коль скоро вы — подданные оной короны и обязаны ей верностью, вам не следовало бы одобрять мнение, что мою шкуру следует ценить столь низко. А поскольку я вижу по вашим письмам, что вы это делаете, я ясно понимаю, что среди вас еще есть те, кто охотно покусился бы на мою особу, и чтобы обезопасить себя от наказания, они хотят отменить страшную кару, какая за это причитается. Посему будет благом, если я приму две меры: первая состоит в том, чтобы очистить суд от таких людей, вторая в том, чтобы заставить выполнять решение, какое я уже однажды выносил, — чтобы ни один судья не мог смягчать наказания за оскорбление величества.

Истребование дел в Совет

Впрочем, у Людовика XI было много возможностей «обуздать» свой парламент. Он отнял у парламента много дел, передав их в судебную секцию своего Совета[5], отныне ставшую Палатой

[5] Эта секция включала в свой состав юристов из Совета, а также дюжину магистратов и клириков, не принадлежавших к политическому Совету. Позже она стала называться *Большим советом* в противоположность Совету политическому, названному *Узким*.

правосудия со всеми причитающимися органами. Такие «истребования», при Карле VII крайне редкие, сделались «бесчисленными». Совет брался рассматривать дела, связанные с королевским доменом, с распределением должностей и церковных бенефициев, с преступлениями и грабежами феодалов[6]. В царствование Карла VIII он будет регулярно проводить процессы, прямо затрагивающие корону.

Ускоренное судопроизводство

Король неизменно сохранял за собой право на применение непосредственных мер подавления и на ускоренное судопроизводство: народные движения, например, карались с ужасающей быстротой. Когда в 1478 г. канцлер захотел поручить суд над мятежниками, устроившими восстание в Марше, Большому совету, он получил такую записку: «Я хочу, чтобы их наказали немедля и на месте и чтобы ни люди из Большого совета, ни люди из парламента ничего об этом не знали».

Управление провинциями

Об управлении провинциями во времена Людовика XI пока известно мало. Похоже, королю, несмотря на угрозы и увольнения, не очень

Людовик XI называл Большим советом то весь Совет в целом, то судебную секцию.

[6] П. Доньон опубликовал первый официальный приговор, вынесенный Большим советом, текст которого дошел до нас: это был приговор сеньору-убийце и грабителю (1481 г.).

хорошо удавалось контролировать чиновников, которые управляли, судили и собирали налоги вдалеке от него. «Бедные подданные» жаловались на беспощадную эксплуатацию. Коммин говорит о своем господине, что «он обременял подданных налогами, но отнюдь не потерпел бы, чтобы это делал кто другой»[7]. Но Людовик XI не мог видеть всего. Из-за многочисленности своих политических начинаний он неизбежно многого не знал, а то и делал вид, что не знает. Он проявлял снисходительность к губернаторам, бальи, реформаторам и сборщикам налогов, лишь бы они ему не изменяли. Впрочем, в оправдание их алчности и коррумпированности достаточно напомнить, как сам Филипп де Коммин стал вельможей. Люди короля сверху донизу выжимали из Франции последние соки.

Армия

Кстати, Людовик XI имел самое дорогостоящее правительство, о каком когда-либо слышали, и прежде всего самую дорогостоящую армию. Он без конца повышал военные расходы[8]. Он сохранял и развивал прежние методы комплектования армии, часто созывал арьербан, требовал от городов, чтобы они были готовы к обороне, даже заставлял всех парижан надевать боевые доспехи. Он довел ордонансные роты в 1470 г.

[7] *Филипп де Коммин*. Мемуары… С. 257.

[8] Военный казначей в 1470 г. ассигновал 907 362 ливра, в 1473 г. — 1 028 015 ливров, в 1483 г. — 2 700 000 ливров.

до двух тысяч копий и в конце царствования до 3884 копий и удвоил численность вольных лучников. Правда, в 1479 г. он, раздраженный недисциплинированностью и грабежами этой посредственной пехоты, распустил вольных лучников северных провинций, но сохранил лучших, чтобы сформировать отряды копейщиков, по образцу швейцарцев, и даже набрал в Швейцарии несколько тысяч наемников. В 1480 г. он разбил на границе Фландрии лагерь более чем на 20 тыс. человек.

Начало новых беспорядков

Война Лиги общественного блага уничтожила военную дисциплину. С тех пор ордонансные роты, арьербан, вольные лучники, а позже швейцарские наемники — все начали без оглядки грабить. Около 1469 г. в Южной и Центральной Франции появились банды, возродившие подвиги «живодеров». Воины, стоявшие гарнизоном в Амьене, дурно обращались с горожанами, изгоняли их из домов и забирали их жен, ссылаясь на то, что имеют дело с «подлыми бургундскими предателями», и «постоянно захватывали на полях бедных пахарей вместе со скотом, продавали и выставляли их как добычу — не только скот, но и самих пахарей». Французам оставалось утешаться песнями: их веселил монолог «Вольного стрелка из Баньоле» (1468), типичного «вояки» — грабителя, фанфарона и труса:

Я боюсь только опасностей,
А больше я ничего не боюсь!

Финансовые трудности

Как в худшие времена английского вторжения, бывало, что тяжелые кавалеристы ждали жалованья по несколько месяцев, а то и по году, и именно поэтому королевские эдикты и строгости не могли помешать им грабить. Финансовые чиновники не знали, где найти все деньги, каких требовал король. «Поезжайте завтра в Париж, — писал он в 1471 г. Бурре, — и возьмите денег из волшебной шкатулки, сколько будет надо, да не ошибитесь». В самом деле, чтобы содержать, наряду с такой армией, все больше чиновников и пенсионеров и выполнять все обещания, данные обитателям земли и неба, без «волшебной шкатулки» было не обойтись. Одни только расходы двора, в конце предыдущего царствования колебавшиеся от 250 тыс. до 300 тыс. ливров, в 1470 г. достигли 327 тыс. ливров, а в 1481 г. — 415 500.

Доходы

Завоевания и конфискации, вероятно, позволили бы Людовику XI значительно повысить поступления с домена, но из-за отчуждений земель, какие он производил, эти поступления не превышали 100 тыс. ливров. На политические щедроты король расходовал также значительную часть доходов от эда и габели, причем сумма этих доходов не росла: из двадцати соляных амбаров деньги к концу царствования поступали только от семи.

Талья

Умножать ресурсы он рассчитывал за счет сбора тальи. Он сделал этот налог «непомерным и жестоким». С 1200 тыс. ливров в 1462 г. талья выросла в 1471 г. до 1900 тыс. ливров, в 1474 г. — до 2700 тыс. ливров, в 1476 г. — до 3200 тыс. ливров, в 1481 г. — до 4600 тыс. ливров и после подписания Арасского мира не опускалась ниже 3900 тыс. ливров[9].

Крайние средства

Наконец, Людовик повысил некоторые дорожные пошлины и таможенные тарифы и прибегал ко всем старым приемам, от каких отказывались советники отца: он практиковал принудительные займы, торговал привилегиями, вымогал деньги из покупателей фьефов и выморочных владений, злоупотреблял чрезвычайными сборами, штрафами, конфискациями, реквизициями. Он «тратил все, что собирал»[10], о чем пишет Коммин.

---

[9] Карл VII довольствовался *общей суммой* доходов в 1800 тыс. ливров. Карл VIII и Людовик XII, несмотря на Итальянские войны, не поднимут талью выше 3300 тыс. ливров.

Королевский бюджет к моменту смерти Людовика XI:

Домен	100 тыс. ливров
Эд и габель	655 тыс. ливров
Талья	3900 тыс. ливров
Итого	4655 тыс. ливров

[10] *Филипп де Коммин*. Мемуары… С. 211.

Царство произвола

В сфере финансов, как и во всей своей политике, он плюнул на правила поведения, какие усвоил Карл VII, и нарушил традиции экономного и умеренного управления, какие сложились во Франции к моменту его вступления на престол. Он насадил режим произвола.

II. Отношения с дворянством и городами. Экономическая политика

Людовик XI и дворянство

Людовика XI, как писал Жан де Руа, секретарь герцога Бурбона, «настолько боялись, что в его королевстве не было такого вельможи, даже среди вельмож его крови, кто бы чувствовал себя в безопасности, когда спал или отдыхал в своем доме». Тем не менее этот «страшный король» прибегал к силе, только когда усматривал для себя угрозу. Дворян, смирявшихся с необходимостью ему служить, он осыпал пенсиями, фьефами и должностями, а непокорных пытался сковать клятвами, либо требуя присяги на верность на знаменитом кресте святого Лауда, либо жалуя им цепь ордена святого Михаила, созданного им в 1469 г. по образцу Золотого руна герцогов Бургундских. Но в XV в. в системе ценностей феодалов клятвы не имели большого веса. Мятежников Людовик XI смирял силой. Он, вынужденный проявлять осторожность, пока был жив его брат и пока Карл Смелый оставался опасным, с 1475 г. взял реванш.

Казни коннетабля Сен-Поля и герцога Немурского оказали устрашающий эффект, какого и желал король.

Принцы крови

После смерти Карла Смелого ни один принц крови не был способен противостоять Людовику XI. Молодой герцог Орлеанский погружался в разгул, чтобы забыть о браке, к которому его принудили. Графы Ангулемский и Дюнуа в 1467–1468 г. умерли; их сыновья, пока Людовик XI был жив, вели себя тихо. Жан II, герцог Бурбон, за которым надзирали и которого изводили люди короля, с трудом сдерживался, но молчал. Лакей из королевской гардеробной Жан де Дуайя, которого в 1477 г. назначили бальи города Кюссе, сделал политическую карьеру, эксплуатируя недоверие короля к этому принцу: когда Жан II намеревался, по примеру предшественников, осуществить права, на исключительное обладание которыми претендовала монархия (судебное рассмотрение особых дел, пожалование грамот о помиловании, учреждение ярмарок, чеканка монеты и т. д.), его чиновники должны были являться в парламент, а для проведения важных судебных процессов в 1481 г. в Монферране стали устраивать «Великие дни». Когда чиновники молодого герцога Алансонского Рене тоже имели несчастье вызвать раздражение короля, Рене решил было удалиться к герцогу Бретонскому. Единственно за это преступное намерение он был арестован в 1481 г. и подвергнут

заключению в Шиноне в зверских условиях: в течение трех зимних месяцев его держали «в железной клетке полутора футов в длину, из-за чего, по его словам, он лишился плеча и бедра». Что касается Анжуйского дома, то смерть, столько раз служившая замыслам Людовика, прежде него унесла старого Рене и его племянника графа Мэнского.

Наследство Анжуйского дома

Король хотел получить все наследство обоих принцев: графство Мэн и герцогство Анжу, а за пределами королевства — герцогство Бар и графство Прованс, не говоря уже о правах на Неаполь, Сицилию, Арагон и Иерусалимское королевство. К моменту примирения с Людовиком XI в 1476 г. Рене вернул себе власть над Анжу, но, вероятно, с условием завещать его короне. Он хотел бы по меньшей мере обеспечить обладание Барруа за внуком, герцогом Лотарингским, но Людовик XI воспротивился этому и после смерти Рене, в 1480 г., присоединил герцогства Анжу и Бар к королевскому домену. Прованс, на который зарился герцог Лотарингский, тоже ускользнул от последнего и попал в руки Карла II, графа Мэнского, который не имел потомства и обещал сделать своим наследником Людовика XI. Кстати, к тому времени король уже несколько лет как приобрел в Провансе сторонника: Паламед де Форбен, председатель «Выдающегося совета» (Conseil éminent), получал от французского двора пенсию. Карл II умер в 1481 г., завещав

Людовику XI Мэн и Прованс. Таким образом, все владения Анжуйского дома, кроме Лотарингии, отошли в домен короны, и королевство получило Марсель и Тулон.

Южные феодалы

На Юге победа королевской власти над вельможами была полной. Династия графов Арманьяка угасла со смертью Жана V, а Шарль д'Арманьяк, виконт Фезансага, не ладивший с людьми короля, с 1471 г. оказался в Бастилии. Владениями графа Фуа управляла Мадлен Французская. Ален, сир д'Альбре, был слугой и «кумом» короля. Правда, мелкое южное дворянство осталось непокорным и склонным к грабежам, и Ажене в книге записей командора Бернара Гро выглядит местностью, охваченной ужасными беспорядками. Людовик XI и его парламенты не смогли полностью обуздать это старинное бедствие — частные войны.

Бретань

Существовал еще один полностью независимый феодальный дом — Бретонский. Франциск II в 1479 г. отказался давать королю войска для завоевания Фландрии. Людовик XI, который его «ненавидел»[11], разместил на бретонских границах солдат, а поскольку у Франциска было только две дочери, король за 50 тыс. экю купил права дома Блуа на герцогство. В 1481 г. герцог Бретонский подписал союз с Максимилианом

11 Там же. С. 250.

и королем Англии; теперь ко всем сторонникам Франции в герцогстве относились как к врагам государства. Таким образом, Людовику XI не удалось окончательно разгромить высшую знать, равно как избавиться от походов мелкопоместных дворян-разбойников. Он продолжил, проявляя больше ловкости и применяя больше насилия, дело предшественников, но завершить его не смог.

Людовик XI и города

Бюргерство в этом оказывало королю очень эффективную поддержку. Города помогали ему расстраивать планы феодальных коалиций, стеречь его политических узников, следить за кознями дворян, останавливать их армии. В больших фьефах и даже за границами королевства они более чем когда-либо были центрами монархической и французской пропаганды: так, в Савойе Людовик XI смог создать свой протекторат именно благодаря горожанам. Ведь в самом деле города находили в нем всегда готового защитника от феодальных насилий, а присоединение к королевскому домену было для них гарантией если не независимости, то как минимум безопасности. Людовик XI в письмах и частных беседах не скупился на лесть и обещания горожанам. В 1473 г., принимая делегатов города Амьена, он приказал, чтобы его оставили с ними наедине, сказав: «Я хочу говорить со своими добрыми друзьями из Амьена — не как с послами, а как с друзьями».

Требования и произвол короля

Впрочем, от своих «друзей» он требовал многого. Займы, чрезвычайные поборы, непрестанные реквизиции, о которых мы говорили, ложились бременем прежде всего на горожан. Опека королевской власти над добрыми городами стала в царствование Людовика XI намного плотней. Король часто посягал на прерогативы муниципалитетов в сферах финансов, юстиции, общественных работ, даже простой охраны порядка и нарушал сами муниципальные уставы, присваивая себе право урезать или отменять местные вольности и назначать мэров по своему выбору. «Мэрии, законы и состав эшевенов, — заявлял он, — мы можем обновлять, создавать и распоряжаться ими по своему произволу и желанию, без того чтобы кто-либо мог судить об этом».

Союз с крупным бюргерством

Когда Людовик преобразовал учреждения некоего города, это делалось почти всегда с тем, чтобы разделить в нем власть между королевскими чиновниками и несколькими семействами богатых бюргеров, верность которых себе он обеспечивал аноблированием и всевозможными милостями. В Лиможе, например, он отнял у ремесленников особое право участвовать в муниципальных выборах — теперь это стало привилегией корпорации из ста нотаблей. Он ненавидел демократическое управление, не любил «общие собрания больших сообществ», на которых толпа

подпадает под влияние «нескольких неблагонамеренных людей». Его называли «королем простолюдинов»; это в корне неверно: между ним и простонародьем никакой симпатии не было. Ремесленники поднимали восстания в городах против королевских налогов, а король их безжалостно подавлял при помощи муниципальной аристократии. Людовик XI был не более чем королем бюргеров — зажиточных бюргеров, которые давали ему деньги, не жалуясь.

Людовик XI и цеха

Одна из главных целей его экономической политики заключалась в том, чтобы сделать богаче и сильней класс купцов и цеховых мастеров. С инициативностью, властностью и упорством, каких никогда не проявляли предшественники, он занимался организацией труда, оказывал покровительство разным отраслям промышленности, создавал рынки сбыта и организовал перевозку товаров. Его многочисленные ордонансы, касавшиеся ремесел, в основном были направлены на то, чтобы защищать хозяев от рабочих, сохранять должности мастеров за привилегированными семействами, наконец, ограничивать свободный труд к выгоде цеховой системы. Очень старавшийся, как мы видели, советоваться со «сведущими людьми», король прежде всего прислушивался к парижским хозяевам. В 1475 г. он созвал в ратуше собрание, где вместе с его советниками заседали парижские бюргеры и купцы; эта комиссия разработала устав для сукноделия, который был

обнародован в 1479 г. как «общий и вечный» ордонанс, действительный для всего королевства. Таким образом Людовик XI намеревался подчинить суконщиков всей Франции одним и тем же правилам. В его управлении покровительству всегда сопутствовал деспотизм и уже возникала тенденция нового времени — к административному единообразию.

Шелкоделие

Тем не менее он обладал слишком гибким умом, чтобы в подобной сфере проводить «политику принципов», и, как всегда, умел приспосабливаться к обстоятельствам. Чтобы развивать во Франции производство шелка, он пригласил итальянских рабочих, которых в 1467 г. поселил в Лионе, и не навязывал им цеховых ограничений. Король мечтал, чтобы шелкоделием занялись все бездельники: «Как служители церкви, дворяне, монахини, так и прочие, кто ныне празден, — писал он, — обретут в этом деле почетное и полезное занятие». Потерпев неудачу в Лионе, он перевез итальянцев и их мастерские в Тур, и, несмотря на неприязнь турцев, новая мануфактура стала процветать.

Рудники

Ордонанс Людовика 1471 г. о рудниках был одновременно очень тираническим и очень либеральным: он обязывал владельцев разрабатывать свои залежи под страхом лишения прав и учреждал для контроля ведомство главного смотрителя

рудников, руководство которым поручал деятельному Гильому Кузино; но он освобождал от налогов и дозорной службы мастеров и рабочих, в том числе иностранцев, ведь самыми умелыми были немецкие рабочие.

Торговая политика

Извлекать выгоду из всех национальных ресурсов, чтобы обогащать подданных и казну и не позволять наличным деньгам утекать из Франции, — таков был принцип торговой политики Людовика XI. Торговлю пряностями монополизировала Венеция; он собрал караван судов, чтобы послать за этим товаром в Александрию, и в конечном счете бросил своих корсаров против флота венецианцев, виновных одновременно в том, что они мешали его гегемонистским планам в Италии и что вели продажи во Франции, ничего не покупая. После тщетной попытки воскресить мертвый город Монпелье и создать большой порт в Коллиуре король с радостью захватил Марсель, рассматривая его как место, откуда можно было развозить средиземноморские товары по всей Северной Европе. Чтобы оживить внутреннюю торговлю, он основал великое множество ярмарок и рынков. Монарх запретил подданным ездить на женевские ярмарки, присуждал нарушителей к огромным штрафам и тем самым добился разорения этих ярмарок к выгоде лионских. Но он не был непримиримым сторонником протекционизма: всевозможными милостями привлекал во Францию иностранных купцов и вернул Бордо

процветание, согласившись терпеть там английских негоциантов. Одним из самых его горячих желаний было политическое и экономическое примирение Франции и Англии. Когда благодаря его вмешательству в 1470 г. вновь сел на трон Генрих VI, Людовик XI поспешил договориться с ним о перемирии и подписать договор о свободной торговле, а два купца из Тура получили официальное поручение сопровождать посольство с грузом «пряностей, золотой парчи и шелка, тканей и прочих товаров», чтобы англичане могли рассмотреть эти продукты и «тем самым узнали, что и французские купцы способны их поставлять, как и прочие народы». После договора в Пикиньи Людовик XI и Эдуард IV заключили торговое соглашение.

Экономические итоги царствования

В 1461 г. королевство находилось в очень жалком состоянии. Оставил ли его Людовик XI более процветающим? При всех жалобах бюргеров представляется бесспорным, что в его царствование большинство крупных городов, несмотря на изнурительное бремя королевских требований, отчасти поднялись из руин и некоторые, как Амьен и Орлеан, даже достигли благополучия, какого никогда прежде не знали. О сельской местности того же сказать нельзя. Людовику XI, далекому от забот о смягчении участи крестьян, как-то пришла мысль переложить все подати на них, чтобы освободить от таковых свои добрые города, и его остановило только опасение

«поставить под угрозу свои доходы». Коммин думал прежде всего о сельских жителях, мучимых фиском, угнетаемых солдатами, когда писал о своем желании, чтобы государи «имели больше жалости к народу»[12].

Планы конца царствования

За неимением жалости Людовик XI обладал здравым смыслом и в конце царствования решил отныне позволить подданным жить в мире, а самому трудиться изо всех сил, какие у него оставались, ради роста национального богатства. Он хотел побудить купцов королевства учредить компанию стоимостью «в сто тысяч ливров и более, чтобы торговать на Левантийском море и в других местах, и построить великое множество галер, нефов и прочих судов, дабы в его королевстве велась торговля, а иностранцы о нем более бы не знали»[13]. За несколько недель до смерти он разрешил служителям церкви, дворянам и королевским чиновникам заниматься торговлей и объявил о намерении отменить внутренние дорожные пошлины. Неимоверное разнообразие мер и весов представлялось ему пагубным для торговли, и король заявил о готовности ввести во всей Франции единые меры и веса. Точно так же для улучшения правосудия, вызывавшего столько жалоб, он видел только

---

12 Там же. С. 257.

13 Протокол собрания «сведущих людей» одиннадцати добрых городов в Туре от 14 февраля 1482 г.

одно средство — унификацию кутюм[14]. Воплотить в жизнь столь обширные планы было, разумеется, не в его силах. Во всяком случае, эти планы окончательно выявляют характер и представления этого своеобразного короля, обладавшего душой настоящего революционера.

[14] Эти замыслы, как и замысел созвать в ближайшее время Генеральные штаты, были изложены депутатам городов, прибывшим в Турень по случаю приезда невесты дофина. В 1480 г. Людовик XI приказал всем бальи и сенешалям прислать в канцелярию «кутюмы и законоположения их бальяжей, чтобы составить из них новую кутюму».

III. Людовик XI и церковь

Людовик XI и Прагматическая санкция

По отношению к французской церкви Людовик XI проявлял циничную бесцеремонность. Для его внешней политики, особенно в Италии, и даже для внутренней политики было важно, чтобы папа не питал к нему враждебность; с другой стороны, Прагматическую санкцию 1438 г. создали советники парламента, магистры университета и прелаты с независимым характером, и по всем этим причинам ему было трудно смириться с ее существованием, хотя Карлу VII Прагматическая санкция не мешала фактически подчинить себе галликанскую церковь. Наконец, статья, позволявшая «принцам королевства» обращаться к выборщикам с «благожелательными просьбами» в пользу своих креатур, как казалось ему, предоставляет знати опасное влияние, и он полагал, что режим конкордата имеет преимущество, обеспечивая королевской власти контроль над карьерным ростом всех служителей церкви. То есть у него были мотивы отменять Прагматическую

санкцию. Но были и мотивы сохранять ее: король боялся злоупотребления оговорками, экспектативами и аннатами, а также «вывода монеты» (évacuation des pecunes) из Франции в Италию; передача судебных дел в римскую курию его тоже не устраивала; и потом, такому королю, как он, могло быть нелегко договориться со столь авторитарными понтификами, как Пий II (ум. 1464), Павел II (ум. 1471) и особенно Сикст IV, человек алчный, грубый и коварный, который относился к своему возведению на Святой престол как к получению возможности обогатиться для себя и племянников и стал проводить политику, называемую «непотизмом». Поэтому Людовик XI то отменял, то восстанавливал Прагматическую санкцию в зависимости от обстоятельств, и в его царствование французское духовенство никогда не знало, при каком режиме живет и кто должен жаловать бенефиции. Правилом теперь стал лишь королевский произвол.

Пий II добивается отмены Прагматической санкции

По вступлении на престол Людовик легко позволил легату Жану Жуффруа убедить себя, что должен уничтожить сделанное отцом, и в посланиях от 27 ноября 1461 г., в выражениях, очень оскорбительных для авторов Прагматической санкции, которых он обвинил в том, что они возвели в королевстве «храм распутства», заявил, что возвращает Святому престолу «абсолютное владычество, свободную юрисдикцию

и неограниченную власть» над галликанской церковью. Но Пий II не выполнил обещания, какие дал королю легат, и отказался поддержать французскую политику в Италии. Помощь, которую он оказал герцогу Франциску II в деле о регалии бретонских епископов, окончательно поссорила его с Людовиком XI. Тот повел разговоры о правах короны, о «власти своего парламента» и о созыве будущего собора (письма и эдикты за май 1463 г., февраль и июнь 1464 г.), когда Пий II умер.

Людовик XI и Павел II

Ордонанс, изданный 10 сентября 1464 г., во время восшествия на престол Павла II, запрещал экспектативы, а вскоре Людовик XI благосклонно принял записку Тома Базена и ремонстрации парламента насчет отмены Прагматической санкции, отмены, губившей королевство в материальном и духовном отношениях: за три года, по суровым заявлениям парламента, Рим вывел за пределы Франции столько денег, что на мосту Менял, «где обычно обитали менялы, теперь обитают одни шляпники и изготовители кукол». Но тем временем началась война Лиги общественного блага. Участие епископов-«прагматиков», Тома Базена и Гильома д'Аркура, в мятеже, необходимость искать повсюду поддержки против Месье Карла и его союзников, а позже вступление Карла Смелого на трон герцога Бургундии не оставили Людовику XI выхода: он отозвал эдикты 1463–1464 гг. и в 1467 г.

снова отменил Прагматическую санкцию. Его генеральный прокурор в парламенте выразил протест — и потерял свою должность. Впрочем, король про себя радовался этому протесту, готовившему почву для крутого поворота, который и в самом деле едва не случился в конце понтификата Павла II.

Людовик XI и Сикст IV. Виссарион в должности легата

Нуждаясь в папе Сиксте IV для того, чтобы помешать заключению брака между Месье Карлом и наследницей Бургундии, Людовик XI в 1472 г. вступил с ним в переговоры о конкордате и пригласил во Францию проповедника крестового похода на турок, кардинала Виссариона. Но Месье Карл уже успел умереть, когда конкордат был подписан, так что король решил, что выполнять последний совершенно незачем, и Виссарион ничего от него не добился для священной войны. Тогда, как, впрочем, и в другие времена, король всерьез не думал о поддержке дела крестоносцев. Сплочение христиан против турок, отмена Прагматической санкции — все это для него было только словами, какие в некоторых случаях полезно произносить.

Конфликты с Сикстом IV

Созыв вселенского собора тоже был жупелом, которым он время от времени размахивал. Сикст IV, недовольный, что конкордат 1472 г. не

выполняется, отказался жаловать кардинальский пурпур кандидатам, угодным Людовику XI, и возвел епископа Авиньонского в архиепископы, не посоветовавшись с королем; а ведь Людовик XI уже сделал протекторат над папскими владениями во Франции плотней, чем тот был при его предшественниках, — он воспринимал авиньонцев почти как собственных подданных. 8 января 1476 г. он предписал прелатам королевства готовиться к собранию в Лионе, где в ближайшее время будет созван вселенский собор ради пресечения «вопиющих случаев симонии, провинностей и злоупотреблений», пятнающих церковь; в тот же день он запретил бенефициаристам покидать королевство без его разрешения и назначил комиссаров, которые должны были не допускать публикации булл, противоречащих «привилегиям, вольностям и свободам галликанской церкви». В ответ папа в марте 1476 г. отправил легатом в Авиньон своего племянника Джулиано делла Ровере вместо кардинала Бурбона. Джулиано делла Ровере, будущий Юлий II, был человеком настолько ловким, что сумел успокоить Людовика XI и даже стать его «весьма дорогим и большим другом». Но милость, проявленная Сикстом IV к Максимилиану Австрийскому, и дело Пацци вновь разожгли конфликт между королем Франции и Святым престолом. 15 сентября 1478 г. Людовик XI созвал в Орлеане собор галликанской церкви; прелаты и богословы выразили там протест против «выкачивания монет и против прочих злоупотреблений, какие

в римской курии творят те, кто держит нашего святого отца в своих руках», и потребовали созыва вселенского собора.

Подчинение духовенства королю

Сикст IV, как мы видели, не дрогнул перед этими угрозами. Тем не менее Орлеанский собор не заслуживает забвения, потому что он показал, до какой степени Людовик XI подчинил себе духовенство. Правда, некоторые прелаты не откликнулись на призыв короля; он заявил, что «недоволен» ими, и 10 октября написал канцлеру: «Составьте повеления, чтобы их светские владения были переданы в мои руки, ибо не должно быть никого, кто бы в этом деле отступался». Никогда французская церковь не знала столь деспотичного обращения. Мы видели, что Балю и Аранкура отправили в заключение без суда, потому что король не хотел проведения процесса в римской курии. В 1480 г. он заточил в Консьержери благочестивого епископа Кутансского Жоффруа Эрбера, виновного в том, что был главным советником герцога Бурбона. Чтобы не попасть под подозрение, следовало быть сервильным, как Жан Эберж, епископ Эврё, о котором король сказал: «Пока этот епископ — славный малый; не знаю, каким он станет в будущем, [а теперь] он постоянно занят у меня на службе». Даже Парижский университет смиренно согласился включить королевских чиновников в состав собственной администрации. Что касается инквизиции, Людовику XI в его королевстве она была неугодна:

инквизиторы, преследовавшие в Дофине вальденсов, получили приказ остановиться, дела о ереси следовало передать в Большой совет, и им пришлось прибегнуть к уловкам, чтобы продолжить свое дело.

Свобода выборов

Можно догадаться, какая свобода, даже в периоды, когда Людовик XI столь громогласно говорил о правах галликанской церкви, была предоставлена капитулам и монастырям для назначения пребенд и выбора соответственно епископа или аббата и насколько в своих решениях король мог считаться с духовными интересами церкви[15]. Он посмел сделать архиепископом Бордоским Артюра де Монтобана, убийцу Жиля Бретонского. Он то просил назначения на церковную должность у папы и запрещал выборщикам вмешиваться, то давал им настоятельную «рекомендацию», порой для ее подкрепления посылая отряд тяжелых кавалеристов и вольных лучников. Нуждаясь в верном человеке на должности епископа Анжера, «города, каковой весьма необходим и находится в пограничной местности», король 13 мая 1479 г. написал каноникам:

> Дорогие и горячо любимые друзья, мы уже дважды или трижды писали вам, чтобы вы

[15] Правда, в 1462 г. Людовик XI заинтересовался реформированием ордена Клюни. Но в целом моральный упадок церкви в его царствование только усугубился.

> соизволили избрать мэтра Ожье де Бри, нашего советника; вы этого так и не сделали. И посему по получении настоящих посланий немедленно выберите его, ибо мы ни за что не потерпим, чтобы епископскую кафедру занял кто-либо другой, кроме означенного нашего советника; ибо если я узнаю, что кто-то этому противится, я изгоню этого человека из Французского королевства, и непременно.

Аббаты, как и епископы, должны были назначаться по его усмотрению, и его протеже собирали скандальное множество крупных бенефициев. Узнав, что аббат Ле-Бека болен, он заранее рекомендовал монахам кандидатуру своего исповедника, епископа Авраншского, и присовокупил: «Не будьте столь неразумны, чтобы избрать кого-либо иного или просить за кого-либо иного, кроме оного нашего исповедника»[16]. В 1479 г. при завоевании Франш-Конте Людовик хотел отдать аббатство Сен-Пьер в Мелёне архиепископу Безансонскому. Когда монахи позволили себе выбрать аббата из своей среды, в монастырь проникли сержанты маршальского прево, переодетые кре-

---

[16] Это письмо от 22 марта 1476 г.; когда 14 мая аббат умер, монахи, «все купно вдохновляемые самим Всевышним Творцом, следуя путем Святого Духа и божественного наития, — уверяет добрый хронист Ле-Бека, — сразу, непосредственно и немедля, единодушно, дружно, единогласно, единым духом, безо всякого разномыслия и без того, чтобы на этом сказалась какая-либо договоренность», избрали исповедника Людовика XI.

стьянами, и похитили нового избранника, который был отправлен в турскую тюрьму «связанным по рукам и ногам, как вор».

Людовик XI и Святой престол в конце царствования

В три последних года жизни Людовик XI уже не заговаривал о Прагматической санкции и достиг полного согласия со Святым престолом как в пожаловании пребенд, так и в итальянских делах. Его друг Джулиано делла Ровере, еще раз прибывший в качестве легата, добился освобождения Балю (20 декабря 1480 г.) и Аранкура. Незадолго до этого Людовик XI едва не умер. Теперь первой его заботой стало любыми средствами оттянуть неизбежную расплату, «ведь ни один человек не боялся так смерти и не делал столь многого, чтобы избежать ее, как он»[17]. Сикст IV послал ему лоскут кожи святого Антония Падуанского, «антиминс, на котором служил мессу святой Петр»[18], и множество других реликвий, разрешил помазаться миром из святой реймсской склянки, велел отшельнику Франциску Паолийскому отправиться в Плесси-ле-Тур и тем самым смог добиться от умирающего короля всего, чего хотел.

---

17 *Филипп де Коммин*. Мемуары… С. 254.

18 Там же. С. 250.

IV. Смерть Людовика XI

Людовик XI с 1479 г.

В 1479 г. Коммин, вернувшись из посольства во Флоренцию, нашел Людовика XI «состарившимся»[19]. В том же году миланский посланник Висконти писал, что король недавно долго болел и его стараются не «выводить из себя». «Каждый день, — добавлял Висконти, — он становится все более нелюдимым и, как все старики, кончина которых близится, более раздражительным». Послу было нелегко добраться до него: «Его означенное величество приказал изготовить великое множество очень острых подметных каракулей, каковые он велел разбросать по дорогам, ведущим к его убежищу, кроме одной, очень узкой и очень неудобной, где находятся его охранники, чтобы никто не мог приблизиться».

Убежище Плесси-ле-Тур

Этим убежищем был замок Плесси-ле-Тур, стены которого щетинились башенками, остриями и железными решетками. Людовик XI, осо-

---

[19] Там же.

бенно с 1482 г., затворился там, постепенно удалил от себя советников и терпел рядом только людей низкого происхождения, которым предстояло потерять все в день, когда его не станет. С ним «никто не виделся и не вступал в разговоры, кроме как по приказанию короля»[20]. Он не доверял даже своей дочери Анне и зятю Божё, а также маленькому дофину, которого велел строго охранять в Амбуазе. Зная, как его ненавидят магнаты и даже многие «малые» люди, король опасался, как бы его не пожелали взять под опеку «под предлогом, что его рассудок не в порядке»[21]. Чтобы вводить в заблуждение тех, кто еще имел доступ к нему, он отказался от пурпуанов из грубого сукна и скрывал свою худобу под роскошными длинными одеяниями из малинового атласа. «Он заставил говорить о себе в королевстве больше, чем когда-либо раньше, и поступал так из страха, как бы его не сочли умершим»[22]. Он смещал чиновников, разжаловал военных, предпринимал все новые «жестокие наказания», давая знать, что он жив. Поэтому «собственные подданные трепетали перед ним, и что бы он ни приказал, выполнялось сразу же, беспрекословно и безоговорочно»[23]. За рубежом его дипломатия никогда не была столь активной и столь успешной: без конца прибывали посольства, прося

20 Там же. С. 255.
21 Там же. С. 240.
22 Там же. С. 246.
23 Там же. С. 250.

аудиенции у всемогущего короля, и «казалось, будто вся Европа для того только и создана, чтобы ему служить»[24].

Как Людовик XI расценивал сделанное им

Добровольно заточив себя в «тесной тюрьме»[25] Плесси, Людовик XI оценивал величие своих поступков: он уничтожил Бургундский дом, победил «великие происки, измены и заговоры» знати, а аннексия Франш-Конте, Прованса и Руссильона раздвинула старые границы королевства, «каковое королевство мы, — писал он, — благодаря Богу и предстательству преславной и преблагой Девы Марии, его матери, столь хорошо содержали, защищали и возглавляли, что увеличили и расширили его со всех сторон, проявляя великую заботу, участие и ревностное старание». Ни память о столь многочисленных судебных убийствах, спешных расправах, насилиях и коварствах, ни ощущение своей непопулярности не смущали его; он повторял: «Мы не утратили ничего из короны, но увеличили и расширили оную»[26]. Совесть упрекала его только за то, что он слишком жестоко покарал Немура, а разум — за то, что в начале царствования он отстранил почти всех добрых советников отца: 21 сентября 1482 г. он созвал

---

[24] Там же. С. 253.
[25] Там же. С. 257.
[26] Наставления дофину от 21 сентября 1482 г.

в Амбуазе собрание сеньоров и советников, где взял с дофина обещание не повторять этого неблагоразумного поступка.

Болезни Людовика XI

Незадолго до этого Людовик XI совершил паломничество к святому Клавдию, чтобы просить у праведника даровать ему здоровье, и дал монахам аббатства Сен-Клод виноградник в Бургундии, специально, чтобы обеспечить «хорошее состояние своему желудку». Он чувствовал себя обреченным, но, как отмечал Коммин, «его крепкое сердце не сдавалось»[27]. Король страдал водянкой и перенес два приступа паралича, в 1480-м и в 1481 г. Наконец, справедливо или нет, он считал, что болен проказой, коль скоро в 1483 г. заказал два средства, какие рекомендовали для исцеления прокаженных: кольцо святого Зиновия, флорентийскую реликвию, и кровь черепах с островов Зеленого Мыса. Все эти недуги он сносил не жалуясь и просил только об одном: жить, чтобы продолжать царствовать. Людовик окружил себя множеством астрологов, врачей и шарлатанов и щедро платил им за прогнозы и панацеи. Своего первого медика, грубого и алчного Жака Куатье, он сделал одним из самых богатых и могущественных лиц королевства. Но прежде всего монарх расточал дары своим небесным покровителям, не оставив всему духовенству королевства иных занятий, кроме как

[27] *Филипп де Коммин*. Мемуары… С. 241.

служить мессы и ходить крестным ходом. Он заставил прибыть в Плесси двух святых, молитвы которых слыли всесильными, — брата Бернардина из Дуллана и калабрийского отшельника Франциска Паолийского.

Смерть короля (30 августа 1483 г.)

25 августа 1483 г. Людовик вынужден был лечь в постель, и хотя он просил свое окружение, «чтобы ему не говорили о смерти и не произносили этого страшного слова», Куатье ему сказал: «Пришел ваш конец»[28]. «Король, — добавляет Коммин, — стойко выслушал этот жестокий приговор и держался вплоть до смертного часа как никто другой, кого мне приходилось видеть умирающим»[29]. Он послал сыну печати, охотничий двор, соколиный двор, часть лучников из своей охраны; передал сиру де Божё «все королевские полномочия и обязанности», попросил, чтобы юного Карла ограждали от дурных советов и чтобы пять-шесть лет избегали всякой войны. По его приказу Пьер де Божё без дальнейшего ожидания выехал в Амбуаз. Людовик XI позволил войти в свои покои также Пьеру де Рогану, маршалу де Жье, — это был один из бретонцев, которых он привлек к себе на службу, все еще питая к ним недоверие; когда Пьер де Роган предложил ему укрепляющее средство, «король сказал, что не хочет этого и что в Бретани у него слиш-

---

28 Там же. С. 254.

29 Там же.

ком много друзей». Он говорил, как об этом сообщает Коммин, «столь ясно, как если бы никогда не был болен»[30], и «речь его все время была вразумительной»[31]. Чередуя политические наставления с молитвами, король говорил, непрерывно говорил до тех пор, как уста ему сомкнула смерть, что произошло 30 августа около семи часов вечера. По его желанию прощальная церемония была очень скромная, и похоронили его не в Сен-Дени, а в церкви Клери, которую он основал в честь Богоматери, своей повелительницы.

30 Там же.
31 Там же. С. 253.

СОДЕРЖАНИЕ

Глава I. Людовик XI. Первые годы царствования 5

I. Смерть Карла VII и вступление Людовика XI на престол 7
II. Людовик XI и его окружение 14
III. Первые акты Людовика XI (1461–1465) . . . 41

Глава II. Феодальные коалиции (1465–1472) 55

I. Война Лиги общественного блага 57
II. Апанаж Карла Французского. Людовик XI в Перонне 74
III. Карл Французский в Гиени. Перевороты в Англии. Войны между Людовиком XI и Карлом Смелым 93

Глава III. Гибель Бургундского дома. Испанские и итальянские дела 111

I. Карл Смелый и Германия. Бургундские войны 113
II. Бургундское наследство 143
III. Испанские и итальянские дела 155

Глава IV. правление Людовика XI 173
I. Органы и ресурсы управления. 175
II. Отношения с дворянством и городами. Экономическая политика. 191
III. Людовик XI и церковь 203
IV. Смерть Людовика XI 212

Минимальные системные требования определяются соответствующими требованиями программ Adobe Reader версии не ниже 11-й либо Adobe Digital Editions версии не ниже 4.5 для платформ Windows, Mac OS, Android и iOS; экран 10"

Научное электронное издание

Серия «Parvus libellus»

Пти-Дютайи Шарль

ЦАРСТВОВАНИЕ ЛЮДОВИКА XI

Директор издательства *В. В. Чубарь*
Выпускающий редактор *Л. А. Галаганова*
Технический редактор *О. В. Новикова*
Подготовка издания *В. Ю. Трофимов*

Подписано к использованию 18.06.25
Формат 9,5×16,5 см
Гарнитура PT Sans

ООО «Издательство «Евразия»
197110, Санкт-Петербург, ул. Барочная, д. 2, лит. А, пом. 3-Н
Тел.: (812) 602-08-24
Сайт: https://eurasiabooks.com/
Эл. почта: eurasiaeditors@gmail.com

Электронное издание данной книги подготовлено
Агентством электронных изданий «Интермедиатор»
Сайт: https://www.intermediator.ru
Телефон: (495) 587-74-81
Эл. почта: info@intermediator.ru

К моменту смерти Карла VII, победителя в Столетней войне, положение Французского королевства было непростым. Дофин Людовик, ставший королем Людовиком XI, вынужденно вступил в конфликт с теми, кто прежде поддерживал его в борьбе с королем-отцом, — с крупными французскими феодалами. Особенно резким оказался перелом в отношениях с Бургундией. Если с герцогом Филиппом Добрым, который до коронации Людовика был для него не просто союзником, а прямо-таки покровителем, до открытого противостояния дело не дошло, то сын и преемник Филиппа, герцог Бургундский Карл Смелый, превратился во врага нового короля. Борьба с Бургундией стала одним из главных дел в царствование Людовика XI и завершилась для французского короля полным успехом.

Шарль Пти-Дютайи, знаменитый французский историк конца XIX — первой половины XX в., анализирует как внешнюю (отношения с Англией, Испанией, Италией, римскими папами), так и внутреннюю политику Людовика XI. Немало места автор уделяет описанию личности короля — его сложному характеру и отношениям с разными классами французского общества.